

Марианна Красовская

Дух воина

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Погибнуть в метро в девятнадцать лет – нелепо и обидно. Но смерть стала не концом, а только началом: Женька оказывается в диком мире среди кочевников. Старый шаман заявляет, что у Женьки дух воина, а значит, дорога ей в сотню волчат ханского сына. Мечта! Самое настоящее чудо... если бы не один маленький Женькин секрет.

Погони, скачки, мистика и магия, любовь, власть, необыкновенные приключения... Поможет ли Женьке ее тайна или навредит? Разгадка впереди!

- [Марианна Красовская](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)

- [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
-

Марианна Красовская
Дух война

Глава 1

Метро

Метро показалось ему опасным.

Не потому, что здесь был странный подвижный воздух. Не потому, что стоял гул и грохот. Не потому, что то и дело в толпе мелькала полицейская форма.

Просто слишком много людей. Всяких – и понаехавших, и бабулек с кошелками, и длинноволосых парней с расфокусированными взглядами, и девочек с надутыми губами и нарощенными волосами, и отличниц в очках и с тетрадками. Встречались и менеджеры в дорогих костюмах, и мужички в телогрейках, и шумные студенты с рюкзаками и гарнитурой в ушах. Поди пойми, кто из них по Женькину душу болтается.

А то, что за ним следят, Женька затылком чуял. Раньше бы он сказал по-другому, но он старался избавляться от нехороших слов. Лишнее это. Велик и многообразен русский язык, можно и по-человечески выражаться, потому что никогда не знаешь, куда тебя ветер занесет.

Женька оглянулся, прижимая к животу сумку-бананку. Никто не обращал внимания на худого, криво подстриженного подростка в больших солнечных очках. Подтянул штаны: жрать надо больше, исхудал уже до невозможности, а как жрать, когда кусок от нервного напряжения в рот не лезет?

Ничего, успеет и отожраться, и отоспаться. Еще немного – и в шоколаде будет. Надо только деньги по адресу доставить.

Стратегической ошибкой Женьки было то, что он спустился в метро – он и сам сейчас это понимал, но было уже поздно. Его явно срисовали. Выйдет наверх – станет только хуже. Тут можно и в толпе затеряться. Оглянулся, вздохнул... а потом стрелой, расталкивая теток с сумками, бросился в только что открывшиеся двери поезда. Разумеется, получил какой-то авоськой по спине, пару раз матюгнулся в ответ, но успел выскочить обратно на платформу через другую дверь. Тяжело дыша, спрятался за колонной, снял рюкзак, достал оттуда толстовку с Микки-Маусом и кепку с ушками и торчащими из-под нее

лохмами парика. Быстро переоделся, очки убрал, выпрямился. Был мальчик Женя, стала девочка Женя. Или Жанна, как он предпочитал себя называть. Поясная сумка скрылась под объемной толстовкой, куртка была засунута в рюкзак.

Светловолосая миниатюрная девушка в джинсах и кроссовках достала из кармана зеркало и помаду, ловко нарисовала губы и осторожно осмотрела окрестности. Затылок печь перестало, но это ничего не значило. Поправила рюкзак на плечах, спокойно прошла к противоположной платформе. Чем хорошо метро – катайся, сколько влезет. Рано или поздно выедешь, куда нужно.

Загудел приближающийся поезд. «Девочка» в толстовке с Микки-Маусом сняла рюкзак, чтобы не задевать им пассажиров, шарахнулась в сторону от тетки с баулами, а потом ее с силой ударили между лопаток.

Женька полетел вниз, на рельсы, теряя по дороге не только рюкзак, но и блондинистую шевелюру.

«Ну, охренеть, – успел он подумать. – Покатался на метро».

А дальше включились инстинкты. Перекатиться между рельсами, прижимая к телу явно сломанную от удара о землю руку. Вжаться в бетонный пол, закусить губу от страха, когда с ревом приближается многотонный поезд, и молиться о том, чтобы не задеть какой-то там контактный рельс. Мальчик мало что знал про устройство метро, но где-то слышал, что главная опасность – не удар о землю и не поезд, а именно тот самый рельс, а уж где он находится – и понятия не имел.

Поезд со скрипом, со стоном остановился. Близко-близко. Стало вдруг тихо и даже светло (это Женька глаза осмелился приоткрыть), а сверху раздались крики:

– Живая девка!

– Быстрее вылезай!

– Помогите же ей!

Какой-то мужик прыгнул вниз, схватил Женьку в охапку и передал наверх в чьи-то руки. Мальчишка взвыл от боли.

– Я вызвал «скорую», – крикнул бородатый дядька в камуфляже. – Эй, девочка! В смысле, мальчик! Где болит?

– Рука сломана, – прошипел Женька сквозь слезы.

– Идти сможешь? Разойдитесь, граждане, мальчика надо вывести наверх, там «скорая». Идти сам сможешь? В рюкзаке что-то ценное

было?

– Постараюсь, – проглотил Женька очередной крик боли. – В рюкзаке телефон, лекции... Пофиг. Главное, что живой.

Толпа потихоньку расходилась. Катастрофы с трупами и брызгами крови не случилось, а дальше уже неинтересно. Тем более что нашелся герой, который принял ответственность на себя.

Женька, поддерживаемый мужиком, вышел на воздух. Какая хоть это станция? Он уже и забыл.

– Деньги где, уродец мелкий? – неожиданно прошипел хороший дядька. – В сумке?

Он толкнул ошалевшего мальчика в больной локоть, задрал толстовку и срезал ножом «бананку», а потом как-то ловко ткнул этим же ножом Женьке в бок. Видимо, в печень. Мальчика охватил холод, от слабости подкосились ноги. Боли не было.

Кто-то заверещал, все вокруг закрутилось с бешеной скоростью.

Прежде чем отключиться, Женька успел подумать:

«Неужели они и в самом деле считают, что я таскаю несколько сотен баксов в поясной сумке? Даже обидно, что они держат меня за дурака...»

По статистике десять процентов детей из детского дома не доживают до тридцати лет. Треть становится наркоманами. У половины... а впрочем, Женька в его девятнадцать вошел в первую группу.

Наверное, зря он связался с Углическим. Но на самом деле выбора у него не было. Недвижимость дорогая, даже в области. Как только он окончил школу и получил заветный сертификат на квартиру, к нему пришли люди, которые популярно объяснили, что сироте жилье не особо и нужно. Все равно – сдохнет в подворотне. Но если будет возникать – то войдет в эти пресловутые десять процентов не к тридцати годам, а прямо сейчас. Умирать Женьке не хотелось. Квартиру отдавать тоже. Вот и придумал на свою голову разыскать одного старого знакомого.

Лет в одиннадцать Женька с приятелем сбежали из лагеря и уехали на электричке в Москву. Там попрошайничали, стали воровать. Познакомились с интересными ребятами, которые взяли над малышней шефство и научили некоторым забавным штукам. Женьку

хвалили особенно: очень ловкий он был, шустрый, да еще мелкий, ему лет восемь давали на вид, никак не одиннадцать. А еще у Женьки была отменно развита интуиция. Задница чувствительная, как говорили его новые друзья. Уже тогда Женька заприметил одного человека – Алексея Углического. Умный мужчина, жесткий, но не садист и со своими справедлив. Женька был уверен, что Углический далеко пойдет, и не ошибся. Сейчас Алексей владел несколькими гостиницами и парой кабаков. Кстати, именно Углический сдал парней обратно в детдом, популярно пояснив, что срок надо домотать. Женька обиды не таил, ибо внял аргументам умного дяди. Тот во всем оказался прав.

Поэтому, наверное, Женька даже варианты не рассматривал: только к Алексею. Нет, была, конечно, еще причина... Пожалуй, даже решающая. Но о ней не стоит.

Бывшему детдомовцу потребовалось несколько месяцев, чтобы разобраться в делах Углического и найти на него выход. Пришлось воспользоваться запрещенными приемами – но ничего, прокатило. Углический Женьку узнал и пообещал к себе взять, в дело, если он испытание пройдет.

Испытание было плевое: к одному кенту в особняк пробраться и сейф обчистить, причем Женьке даже коды дали. И личное дело.

Кент любил молоденьких мальчиков, а Женька по-прежнему выглядел лет на четырнадцать. Подцепить извращенца и попасть к нему в спальню было несложно. А там выпили-закусили, Женька ему пару капель снотворного спойл. Сам даже не опьянел – в него алкоголь, почитай, с молоком матери вливали. Привык, мог много выпить.

А денег в сейфе не оказалось, только документы. Их парень тоже прихватил. Деньги в одном из диванов были. Конечно, Женька и не думал их при себе держать, положил в коробку да отнес в службу доставки. Потом получит при надобности. Но тот факт, что за ним следят, настораживал. Явно не люди Углического его пасли, слишком агрессивное было внимание.

В общем, лоханулся Женька. Его нелепая смерть явилась за ним в девятнадцать. Обидно.

Глава 2

Рай небесный

Женька очнулся в каком-то непонятном месте. Над головой был белый с зеленой окаемкой круг, от которого расходились красные лучи. Круг светился. Болели бок и рука.

С трудом повернув голову, Женька обнаружил рядом с собой старика с коричневым лицом, редкой бороденкой и косыми глазами. На врача дед походил мало, на апостола Петра еще меньше. Старик был совсем голый, даже без трусов.

– Блин... – простонал Женька в отчаянии. – Все-таки эти уроды меня настигли.

Старик что-то сказал не по-русски. Женька не понял. Он помнил несколько слов по-английски, и на этом его познания в иностранных языках заканчивались.

Как ни странно, дед начал одеваться, не сделав ни малейшей попытки снасильничать парня. Потом приподнял Женьку и поднес к его губам глиняную плошку.

– Суу^[1].

– Сам такой, – буркнул Женька.

В плошке была вода, холодная и чистая. Женька осушил ее в два глотка, и в голове наконец стало проясняться. Нет, это не рай. Для рая слишком жарко и рука болит. И не ад – в аду никто не поднесет холодной воды. Значит, он живой. Вывезли поди куда-то, чтобы с телом не возиться. Нет тела – нет дела.

Женька не слишком разбирался в географии, он вообще в школу ходил мало. Поэтому понятия не имел, могли его отвезти в какую-нибудь Магнолию... нет, «Магнолия» – это стрип-бар Углического. Монголия, во. Далеко ли Монголия от России? Наверное, рядом, потому что у них в детдоме Монгол был. Такой же, как этот дед – косоглазый и с желтой кожей.

Почему он подумал о Монголии? Потому что находился явно в чуме. В чумах еще чукчи живут, но тут слишком тепло для Чукотки.

На руку был наложен лубок из жесткой толстой кожи. Бок замотан тряпками. Надо же, а говорили, что удар в печень – смертельный.

Видимо, промахнулся бородатый.

Женька попытался сесть, и дед тут же бросился к нему.

– Тэх, тэх^[2], – закудахтал старик.

– Иди в задницу, – буркнул Женька и тут же взвизгнул от оплеухи.

Не сильной, но обидной.

Старик охватил его лицо руками, прищурился так, что черные глаза стали почти щелочками, и прикоснулся лбом ко лбу Женьки.

– Будешь непотребно ругаться – буду бить, – прозвучало в голове у парня.

Женька никак не мог понять, как старик догадался. Хотя... экстрасенс, похоже. Телепат. Охре... Умереть не встать!

Ладно, понял. Лежать так лежать.

Но лежать все равно было стремно. Хотелось чем-то заняться. Книжку бы или телик, хотя откуда телик в чуме? Телефон остался в рюкзаке, жаль. От нечего делать ощупал себя. Дед явно его передел. На Женьке мягая ветхая рубаха и широкие штаны, завязанные шнурком на талии. Блин, выходит, дед видел его голым. Капец!

Старик, к счастью, одетый, снова показался в поле видимости. Сунул под нос чашу, на этот раз с каким-то отваром. Женька выпил – терять-то все равно нечего. И так смертник. С травками, авось, побыстрее дело пойдет. Не успел даже мысли додумать – засосало во тьму.

Проснулся зверски голодным, учуял запах мяса. С мясом у Женьки были особые отношения. Он до безумия любил все мясное, а в детском доме кормили хоть и разнообразно, но правильно. Котлетки паровые, супчики. Колбасу, сосиски, просто жареное мясо почти не давали. А в самостоятельной жизни мясо и вовсе было недоступно, хлеба бы добыть и кефира – и то праздник.

Дед же сунул Женьке под нос настоящий мясной бульон, в котором плавали травки (куда ж без них) и крупные куски мяса. Рот затопило слюной.

Старик с удовольствием смотрел, как его пациент с жадностью хлюпает бульоном и вылавливает мясо пальцами. Хорошо. Он боялся, что чужак привык к чему-то более изысканному. Все же кожа белая, руки нежные, да и вообще... но чужак, кажется, тот еще дикарь. Хотя нет – отдает тарелку и ищет, обо что бы вытереть пальцы. Станный набор звуков незнакомого языка светится хорошо, правильно.

Благодарность, причем от сердца. Шаман Аасор слов не понимал, но цвет их видел – это лучше, чем ничего.

Он отставил в сторону пустую миску, кинул раненому чистую тряпку, а потом стукнул себя в грудь и сказал:

– Кохтэ.

– Женья, – мгновенно ответил чужак, прижимая ладонь к груди.

– Йгуй^[3], – покачал головой старик. – Аасор. Кохтэ.

Чужак захлопал светлыми глазами, явно растерявшись, скривил губы. Аасор подал ему руку, жестом предлагая встать. На чужеземце все заживало как на собаке. Страшная рана в боку затянулась на глазах. Конечно, тут и мазь Аасора помогла, и ритуал вливания силы. Но не обошлось и без высшего вмешательства. Впрочем, неудивительно. Незнакомец был настолько необычен, и одежда у него настолько странная, что сразу понятно – все не просто так.

Женька поднялся. В боку мимолетно кольнуло, и боль ушла, а рука не болела вовсе. Вышел вслед за стариком из чума, зажмурился от яркого солнца. Со всех сторон было небо. Он никогда не видел столько неба, да еще пронзительно-голубого, ясного. И воздух, воздух! Чистейший. Пахнет травами. Ни газов тебе выхлопных, ни мусорных куч. До города, видимо, далеко. Кругом поле с желтой сухой травой, только где-то в отдалении виднеется зелень. И чумы, похожие на тот, из которого он вышел.

– Кох, – сказал старик и обвел рукой вокруг. – Кох.

Потом ткнул себя в грудь:

– Кохтэ.

Ну тут и ежику понятно. Местность называется Кох, жители – кохтэ.

– Русский, – сказал Женька. – Рус.

– Рюс? – удивился старик. – Рюс!

– Аасор, – кивнул Женька, ослабившись, что должно было означать дружелюбие. Показал на себя. – Евгений. Рус.

– Дженна, – согласился старик.

– Евгений, – нахмурился Женька.

– Дженай, – поправился старик. Повертел головой, ткнул пальцем в чум. – Гэр.

– Гэр, – обрадовался Женька, теперь Дженай. – А это? – присел, дотронулся до земли.

– Дэлхий.

– Круто!

Старику Женькина любознательность явно нравилась. Он улыбался и называл все вокруг, пока Женька не почувствовал: еще немного – и голова взорвется. Осел на какой-то тюк, потирая виски, а потом удивленно повертел сломанной рукой. Работает ведь, чудеса! Все же он в раю. Старик поглядел на его восторженное лицо и фыркнул.

К чуму, то есть к гэру вприпрыжку подбежала смуглая узкоглазая девчонка лет восьми. На ней была красная рубаха с желтым поясом, из-под которой выглядывали пыльные босые ноги. Черные волосы девочки были заплетены в две косы и перевязаны кожаными шнурками с монетками. На лбу – расшитая бисером лента. Явно не простая девочка, дочь какого-то начальника. Девочка поставила на землю горшок, который принесла, и затрещала так быстро, что Женька заморгал. Не ребенок – сорока какая-то! Дед что-то тихо отвечал. Девочка спрашивала, лукаво поглядывая на Женьку. Дед сердился и махал руками, под конец и вовсе топнул ногой. Девчонка нисколько не испугалась, только засмеялась и убежала, а шаман взял горшок, заглянул внутрь и заулыбался. В горшке оказался плов, но не такой, как привык Женька. Сладкий. То есть мясо там тоже было, но еще и ягоды какие-то типа изюма. Просто потрясающе вкусно. Женька мгновенно проглотил свою порцию и уставился на деда так жалобно, что тот усмехнулся и подвинул к нему весь горшок. Женька не ломался, сожрал все, да еще пальцем протер.

К вечеру, почти на закате, снаружи раздались топот копыт и гортанные крики. Старик успокаивающе махнул рукой – свои, стало быть. Полог отодвинулся, в шатер вошел мужчина, некрупный, среднего роста. Узкие глаза, смуглое молодое лицо, красная туника с желтым поясом, бритые виски и черные волосы, завязанные хвостом на затылке.

У Женьки засвербело в затылке. Опасность! То, что перед ним кто-то вроде Углического, понятно сразу. Местный авторитет. Руки по локоть в крови. Держится по-хозяйски, но не выпендривается. Этаким ласковым убийца.

Ласковый убийца что-то сказал деду, показывая на Женьку рукой.

– Рюс, – ответил дед. – Дженай. Хуу^[4].

– Рюс? – удивился мужчина и присел рядом с Женькой на корточки.

Протянул руку. Женька отпрянул. Мужчина засмеялся, показывая крупные белые зубы, а потом все равно дотронулся до коротко стриженных светло-русых волос. Приподнял подбородок, попытался раздвинуть губы. Женька натурально оскалился, зарычал, как волчонок. Мужчина снова расхохотался, хлопая себя ладонями по коленям.

– Йох, – произнес он. – Чонын сэтэл!

Встал, посмотрел на мальчика сверху вниз и что-то сказал деду.

Тот всплеснул руками, затараторил сердито, потом жестом велел Женьке встать и задрать рубаху. Мальчик осторожно приподнял ветхую одежду, обнажая впалый живот и повязку на боку. Старик быстро снял полосы ткани. Рана на боку уже зарубцевалась, и ткань вокруг нее хоть и была красная, зашитая грубыми нитками, но особо опасным это не выглядело. Гной не сочился. И вообще, казалось, что Женьку ткнули ножом не менее недели назад.

Глава 3

Ритуал

– Пей, – сказал Аасор сидевшему перед ним и отчаянно часавшемуся неразумному ребенку. – Будем к духам взывать.

Ребенок его слов не понимал, но это пока. Внутри Дженая тоже есть дух. И если человека сложно и долго учить новому языку, то духи друг друга понимают без слов. Аасору никогда еще не приходилось творить такое колдовство, но он был рад, что сможет попробовать. Получится – отлично, нет – баня еще никому не повредила.

Для того чтобы сделать все правильно, пришлось звать на помощь воинов. Те прибежали быстро – еще бы, сам шаман зовет! – да еще просились мыться с ними, но Аасор сказал: «Обряд очищения от злых духов для чужака», – и они быстро передумали. Мало ли каких духов может изгнать из них шаман! Может, дух вождения к женщине или дух соперничества, или старую ненависть, без которой многие не мыслили жизни. Этак выхолостят тебя, как мерина, и будешь всю жизнь думать только то, что тебе хан прикажет... Больно надо!

Юноши, весело перекрикиваясь и бросая любопытные взгляды на забившегося в самую темную часть шатра светлоглазого бледного мальчишку, вынесли подушки, одеяла, сундуки, сняли покрывала и рейки пола, занесли и поставили на землю большой котел, под которым развели огонь. В огонь положили булыжники. Потом старый шаман замахал руками, выгнал всех и плотно завесил вход. Начал кидать в котел травки и порошки, а затем и раскаленные камни.

У Женьки все плыло перед глазами. В шатре стало очень душно. Резко запахло чем-то сладким. По спине потекли капли пота.

– Раздевайся, – скомандовал старик, и Женька с удивлением осознал, что понимает его.

– Не буду, – сказал он.

– Разденься и завернись в полотно. – Аасор кинул Женьке кусок ткани. – Смотреть не буду, но помыться нужно, чтобы выздороветь и смыть прошлое.

– Зачем это? – нахохлился Женька, быстро раздеваясь и заматываясь в простыню наподобие римского патриция. – Меня все

устраивает.

– Прошное не вернуть, ты теперь среди моего народа, среди кохтэ. Будет проще, если ты отпустишь ту жизнь и примешь эту.

– Что мне это даст? – спросил прагматичный Женька, утирая краем простыни пот с лица.

– В тебе дух воина. – Голос шамана звучал вокруг мальчишки, он даже не мог понять откуда. – Будешь воином. Умеешь что?

– Ножи метать умею, – прошептал Женька, хватаясь за голову, которая кружилась так, что его закачало. – Драться умею ножом.

Что-то еще говорил – много, захлебываясь словами, но вокруг уже была такая тьма, что Женька не понимал, жив он или мертв.

Наутро у Женьки болело все тело, а больше всего болела голова. Натуральный Винни Пух – внутри опилки. Он попытался подняться, но не смог: все, на что его хватило, – отползти и вывернуть содержимое желудка не на покрывало, где он лежал, а чуть дальше, на землю. Он скорчился на боку, неглубоко и часто дыша и пытаясь зубами стереть горечь с языка, и едва не плакал, а старик подошел к нему и потрогал за обнаженное плечо.

– Ну что, Дженай, – сказал он. – Совсем помираешь или жить будешь?

– Не дождетесь, – злобно прошипел Женька и замер, понимая, что говорит не по-русски. Все. Он теперь кохтэ. Капец.

– Эх, волчонок, – засмеялся Аасор, который после вчерашней душегубки чувствовал себя отлично. – Слабый, а огрызается. Ну ты поспи, потом полегчает. Наверное.

Женька зарычал, потом засмеялся, а потом снова потерял сознание.

Позже оказалось, что слова он знает не все. Чужой язык художно уложился в его голову, как пресловутые опилки, но родным не стал. Иногда он понимал все, что говорит Аасор, иногда натурально зависал, слыша только звуки. Зато бок после «бани» зажил совсем. Дженай уже на следующий день смог выйти наружу, а потом начал помогать шаману по хозяйству: выносил подушки на солнце, мыл посуду в деревянной кадке, пытался стирать одежду, за что получил по рукам.

– Стирают женщины, – строго сказал Аасор. – А ты – воин.

– Мне не зазорно, – спокойно ответил Женька. – В походе придется самому, там женщин нет.

Он уже знал, что кохтэ – кочевники, они не дураки сесть на коней и поскакать в набег на соседей. Женька хотел в набег, это весело.

– Э, слушай, кто в походе стирает! – засмеялся старик. – В реке кровь замоят и снова на коня! Так что брось тряпки и показывай, как ты с ножом управляешься. Еще пара дней, и хан за тобой придет.

Женька широко раскрыл светлые глаза. Хана он боялся. А вдруг хан его прогонит или просто прикажет убить?

Выяснилось это гораздо быстрее, чем хотелось бы. Снова появился тот, в красной рубахе, поглядел на Женьку и сказал старику:

– Отец велел чужака привести. На испытание. Сколько ему? Четырнадцать зим есть?

– Есть. Но он не кохтэ, – недовольно ответил Аасор. – Какое ему испытание? Наши мальчишки с детства готовятся, а этот – рюс. В женском шатре рос.

– Не мои проблемы, – равнодушно ответил краснорубашечный. – Не пройдет испытания – будет рабом. Отрубим ему мизинцы и еще кое-что, и пусть стирает да воду таскает – ему не привыкать.

Женька прищурился, внимательно разглядывая болтуна. Что ж, он запомнил каждое слово. Он вообще ничего никогда не забывал и не прощал.

На вид посланцу хана лет двадцать пять. Молодой, загорелый дочерна, с узкими черными глазами и волосами, выбритыми на висках и завязанными сзади в короткий хвост. Лицо наглое, не красавец, но сразу видно – с женщинами проблем нет. Очень уж самоуверенный тип, да еще улыбается противно, насмешливо так. Женька ненавидел, когда над ним смеются, и это оскорбление тоже записал на счет краснорубашечного.

Глава 4

Испытание

Женьку трясло от волнения. Он уже успел смириться с тем, что умер в своем мире. Прошлого все равно не вернуть. А здесь все по-другому, здесь даже не средневековье, а дикая степь. Но ему не привыкать.

Однажды он все лето жил с приятелем в шалаше на берегу Волги. Мылись в реке, нужду справляли в кустах, а ели то, что удавалось украсть на дачах, благо недостатка в еде никогда не было. Славное время! То шашлыки, то рыба копченая, то овощи наисвежайшие. Потом и яблоки. Хлеб таскали из птичников, там же иногда и курицу прихватывали, но это если уж совсем прижимало. С курицей возни много: ощипать, выпотрошить, разделать. И, главное – ну сварили. Раз поели, два. Три. А потом – надоело. Закопали остатки. Огурцы лучше – футболкой протер и жуй.

Тут по сравнению с «дикой» жизнью просто санаторий. И еду сварит кто-то другой, и помыться организуют, и одежду вон выдали вполне себе крепкую, хоть и поношенную. А самое главное – никаких тебе небоскребов, машин, метро и гонок на выживание. Тут ты просто живешь. Идеально. Да еще тут жарко.

Женька понимал, что самая интересная жизнь – она явно не в шатрах. Воины – вот кто элита здешнего мира. А для того чтобы стать воином, нужно учиться. На лошади он не сидел ни разу, правда, умел ездить на велосипеде и мопеде. И даже на права учился, но экзамен по теории завалил. Ну и ладно. Зачем нужны эти правила, если никто их не соблюдает? К тому же у него никогда не будет машины, вот так-то. Драться саблей он тоже не умел. Зато умел воровать. И драться ножом. Тут он Аасора не обманывал – мало кто мог сравниться с Женькой в ловкости. И в меткости – он мог броском перерезать натянутую веревку. Да что там веревку – лист с дерева срезал. Только бы нож попался хороший! Здесь такой не достать, а Женькина коллекция ножей осталась где-то на чердаке московской многоэтажки, там у него имелся схрон. Ну и пусть – плата за жизнь такая. Ножи было страшно жалко, но себя гораздо жалче. И все же: не мертвый – это главное. Так

что, Дженай, прекращай ныть и готовься к испытанию, которое тебе придется пройти.

Аасор, мерзкий старикашка, про испытания рассказывать наотрез отказался. Сказал – каждому свое. Тоже мне, оракул нашелся. Знать бы, что его ждет – было бы не так страшно. Драться Женька не боялся, а вот неизвестность страшила.

Разумеется, Женька не выспался. Уснешь тут от волнения! Поднялся с первыми лучами солнца, не в силах больше лежать. Будить Аасора не стал, тихо вышел из шатра. Сел на циновку, скрестив ноги, уставился в небо. Небо! Он мог никогда больше его не увидеть! Воздух! Какой он сладкий! И даже боль в сведенной судорогой ноге напоминала теперь уже Дженаю, что он жив. Это было невысказанное счастье.

Закрыв глаза, подставляя бледное лицо лучам рассветного солнца и ощущая настолько острое счастье, что слезы сами собой навернулись на глаза. Плакал Женька разве что пару раз в жизни – и то от боли. А сейчас у него, наоборот, ничего не болело. Глупость какая – реветь как девчонка.

– Как тебя там... мальчик, – раздался тихий голос. – Пойдем.

Женька мгновенно распахнул глаза. Девушка, кажется, внучка Аасора. Красивая, с круглым лицом, веселыми глазами и двумя черными косами. Он ее уже видел: она приносила еду пару дней назад. Улыбалась еще ему так приветливо, ямочки на щеках демонстрировала.

Женька вскочил, оправляя на себе рубаху. На всякий случай кивнул. Девушка откинула голову и рассмеялась – как колокольчики зазвенели.

– А ты забавный, – сообщила она. – Пойдем, там тебя ждут. Потом поговорим, если захочешь.

– Меня зовут Дженай, – сообщил Женька немедленно.

– Я – Листян.

О чем говорить с красивыми женщинами (впрочем, и с некрасивыми тоже), Женька понятия не имел, поэтому дальше шел молча. Девушка то и дело оглядывалась, приоткрывала рот, чтобы что-то спросить, но Женька делал лицо кирпичом и демонстративно ее не замечал. Только бы не вздумала с ним заговорить! Страшно.

Так и дошли – молча. Вдвоем.

На большом вытоптанном поле был выложен камнями круг вроде арены – большой, метров десять, а то и пятнадцать в диаметре. В камни были вставлены факелы, пока не горевшие. Возле «арены» топтались мальчишки. Разные – и восьми лет на вид, и двенадцати. Кто-то в лохмотьях, кто-то – в красивых разноцветных шмотках. Ясно-понятно, социальное неравенство.

Воины тоже были – Женька насчитал шестерых. Один уже в возрасте. Можно было бы сказать – старик с лицом, изрезанным морщинами и седыми волосами ежиком – вот только держал спину «старик» очень ровно и немощным не выглядел. Двое из «взрослых» – едва ли старше Женьки. На вид им не больше восемнадцати. Тонкие, еще не звери – звереныши. Лица спокойные, суровые, а в раскосых глазах искрится лукавство. Одеты все воины одинаково: в широкие рубахи без рукавов и штаны, заправленные в невысокие кожаные сапоги на толстой подошве. За спиной – луки. На поясе – мечи (или сабли? Женька не разобрался). Длинные. На вид – опасные.

Краснорубашечный, на которого Женька затаил обиду, тоже был тут – без лука, без сабли, с одним только ножом, заткнутым за широкий пояс. Поглядел на Женьку насмешливо – с ног до головы окинул презрительным взглядом.

– Эй, рюс, подойди. И слушай. Ты не кох, но Аасор сказал – воин из тебя выйдет. Дома-то кем был? Такой взрослый – а как девчонка хилый.

– Сиротой был, – спокойно ответил Женька, любивший таким образом ставить на место наглецов. В России сирот жалели. – Родителей никогда не видел. Скитался. Воровал. Еще вопросы?

Краснорубашечный озадаченно крякнул. Такого ответа он явно не ожидал. Снова окинул взглядом, теперь уже без насмешки, внимательно.

– Сколько зим тебе?

Женька немного замялся. Мелкий, худющий – в Москве, если сравнивать со здешними мальчишками, он был не такой уж и миниатюрный. Даже выше, чем многие старшие. Но сказать, что ему уже восемнадцать – да это просто смешно! Его не поймут.

– Пят... надцать.

– Много. В таком возрасте наши дети – уже мужчины. Ну, посмотрим, на что ты способен. Верхом ездить умеешь? Лук?

– Не умею, – угрюмо ответил Женька, уже понимая, что все – воином ему не быть. Кому нужен ничего не умеющий переросток?

– Ладно. Постой, погляди, как проходят испытания. Если решишься – скажи.

В глазах краснорубашечного мелькнула жалость, а жалости Женька терпеть не мог. Шагнул за ним, шипя, как дикий кот:

– Решусь. Прямо сейчас. Какая разница когда? Хуже-то уже не будет.

Узкоглазый остановился, задумался.

– Ты же не знаешь, что тебе нужно сделать.

– А если буду знать, это что-то изменит?

– Да. Ты успеешь продумать, как действовать.

– А что, в настоящем бою всегда все идет по плану?

Краснорубашечный смотрел на него долго-долго. Молчал. Женька тоже молчал, понимая, что если его сейчас допустят к испытаниям – он уже наполовину победил. Ну что тут могут от него потребовать? Заставить драться с кем-то из старших? Скажут шагнуть босыми ногами в огонь? Отрежут палец, вырвут ногти? Привяжут за ноги к коню? Воображение рисовало самые немыслимые ужасы.

Наконец мужчина кивнул.

– Меня зовут Баяр, – сказал он. – И я возьму тебя учеником в свою сотню, если ты справишься.

Женька широко улыбнулся. Он догадывался, что узкоглазый сказал что-то важное, к тому же мальчишки вокруг него, до этого молча прислушивавшиеся к разговору, вдруг загалдели, затолкались.

– Нечестно! – закричал парнишка в шитой золотом рубахе. – Ты всегда берешь трех, редко – четырех! Почему – чужестранец?

– А я беру не самых знатных, Охтыр, – спокойно ответил Баяр. – И не самых сильных. И не самых ловких. Я беру тех, в ком сильнее душа воина. В рюсе она есть. Я ее вижу. Осталось только понять, хватит ли его, чтобы выдержать мое обучение.

Мальчик что-то процедил сквозь зубы, сплюнул, а Женька вдруг понял, что даже если Баяр возьмет себе двух – этот вот Охтыр точно не будет в их числе. Так ему, выскочке, и надо.

– Выбери себе оружие, рюс. Можешь взять у воинов любое.

Женька широко раскрыл глаза: оружие? Ему еще и оружие дадут? Ну, тут все просто. Ему нож нужен. А лучше два. Большой и

поменьше. Оглядел с ног до головы Баяра, протянул руку. Достал из-за его пояса кинжал, повертел в руках. Нет, для него – тяжелый. Запястье быстро устанет. Отдал обратно.

– Хочешь нож? – угадал узкоглазый. – Эй! Дайте ему ножи!

Взрослые мужчины, толпящиеся у «арены», подошли и выложили на землю у ног Женьки с дюжину разных ножей. Кривые, прямые, разной формы и размера. С деревянными или костяными рукоятками, один даже – украшенный какими-то камушками. Женька хотел их все. Он страстно любил ножи. Но все ему не дали бы, поэтому он долго вертел в руках каждый, взвешивал, проверял остроту – и наконец выбрал себе два, как и собирался. Длинный, с узким и очень острым лезвием, не нож даже, а кинжал – тот самый, с драгоценными камушками. Подобный легко метать в цель. И второй – короткий, широкий, с очень удобной рукоятью. Повертел в руках, остался доволен. Отличное оружие, с таким не страшно. Если, конечно, на него сейчас не напустят вот этих подростков, наблюдающих за чужестранцем со злостью и завистью.

Женька вдруг ощутил себя в детском доме – снова. Один против всех. Поежился. Он не боялся драки один на один, а вот толпы – боялся. Нет, неправильное слово. Он ненавидел толпу. Знал, что не выстоит. Знал, что когда несколько человек идут на одного – это всегда жестоко. У толпы другое мышление. Ей можно все. Для нее нет моральных норм и запретов. Если не виноват кто-то один – не виноват никто.

Глава 5

Шакалы

– Все? – уточнил Баяр. – Может, меч? Кнут? Щит? Топор?

– Ну вы мне еще лук предложите, – нервно и грубо огрызнулся Женька, которого вдруг заколотило так, что зубы лязгнули. Крепко сжал челюсти, сглотнул и уже спокойнее добавил: – Я готов.

– В Круг.

Под бурчание подростков и одобрительные подмигивания воинов Женька перескочил через каменную ограду – легко и ловко. Почти изящно. Огляделся, сразу подмечая места, где можно прижаться к камням. Заметил и яму справа, и кочку, и рытвины. Тут нужно быть осторожным – запросто можно подвернуть ногу. Встал поудобнее возле самого барьера, вопросительно глянул через плечо на главного.

Тот сощурился так, что глаза стали как щелки, отрывисто бросил:

– Тэгье!^[5]

И пространство вокруг Женьки вдруг взорвалось. Откуда-то из воздуха появились собаки. Крупные, горбатые, низко рычащие. Из раззявленных пастей капает слюна. Странные такие псы, он таких раньше не встречал. Рыжие, с черными полосками на хребтах. Много – Женька успел насчитать штук восемь.

Самый страшный его кошмар.

Когда-то, еще в невинном детстве, на маленького карапуза Женю напала стая бродячих псов. Исполнилось ему тогда едва ли больше четырех лет. Это был первый побег из детского дома, самый простой: он спрятался за кустами, а потом, когда воспитательница увела всех детей на обед, малыш спокойно вышел через калитку и потопал по дорожке. Не то родителей хотел найти, не то еще что – теперь уже не вспомнить. Шел долго, забрел на какую-то свалку. Копал деревянной лопаткой мерзлый снег, сам себе придумывал игру. А потом послышалось рычание – вот прямо как сейчас.

Спасли его толстая зимняя шуба и меховая шапка. И случайно проходивший мимо мужчина, который не побоялся броситься на помощь истошно вопящему кульку, которого трепали бродячие псы. До сих пор Женьке иногда снились вонючие пасти и красные языки.

Во сне он всегда падал на живот и прятал лицо – как тот, маленький Женька. Наверное, с того дня и появилась у него эта странная интуиция. Он никогда надолго не поворачивался спиной к пустырям или даже подъездам. И свалки обходил стороной.

А теперь прятаться было негде. И некогда. Один из псов с рычанием бросился ему в ноги. Прыжок! Женька и сам не понял, зачем он это сделал, а только прыгнул он не на грудь камней, не за ограду, что казалось логичным и правильным (и пес с ней, с военной карьерой, жизнь дороже), а в самую гущу стаи. Кого-то придавил, кого-то полоснул длинным ножом. Воткнул короткий прямо в глазницу одному из псов. Чувствовал, как рвут его плоть. Грызут лодыжку. Метят в горло. Не орал, берег силы. Откуда-то пришло осознание, что если вот такое испытание для каждого – то его можно пережить. Но тут даже восьмилетки были. Их же просто порвут на части! Наверное, надо просто продержаться еще немного, и псов отзовут. Уворачивался, колол, рубил, хрипел. Скользил на горячей крови, отплеывался, потерял длинный нож из правой руки. Видимо, тот где-то застрял. Впрочем, самой руки он и вовсе не чувствовал.

А потом наступила тишина. Псы исчезли, словно их и не было. Нет, тела остались. Еще шевелящиеся, поскуливающие, но как-то подозрительно бледнеющие. Или это у него в голове помутилось? Быстро сосчитал – одиннадцать. Одиннадцать здоровых псов. Правая рука висит плетью. Лодыжка разорвана в мясо. Рубашка насквозь в крови. А боли он вообще не чувствует, потому что шок. Даже на ногах умудрился остаться – или успел вскочить?

Обернулся, ища глазами Баяра: он ведь справился, верно? Возьмет его узкоглазый к себе в сотню? И тут его накрыло. Боль оказалась настолько дикой, мучительной, что в глазах потемнело. Тело словно судорогой свело. Женька почувствовал, что он сейчас грохнетя в обморок, но этого допустить было никак нельзя. И он растянул губы в улыбке, быстро-быстро вдыхая воздух. Сделал шаг, другой – преодолевая ужас, припадая на левую ногу. А все же не стать ему воином – останется навеки калекой. Или на коне – не важно? Каким чудом он дошел до ограды – и сам не понял. Как в тумане. Там его подхватили сильные руки, уложили на одеяло.

– К шаману, быстро, – отрывисто бросил Баяр.

– Ну нет, – прохрипел Женька, ощупывая левой рукой лицо – к счастью, целое, только перемазанное в крови. – Я теперь хочу посмотреть, как остальные справятся.

Воины вокруг вдруг одобрительно засмеялись, один даже потрепал его по волосам.

– Ладно, – сказал Баяр. – Листян! Принеси Дженаю умыться. И перевяжи раны.

Девушка жалобно пискнула, но спорить не посмела – убежала. А Женька лежал, смотрел в бесконечно-голубое небо и улыбался, потому что Баяр назвал его по имени, а значит, признал равным. Но если бы мальчик знал, что испытание будет вот таким – ни за что бы за ограду по своей воле не зашел. Хорошо, что вызвался проходить испытание первым.

Нога уже не так пульсировала, и руку он вдруг ощутил. Пошевелил пальцами, с удивлением понимая, что она даже и не сломана. Да как так-то? Сел на одеяле, потер лицо здоровой рукой, завертел головой.

А тем временем на «арену» запрыгнул тот самый Охтыр. Маленький, юркий, злой. Как хорек. У него в руках – короткое копьё и щит. Ну-ну, и как он собирается отбиваться от псов вот этим? Интересно посмотреть! А тела прежних уже убрали – куда? Рядом с мальчишкой вдруг появились три здоровенных бородатых мужика, по виду – далеко не кохи. К счастью – безоружные. Но очень страшные. Женька дернулся, понимая: не устоять этому хорьку против взрослых воинов! Надо спасать.

– Тише. – Его плечи вдруг обвили девичьи руки. – Сиди. Не дается испытаний сверх силы.

– Он один. Он мальчик. А их трое – опытных и сильных. Они его убьют!

– Ни разу никто в Кругу не умер. Просто смотри.

Девушка тяжело и часто дышала прямо ему на ухо, прижимаясь к плечу роскошной грудью, а Женька не сводил глаз с Охтыра. Он, как и сам Женька, сперва растерялся, а потом перехватил копьё и бросился в ноги ближнему из воинов. Тот явно не ожидал такого маневра, споткнулся о смельчака, упал – и больше не встал. Охтыр, кувыркнувшись, вскочил на ноги и воткнул в спину мужика копьё. А вот вытащить не смог. Не успел. На него бросились двое других.

Один ухватил парня за рубаху – красивую, новую, из тонкой шерсти. Была бы ветхая – просто порвалась бы, а эта только затрещала, но выдержала. Женька вскочил на ноги, готовясь кинуться на помощь, совершенно забыв о собственных ранах. Листьян повисла на нем, не давая сделать даже шага.

– Просто смотри, – повторяла она. – Просто смотри.

И он смотрел – как огромная рука хватается Охтыра за горло, сжимая; как, изогнувшись каким-то немыслимым образом, мальчишка обеими ногами толкает здоровяка в грудь. Как тот, пошатнувшись, выпускает шею Охтыра, а проклятая рубашка наконец рвется. Как здоровяк, оступившись и попав ногой в ту самую ямку, которая так не понравилась Женьке, падает на спину, затихая, а подросток, разворачиваясь, швыряет бесполезный щит в последнего чужеземца. Конечно, такая мелочь не в силах причинить воину никакого вреда. Но свое дело щит сделал: мужчина отвлекся, смеясь, поймал его руками, а в это время Охтыр вслед за щитом головой врезался в открытый живот великана. Тот пошатнулся, упал. И откуда только взялся камень в руке мальчишки? Охтыр ударил противника в висок, бил долго и истерично, не замечая, что мужик уже и не шевелится вовсе.

Постепенно пришел в себя, оглянулся, закрыл лицо руками. Плечи трясутся. Мертвая тишина вокруг. Два молодых воина запрыгивают в Круг, споро вытаскивают тела. Охтыр выходит сам, прикрыв лицо рукавом. Подходит к Женьке и падает рядом с ним на одеяло. Листьян протягивает мальчишке кувшин с водой, тот что-то хрипит, но к кувшину приникает с жадностью. На шее у Охтыра багрово-черные следы от огромных пальцев, а на лице – размазанная от слез пыль и грязь.

– Ты настоящий воин, – шепчет ему Женька. – Я бы так никогда не смог. Они такие огромные, а ты – один троих уложил!

– Так они же без оружия, – хрипит парень, недоверчиво косясь на Женьку. – А я с копьем. Были бы они хоть с ножами – мне конец.

– Да будь я хоть в доспехах и верхом – не уверен, что справился бы, – серьезно отвечает Женька. – У них такие руки... как палицы.

Охтыр трет шею, следы на которой бледнеют на глазах, и криво ухмыляется...

А в Кругу уже следующий мальчик, совсем маленький. Наверное, самый младший. Увидев внезапно возникшего перед ним медведя, он

вскрикнул и упал навзничь. Зверь потрогал его лапой. Мальчик не шевелился. Медведь с философским выражением на морде отошел в сторону и растворился в воздухе.

– Зайбан сдулся, – прокомментировал Охтыр. – А я его предупреждал. Рано ему. Верит вон в сказки. Ну откуда в Кохе беры? Они далеко в лесах живут.

И Женька вдруг разом понял. Колдовство. Каждый в этом Круге встречается с самым большим своим страхом. Не было никаких псов, и воинов не было. Только страх. Ему вдруг стало скучно. И даже неловко – не хотелось видеть кошмары других. Он понимал, что каждый из мальчишек может не справиться. А может и справиться с самим собой. Но смотреть на это он не станет.

– Куда ты? – спросил Охтыр у поправляющего рубаху Женьки.

– Домой, в смысле – в свой шатер. Я голодный, я не завтракал.

– А... я с тобой.

Шея у него была совершенно нормальной, и рубаха – целой.

– А пошли ко мне? – внезапно предложил Охтыр. – Познакомлю с отцом. Он у меня тысячник. И накормлю.

Женька кивнул. Такие знакомства лишними не будут. Обоих мальчишек все еще потряхивало, шли молча. Охтыр жил в большом разноцветном шатре, или гэре, как его называли кохтэ. Молчаливая, очень загорелая девочка, видимо, сестра, вынесла подросткам по чашке с густым сладким молоком, улыбнулась и сообщила, что отца нет, его позвали к хану. Ну нет так нет. Зато накормили.

Охтыр не спешил провожать гостя. Они грызли сухие лепешки, долго молчали, а потом новый приятель Женьки сказал:

– Из сотни Баяра выходят самые лучшие воины. Тебе повезло, что он тебя возьмет. А еще его сотня чаще других ходит в обход. И сам Баяр – добрый. К своим людям щедр, заботлив. Вот бы он и меня взял! Тогда к отцу потом я уже смогу десятником пойти.

Помолчали еще.

Со стороны Круга то и дело долетали вопли, рыки, звон оружия.

– А многие вот так с первого раза испытания проходят? – спросил Женька.

– Нет. Я первый раз не смог. Со второго. Ты молодец. Стая шакалов – это сильно.

– Шакалы мелкие, – возразил Женька. – Это собаки.

– Это, может, в ваших землях шакалы мелкие, – фыркнул Охтыр. – А у нас – вот такие твари. И надо же – стаей. Впервые такое видел. Обычно они поодиночке шастают.

– Ну вот так, – невнятно ответил Женька.

– Кажется, закончили, – потянулся паренек. – Пошли, что ли, послушаем, кого Баяр возьмет? Вдруг да повезет кому-то еще?

– Пошли, – согласился Женька.

Встали, медленно, нога за ногу, пошли в сторону степи. Ни одному из них Круг видеть больше не хотелось, но идти было нужно.

– А ты и правда – сирота? – спросил Охтыр.

– Да.

– Удивительно.

– Почему?

Ответить парень не успел. Их двоих окружила толпа тех самых подростков. Смотрели на них молча и злобно, сверкая глазами. В руках сжимали камни и палки.

– А ты говорил, что шакалы в стаи не собираются, – пересохшими вдруг губами шепнул Дженай.

Глава 6

Ночные разговоры

Охтыр был явно младше Женьки. На вид – лет тринадцать. Поэтому Женька по старой привычке попытался задвинуть его за спину. Услышал рычание, оглянулся. Понял. Охтыру не понравилось.

– Неужели Тойрог был к вам всем немилостив? – насмешливо выкрикнул Охтыр. Ой дурак, зачем он их дразнит? – Или Баяру девчонки в войске не нужны?

Женька ссутулился, сгибая колени. Главное – голову от камней закрыть. И в первую очередь вырубить самого сильного.

– Что, малышня, в штаны наложили в Кругу? – продолжал хорохориться его товарищ по несчастью. – А теперь вдруг решили, что толпой на двоих – это правильно и красиво? А отца моего не боитесь?

– Лучше б они боялись Баяра, – раздался негромкий мужской голос.

Дженай выдохнул, выпрямляясь. Неторопливо, вальяжно к ним подходил тот самый старик, что находился при Баяре. Охтыр вдруг задрожал и поклонился.

– Разошлись, – скомандовал спокойно старый воин. – Охтыр, когда-нибудь я вырву твой язык и скормлю его собакам. Дженай!

– Я, – едва удержался, чтобы не щелкнуть пятками, не отдать честь.

– В свой шатер быстро. И не высовывайся. Охтыр, ты пойдешь со мной.

Мальчишка кивнул, сдуваясь, потупился, ссутулил плечи. Кто же этот человек? Дженай вдруг решил – не иначе как сам хан. Конечно, а каким еще быть хану – только вот таким опытным и строгим воином.

На всякий случай уточнил у Аасора, а тот посмеялся. Нет, не хан. Хану делать больше нечего, как жеребят смотреть. На то у него сын есть. Да, Баяр – сын хана, а ты как думал? Нет, не наследник. Третий. А всего у хана шестеро сыновей и дочка-красавица. Листян, ее Женька уже видел.

Женька на всякий случай посчитал, сколько жена хана ходила беременной. По всему выходило – много. Слишком. Жуть. Ни средств

для предохранения, ни какого-то иного способа избежать беременности. А ведь здесь акушерок нет, женщины в родах, наверное, помирают через одну.

А старик тот оказался названным братом хана. Нурхан-гуай считался вторым после хана, правой его рукой. Самым опытным и старым среди воинов. Говорили, что это не человек вовсе, а лис-оборотень, который задолжал хану и теперь стал его верной тенью. Аасор сказал, что не знает, правда это или нет, а только ни разу Нурхан-гуай в бою не был ранен. И еще – детей у него не было и жен тоже. Только приемный сын, Наран. Женщины имелись, но ни одна не понесла. А дети для коха – это показатель мужественности.

«Ну и славно, – подумал Женька, зевая. – У меня детей точно никогда не будет. Буду как Нурхан-гуай».

И размышлялся тут же: вот выучится он стрелять из лука и ездить верхом – и станет правой рукой Баяра. И пусть сабля слишком тяжела для Женьки. Лука и коня достаточно. Станет он тут эльфом среди гоблинов. Один раз Женька уже умирал, теперь-то вряд ли погибнет. Не зря же ему эта новая жизнь дана.

– А Охтыр – он кто? – спросил у шамана.

– Сын Мераны, сестры хана. Отец у него – тысячник, важный человек. Из ближнего круга хана.

– А что же он к Баяру в сотню захотел, разве к отцу не проще?

– Проще. Но ты знаешь, почему у Йенгира тысяча, а у Баяра – только сотня?

– Почему?

– Потому что из его сотни самые лучшие, самые смелые выходят. Они потом сами над десятками и сотнями становятся... если выживут. Баяр – он бесстрашный. Ходит с мальчишками и на койотов, и на иштырцев – одинаково часто. Поэтому попасть к нему в сотню – самая заветная мечта каждого мальчишки.

– И тут – я! – догадался Дженай. – Чужак.

– Да. Слышал, что ты сражался как зверь. Горжусь. Говорил я – в тебе дух воина.

Женька вдруг смутился, покраснел и быстро пошел спать. Уже темнело.

Спать он не мог, ему было дурно, кружилась голова и подташнивало. День сегодняшний оказался таким насыщенным, таким

бесконечным, что он просто не мог расслабиться. Проваливался в сон, потом вздрагивал и широко открывал глаза, ощущая зловонное дыхание шакалов на лице и хруст лодыжки. Долго лежал, часто и поверхностно дыша, переворачивался на другой бок – весь мокрый от пота, засыпал – чтобы снова проснуться через несколько минут, на этот раз уже от того, что бородатый великан швыряет его спиной на камни.

Не выдержал, тихо поднялся, натянул штаны и вышел.

Никогда он не видел в своем мире такого неба. И звезд – крупных, ярких и совершенно незнакомых. Не то чтобы Женька разбирался в астрономии, но уж Большую Медведицу знал, а тут ее не было совершенно точно. И луна оказалась странной: серп ее был не желтым или белым, а голубовато-зеленым. А уж когда мальчик нашел на другом конце небосвода еще одну луну поменьше, сомнений не осталось – он в другом мире. Не в прошлом, не в альтернативной реальности. Это не Земля. Его приятель Костян любил читать про всякие там путешествия по мирам. Перечитал, кажется, всего Брэдбери, Азимова и прочих выдумщиков, а потом подсел на «попаданцев». Он часто рассказывал эти свои сказки и очень грустил, что сам никуда попасть не может. Костя, кстати, умер пару лет назад от передоза. Он так мечтал уйти в другой мир, что стал искать совсем не те пути. Теперь Женька мог надеяться, что Костик все же ушел... в другой мир. Не в пустоту.

Ноги сами принесли Джена к «арене», или, как здесь ее называли, к Кругу – Тойрог. Что это за место такое? Магию Женька уже видел – все-таки жил в одном шатре с Аасором. Но тут было другое. Шаман что-то жег, что-то варил, творил какие-то обряды. Тут же ничего такого – камни и камни. Он потрогал их – крепко лежат. Даже самый маленький не сдвинуть. Задумался на мгновение и запрыгнул внутрь. Ничего. Никаких видений. Никаких призраков. Просто камни. Просто вытоптанная земля. Так что это было – днем?

– Тойрог можно пройти один раз в жизни, – раздался строгий голос. Женька подскочил и едва не заорал от неожиданности как баба. – Ты уже преодолел свой страх. Ты – воин.

– Напугала, – проворчал парень, успокаивая бешено колотящееся сердце. – Теперь я не шакалов буду бояться, а тебя.

Листян засмеялась – снова красиво, он аж невольно улыбнулся в ответ. А сам Женька обычно ржал, как придушенный ишак.

– Вот будет зрелище! Вышел воин, а на него куча девушек напрыгивает! – развеселилась Листян. – И что он станет делать?

– Сбежит, – усмехнулся Женька, высматривая в темноте свою знакомую. – Женщин бить нельзя.

– Это у рюсов нельзя? – удивилась тень возле одного из камней. – А почему?

– Ну... женщина слабее мужчины, – растерянно ответил Женька. – Какая доблесть справиться с той, что и ответить толком не может?

– У! Интересно. Но ведь кто сильнее, тот и главный.

– И что? Драться теперь, что ли? С женщинами? Хочешь силу показать – бей равного.

– Ты странный. – Девушка подошла к нему вплотную и заглянула в лицо. – И красивый. Глаза светлые. Все рюсы такие?

– Большинство, – лаконично ответил Дженай, на всякий случай отступая на шаг. – Слушай, а ты что тут забыла?

Листян порывисто вздохнула и обхватила себя руками.

– Я бы хотела пройти Тойрог.

– Вот это да! А зачем?

– Чтобы ничего не бояться.

– Ты не воин.

– Ох, как будто все эти мальчишки – воины! Из тридцати только десяток смог выстоять. А остальные трусили. А я... мне бы хоть увидеть то, чего боюсь.

– Ну... а что мешает? Попроси у Баяра. Или женщинам нельзя?

– Так Тойрог женщинам не открывается.

– Да ладно? – изумился Женька и почесал нос. – А кто-то пробовал?

– Я. Я часто сюда прихожу. И на рассвете, и днем. И ночью.

– Ну молодец. И с чем ты приходишь? С прялкой? Чего ждешь – что с горой кудели будешь сражаться?

– Но...

– Возьми оружие и с ним иди. Что ты как маленькая! А то вдруг однажды сработает, Круг откроется, а ты – не готова.

– Я не умею, – опустила голову девушка. – Не положено. Да и не удержать мне ни копьё, ни меч.

- Нож.
- Нож? Ну, курицу я могу зарезать ножом, – смешно наморщила носик Листян. – А человека не могу.
- Ха! Вот войдешь в Тойрог, а там – стая куриц!
- Они засмеялись, а потом Женька сказал:
- А все же женщина должна уметь себя защитить. Мало ли что. Хочешь, я научу тебя управляться с ножом? Меня, кстати, женщина учила.
- Мать? – восхищенно выдохнула Листян.
- Нет. Я ж говорил уже – я сирота. Никогда не знал родных.
- Как так вышло?
- Да... обыкновенно. Бросила меня кукушка в род... после родов сразу.
- И как ты выжил? – ахнула девушка, блестя глазами и прижимая ладони к щекам.
- Так в приюте.
- Что это?
- Ну ты как маленькая! Место, где живут ничьи дети. Там взрослые люди их кормят и поят. Учат еще всему...
- А! Но ведь это семья?
- Нет. Я не знаю, как тебе объяснить. – Женька на минуту задумался. – Представь большой, просто огромный шатер. Он поделен на несколько частей. В одной живут совсем мелкие. В другой постарше. В третьей – почти взрослые. Девочки и мальчики отдельно, ну сама понимаешь почему. И несколько взрослых есть, которые приносят еду и выпускают детей погулять.
- Какая дикость! – возмутилась Листян. – Разве у рюсов нет богатых семей, которые могут взять к себе ребенка? Или нет женщин, которые не могут родить?
- Есть.
- А почему они не берут?
- А зачем? – изумился Женька. – Дети – это ведь обуза. Лишние рты. Их надо кормить, одевать, воспитывать. Время им свое дарить. Свой-то дети порой мешают, а тут – чужие!
- У рюсов так? – прошептала горестно Листян, качая головой, как маленькая старушка. – И ты так думаешь?
- Ну да. Так и есть.

– И детей не хочешь?

– Упаси боже, – содрогнулся Женька. – Вот только детей мне и не хватало! Надеюсь, я бесплодный.

– Ну и дурак, – вскинула голову Листян, отодвигаясь от него. – Дети – это чудо!

Глава 7

Баяр

Баяр позвал их на рассвете: Женьку, Охтыра и еще двоих мальчишек. Они стояли вчетвером, дрожащие, босые, еще ничего не понимающие. Их выдернули из сна, ничего не объяснив, не позволив даже одеться. Женька с давних времен спал одетым – в штанах и рубашке, к тому же Аасор его предупреждал о шуточках Баяра. А вот Охтыр и те два оказались в одних только тонких подштанниках. Ежились, потирали покрытые мурашками плечи.

Баяр же был в своей неизменной красной рубахе, подпоясанной широким кожаным ремнем.

– Что ж, дети, – серьезно поглядел он на мальчишек. – Сегодня вы видите солнце. И небо. И ветер. Готовы ли вы к тому, что в походе вы можете погибнуть?

Он был неожиданно серьезен и ничем не напоминал Дженаю того коха, который над ним когда-то насмеялся. А сейчас разглядывал их четверку едва ли не с уважением, хотя было бы на что смотреть! Дрожащие, безусые, тощие, с едва виднеющимися тоненькими волосками на нежных подбородках. Как жеребята в табуне. Да только все смотрели решительно и упрямо. Нет, не жеребята они, а волчата!

Баяр молчал. Сколько он уже видел вот таких? А скольких потерял в бою? Куда меньше, чем в других сотнях! И каждая смерть была славная – геройская. Воин должен смотреть смерти в лицо без страха. Эти четверо достойно прошли испытания, он уже мог ими гордиться. А теперь он сделает из них воинов. Обошел нестройный ряд еще раз, пристально вглядываясь в лица, словно ведя с ними мысленный диалог, с каждым на равных.

– Кто есть воин, мужчина? Вы знаете?

Ответа не стоило ждать.

– Тот, кто думает, просчитывая каждый шаг, не давая врагу ударить первым. Кем бы ни был его враг – иштырцем, куманом, тирахом... а то и вовсе – шакалом, голодом или болезнью. Именно мужчина принимает на себя первый удар, если уж бой неизбежен. За ним стоит весь его народ. На нем – продолжение рода. Дорога длиною

в целую вечность. Лишь от мужчин зависит – забудут ли все о народе степей или будут помнить многие лета. Станете ли мужчинами вы – это больше не выбор. Отныне вы – мои волчата. Моя стая маленьких, но отважных. Я вас веду, и вы скоро станете матерыми. Такими, от одной поступи которых содрогнется вся степь. Вы будете дышать по приказу, жить, когда я разрешу. Но мужчинами станете. Ясно?

– Да, – пробормотали мальчишки.

– Охтыр, к тебе у меня вопросов нет. Ты умеешь стрелять и с младенчества на коне. Начнешь заниматься с воинами. Твой наставник, второй отец – Наран. Шираз, ты еще многому должен научиться. Твоим старшим братом будет Тайл. Итгир – а ты пошел за своим отцом, верно? Но не с ним ты будешь спать на одном одеяле. Пожалуй, Тугай станет тебе наставником. А ты, Дженай... я сам буду тебя учить. И для начала погляжу, что ты умеешь. И знай: тебе придется труднее всех. Сейчас они тебе завидуют. Напрасно.

Женька опустил глаза. Он уже понимал, что именно Баяра в наставники не хотел. Почему? Сложно все слишком. Ненавидеть его он уже не мог. Восхищался. И боялся его. И, что самое страшное, начинал привязываться. А это для него – хуже ножа в печень. Любить людей ни в коем случае нельзя. Они всегда уходят.

Да, просто не было, но Женька и не думал ныть. Он готовился к самому худшему – к зуботычинам, пинкам и оскорблениям – во всяком случае, в детском доме подготовка к каким-то мероприятиям проходила именно так. Но все оказалось гораздо веселее.

На рассвете – бег по степи. Все спят, а ты бежишь как сайгак, только пыль вокруг. Первый раз Женька бежал один. Баяр посмотрел и, кажется, остался доволен. И то правда, жизнь Дженай научила бегать – и от ментов по подворотням, и от шпаны уличной, и от разъяренных продавцов хот-догов, у которых он беззастенчиво воровал что-то с лотка, а пока его догоняли, ребята брали булки и сосиски. Бегал Дженай не просто быстро, он умел беречь дыхание и распределять силы.

На следующий день Баяр велел ему догонять жеребенка. Догнал.

Степняк хмыкнул удивленно и уважительно, а потом положил Женьке на плечи тяжелый мешок с овсом. В бою налегке не бегают. Короче, забавный у Женьки наставник. Изобретательный.

После пробежки – завтрак в компании воинов-наставников и молодняка. Те, кто постарше, жили уже в своих шатрах с женами и детьми, но таких насчитывалось немного. Большую часть сотни составляли молодые парни. У них, как понял Дженай, жен еще не было – не заслужили они права жениться. Шатры их небогаты, кто-то и вовсе ночевал с родителями. Некуда жену привести, нечем прокормить. Стоит ли удивляться, что все они, словно стадо горячих жеребцов, рвались в настоящий поход. Старшие посмеивались, а эти закатывали глаза и мечтали о тучных стадах буйволов и овец, о пленницах и о драгоценных тканях, которые они отберут... да вот хотя бы у иштырцев.

Женька в их дискуссии не влезал, а когда его спросили, хочет ли он в поход, ответил, что добыча – это, конечно, здорово, но выйти живым и невредимым из схватки гораздо предпочтительнее. Охтыр немедленно назвал его трусом, а Женька весело ответил, что он не трус, а предусмотрительный человек. Подрались, конечно – разливали их водой. Баяр не вмешивался, только смотрел на своего подопечного как-то странно.

А Женька знал, о чем говорил: в любой операции нужно заранее продумывать все возможные варианты развития событий и присматривать пути отхода, иначе – самоубийство. И это не трусость, а стратегия. Об этом он потом Охтыру сказал. Тот только плюнул презрительно и заявил, что он, конечно, бессмертен. Так ничего и не понял.

Зато Листян, ставшая невольной свидетельницей их разговора, поняла все правильно. Вечером подошла к Дженаю и, запинаясь и краснея, попросила его все же научить ее драться ножом. Женька охотно согласился. Девочка ему очень нравилась: смелая, умная, рассудительная. Хорошим другом станет. И, главное, упорная: с первого же урока научилась нож верно держать, поняла, куда нужно бить, чтобы наверняка.

У человека не так уж и много уязвимых мест. Хочешь убить, и быстро? Бей в печень, в шею или глаз. Можно в солнечное сплетение – если попадешь. А в сердце или основание черепа – очень ненадежно. Хочешь вывести из строя – запястья, бедро, сухожилие под коленкой или лезвием по лицу: болезненно и страшно, но не убивает.

Листян слушала и кивала. Позволяла показать на себе: где печень, где подключичная артерия, где сухожилия. Вот в таком положении и застал их Баяр: девушка держит тонкий острый камень, по форме похожий на нож, Дженай уворачивается от ее неловких, но сильных ударов и хохочет. Счастье еще, он не появился раньше, когда они печень друг у друга нащупывали.

Степняку явно не понравилось то, что он увидел. Он прищурился и качнул головой:

– Дженай, на пару слов. Листян, а ты почему здесь? Ну-ка брысь к матери!

Убежала.

А Баяр вдруг резким движением поймал Женьку за шею, сдавил и, приблизив лицо к парню, прошипел:

– Даже не думай о моей сестре! Не для тебя она. Ты никто, не конь даже, а так – жеребенок. А она – дочь хана. Узнаю, что ты ее... с ней... лично закопаю.

Женька вдруг расхохотался прямо Баяру в лицо.

– Я – и Листян? – выдавил он из себя. – Глупости какие! Этого не может быть никогда!

– Ну почему? – удивился Баяр, отпуская «жеребенка». – Если уж она очень захочет, то все равно тебя получит. Только для этого тебе нужно над сотней встать, но тут лет пять потребуется, не меньше.

– Не надо! – запаниковал Женька. – Пусть она меня не захочет, скажи ей!

– Так. – Баяр вдруг сделался очень серьезным. – А пойдём-ка, Дженай, поговорим.

– Зачем? Я ведь сказал... не трону я твою сестру.

– Тебе пятнадцать, Дженай, так? – Баяр схватил Женьку за плечо, уводя подальше от чужих ушей.

– Ну да, – настороженно ответил мальчишка, пытаясь ускользнуть, выбраться из-под тяжелой руки.

– В пятнадцать у юношей не так уж много желаний. Я помню себя: постоянно голоден.

– Меня хорошо кормят.

– Дженай... женщины. Если к тебе в шатер придет девушка и разденется, что ты сделаешь?

– Заору и сбегу, – честно ответил Женька.

- Это неправильно. Так быть не должно.
- У рюсов не принято... ну, так рано, – выкрутился Женька.
- И что, тебе совсем не хочется?
- Хочется, – хрипло ответил парень. – Но не Листян.
- А кого? Может – помогу.
- Слушай, Баяр... – начал было Женька, а потом не утерпел, с любопытством спросил: – Это вообще нормально, да? Ну, когда до свадьбы?
- Да. А что такого? У мужчины есть потребности. А женитьба – это слишком уж... как бы сказать... надолго. У нас жен не бросают, это позор невыносимый.
- А у женщины? У нее есть потребности?
- Ну... в принципе... не спрашивал.
- Объясни мне. Я не могу взять Листян. Но, видимо, могу любую другую?
- Нет. Не любую. Дочери тысячников, сотников, да даже десятников – не для тебя. Ты не воин пока. С ними так вот просто позабавиться нельзя, да и они на тебя не посмотрят. А вот дочери воинов или ремесленников – могут и согласиться.
- То есть я спрашиваю их согласия?
- Разумеется. А ты хотел против силы? У рюсов – можно?
- Да. Если девушку некому защитить, то можно все. – Женька стиснул зубы и отвернулся. Он точно знал, о чем говорил.
- У нас не бывает, что девушку некому защитить. Хотя... – Баяр на мгновение замолчал, а потом спокойно продолжил: – Чужестранок наложницами берут. Часто – покупают. А пленницы все принадлежат хану. Захочет – подарит их. Захочет – себе возьмет. Ну и вообще... ничья – она общая.
- Женька кивнул, сглатывая. Это он понимал.
- А чем жена от наложницы отличается?
- Жена – это жена. С ней считаться нужно, заботиться, беречь ее. А наложница – имущество. Уйти не может. Слова против сказать не может. Ее можно выгнать или отдать кому-то. Правда, если она забеременеет – все, больше ее нельзя обижать.
- погоди. Ты сказал – мне с женщинами можно. Но жениться я не могу никак.

– Пока у тебя нет своего шатра и золота, чтобы содержать жену, никто за тебя и не пойдет. А вот спать – могут и согласиться.

– Понял. А дети? Ну, если девица родила. Бывает ведь так?

– Конечно. Родила и хорошо. Если к родителям привела ребенка – значит, в их роду расти будет. Если к мужчине – в его роду. Что непонятного?

– Не понял? – уставился на него Женька. – А доказательства? Она вот так просто к тебе придет – а если это не твой ребенок?

– Если в мой шатер придет женщина с ребенком и она мне нравится – да, она будет моей женщиной. И это будет мой ребенок.

– Э... но это неправильно!

– Почему?

– Это чей-то чужой ребенок! – отчаянно пытался пояснить Женька.

– Нет чужих детей, Дженай.

– погоди, а если КО МНЕ придет женщина с ребенком?

– Смешной. Ты можешь гордиться. Она решила, что ты сумеешь ее прокормить.

– И я что, обязан? – с ужасом спросил Женька. – Обязан кормить левую тетку с младенцем?

Баяр расхохотался.

– Маленький ты еще, Дженай. Ничего не понял. К чужому мужчине ни одна женщина не пойдет. Зачем? Она к брату пойдет. К отцу. К любимому. К тебе – это если совсем некуда. А ты примешь ее, если готов пустить в постель.

– Я никого не готов пустить в постель, – пробормотал совершенно замороченный Женька. – Никаких детей. Поэтому – не надо мне никого предлагать, ладно?

– Рюс, – развел руками Баяр, – я тебя понял. Но о Листян все равно не думай. Не ровня она тебе.

Глава 8

Листян

Но не думать о Листян Женька не мог. Конечно, совсем не в том плане. Он никак не мог понять, почему женщинам не разрешается держать оружие. Тем более если они сами хотят. И тренировки с ней, разумеется, не прекратил, только старался встречаться с девушкой подальше от шатра Баяра.

Но вообще он готов был признать, что поторопился с выводами. Женщина здесь не была товаром, безгласным имуществом, и это ему нравилось. Так – правильно. Но и равной мужчине в правах она тоже не была.

С вопросом про оружие он пошел к Аасору. Тот совершенно точно поймет его, потому что знает о Женьке все. После того «ритуала» секретов между ними не осталось.

– Женщина не должна нести смерть, – охотно пояснил шаман. – Только жизнь. Это ее предназначение. У кохов женщина даже птицу не рубит. Все мужчина.

– А если рядом нет мужчины? Женщина что, должна с голода умереть, потому что ей нельзя?

– Она может, конечно, и зарубить. Но потом до полной луны останется нечистой. Ей нельзя будет есть за общим столом и ложиться с мужчиной.

Женька вытаращил глаза и едва пальцем у виска не повертел. Эта дикость не вмещалась в его разум.

– А если на стан нападут, тогда что? Вырежут всех к чертям собачьим?

– Если найдут, – усмехнулся Аасор.

– А чего его искать? Стоят шатры посреди степи... издали видно.

– А шаман на что? Уж скрыть стан из вида – самое первое, чему нас учат.

– О! То есть заслать лазутчика, зарезать шамана – и можно брать стан?

Аасор прищурился.

– Ла-а-адно, – фыркнул Женька. – Если у шамана несварение... или он от старости помер... все? Конец всему племени? Ой!

Аасор ловко, как кошка лапой, мазнул Женьку рукой по губам. Не то чтобы больно – но обидно.

– Ты многого не знаешь, малыш. А не знаешь – молчи лучше. Шаман разговаривает с ветром и травой. И он всегда знает, когда его час близок.

– Накурятся всякой дряни и разговаривают с ветром, – заворчал было Женька, но вдруг осекся, вспомнив, что сам попал в этот мир почти мертвым и не знающим языка. А Аасор своими обрядами его спас. – Прости.

– Вот так-то, бестолочь. Незачем нашим женщинам проливать кровь. Мужчина может и должен их защитить.

И тут Женька вспомнил, о чем еще хотел спросить шамана. Который как лекарь, а значит – пола не имеет. А все равно больше некому задать этот глупый вопрос. Угадал. Аасор смеяться не стал, обещал помочь.

Несмотря на то что Баяр предлагал Дженаю ночевать в шатре с кем-то из воинов, если хочет, даже в его собственном, Женька наотрез отказался. С шаманом спокойнее. Шаман все знал, к соседу своему относился снисходительно, с разговорами не приставал. А еще у Аасора можно было многому научиться, особенно если наблюдать. Женька и наблюдал, а когда удавалось помочь – помогал. Видя явный интерес к травам, Аасор начал свои действия проговаривать: эта травка от поноса, а эта – для легких родов. Отвар из овса расслабляет кишечник, а цветки хвостовика помогают при тяжелом кашле.

А потом Аасора позвали к наложнице хана, у которой начались роды, и тот, собрав нужные травы, ушел, оставив Женьку одного в шатре.

Оказалось, опасное это дело – одиночество.

Он возвратился домой уже в темноте. Сначала ужинал с войском, потом долго спорил о чем-то неважном, но очень интересном, с Охтыром, потом просто – дышал ветром и кайфовал от того, что мышцы ноют, что в животе сытость, что глаза осоловели закрываются и заплетается язык. Он жил. По-настоящему.

Зашел в шатер, сбрасывая обувь, зевнул, почесал давно невымытую шею. Хотел уже упасть на свою постель, когда темнота внезапно

зашевелилась. К Дженаю шагнула тень. Он отпрянул было, но горячие гибкие руки обвили его шею и притянули к себе. Мягкие губы скользнули по щеке – насилу увернулся.

– Я сейчас буду орать: «Помогите, насилуют», – шепотом предупредил он, ловя пальцами девичьи запястья.

– Я тебе противна? – обиженно прошептала Листян, отступая.

– Мне Баяр запретил, – испуганно ответил мальчик.

– Баяр не узнает, обещаю. Дело только в этом?

– Да зачем я тебе?

– Ты красивый. И сильный. И добрый. – Девушка скользнула пальцами по его щеке, а потом дернула за завязку штанов. – Мне еще ни один парень так не нравился.

Она вдруг навалилась на него всем телом, уперлась круглой мягкой грудью в грудь и решительно принялась стягивать с него штаны. Орать Женька все же побоялся – стыдно очень, да и непременно обо всем узнает Баяр. Поди потом оправдайся! Уж лучше иметь дело с девушкой. Придется, видимо, сказать правду – чтобы избежать и дальнейших поползновений, и смертельных обид. Женщины! Как же с ними сложно!

Оттолкнул ее с силой, откатился в сторону. Она заплакала – тихо-тихо. Он понял только по дрожанию воздуха.

– Листян, мы ведь с тобой друзья? – громким шепотом спросил Женька. – Эй, реветь не нужно! Ладно, пойдем поговорим.

Он завязал штаны, схватил ее за руку и вывел из шатра. На небе сверкали звезды. В стане стояла тишина, только где-то лениво ворчала собака. Дженай привел ее к Кругу – видимо, все важные разговоры у них будут проходить здесь. И ночью, да.

– Зачем ты меня сюда притащил? – обиженно поджала пухлые губы Листян.

– Листян, ты мне очень нравишься, честно. Но отношений у нас быть не может, – тут Женька весело ухмыльнулся. – Просто, ну невозможно это!

– Почему? Ты... евнух?

– Хуже. – Женька, вздохнув, задрал рубаху и размотал тонкую ткань, стягивающую грудь. – Вот.

– Ты... женщина? – с огромным изумлением и даже ужасом выдохнула Листян. – Но как это возможно? Ты же... воин! И Тойрог

прошел! Так не бывает.

– Могу штаны снять, – вздохнул, вернее, вздохнула Женька. – Если не веришь.

– Снимай! – азартно выдохнула девушка.

Она сняла.

– Я ничего не понимаю, – покачала головой Листян, сокрушенно прижимая ладони к щекам.

– Тут все просто, – пробурчала Женька, оправляя одежду. – Сама пойми, я сирота, никто. Если мальчику еще как-то можно выжить, то девочке придется очень туго. Вон даже у вас чужестранок наложницами берут. А у нас просто... берут. Насильно. Могут по кругу пустить. Вот я и скрываюсь так. Много-много лет.

– Много – это сколько? – с острым любопытством спросила девушка.

– Мне почти девятнадцать.

– Ого! У нас бы ты давно могла стать женой и матерью! Послушай, давай я поговорю с Баяром, он тебя защитит! Зачем тебе прятаться здесь?

– С ума сошла? – возмутилась Женька. – Мне нравится быть воином, понимаешь? Очень нравится.

– Нет, не понимаю, – хихикнула Листян. – Но твою тайну сохраню. Только всем скажу, что у нас было. Иначе придет еще кто-нибудь.

– Зачем? Кому я нужен?

– Ты другой, – засмеялась уже совершенно успокоившаяся девушка. – Красивый. Молоденький совсем, и женщин, говорят, боишься. Нашим любопытно.

– Любопытно им, – хмуро буркнула Женька. – А мне теперь шарахайся от каждой бабы. Скорее бы Аасор вернулся!

– А ты попросись с воинами спать, – посоветовала Листян нахально. – Если не боишься, конечно.

– Чего мне бояться?

– Ну вдруг тебе кто-то понравится, так, что ты устоять не сможешь?

Женька хмыкнула. Этого она не боялась. Глупости какие – понравится! И не такая она вовсе, физиологическая часть жизни ее не

интересует. И вдруг споткнулась, вспомнив, как Баяр учил ее стрелять из лука.

Женька обычно искренне считала себя парнем. Думала – как парень, разговаривала – как парень, ходила – как парень. Но когда Баяр стоял у нее за спиной, положив свои пальцы на ее руки – о, просто показывая, как правильно натягивать лук, ничего больше – все проклятое женское вдруг пробуждалось внутри. Мурашки по спине, тяжесть в животе, ставшая вдруг такой чувствительной кожа. Ей начинало казаться, что она даже пахнет по-другому. Или это его запах – такой пряный, такой будоражащий воображение? Его дыхание над ухом, крепкое тело за спиной.

Ну и как тут сосредоточиться на луке и стреле? Неудивительно, что первые две стрелы упали на землю, а тетива больно щелкнула Женьку по пальцам, рассекая кожу до крови.

– Ну вот еще неприятность, – досадливо пробормотал Баяр. – Мальчишка, рюс. Кожа нежная, как у девки. Стой, сейчас перемотаю тебе пальцы. И потом учиться будешь в перчатках.

Насупилась, зыркнула на него волком, все острее ощущая себя именно изнеженной девкой. Стряхнула кровь с пальцев, вытерла ладонь о штаны, схватила лук, стрелу вложила, глаз зажмурила. Что она, в фильмах не видела, как стреляют?

Самостоятельная попытка удалась чуть лучше. Стрела все же полетела – криво, по крутой дуге и вниз, но полетела. Улыбнулась победно – вот так! Не девчонка, а воин! Этот... стажер, в общем.

– Уже лучше. – Баяр хлопнул по спине с такой силой, что Женька едва устояла на ногах. – Воин! Но пальцы все равно перевяжи.

Разумеется, Дженаю было вовсе не до пальцев. Ему стрелять хотелось. И через несколько часов упорных тренировок стрела уже летела на сотню шагов. В кувшин не попадала, но хотя бы была направлена в нужную сторону.

Пальцы посинели и не гнулись, спина ныла, рук Женька просто не чувствовала, но это не важно. Она гордилась собой. А главное, Баяр ею гордился. Отчего-то Женьке было очень важно стать лучшей в глазах наставника. Во всем. На коне она держалась изо всех сил, когда падала – ни звука, ни стоны не издавала. Упрямо поднималась, сверкала глазами и снова лезла.

Листьян потом ворчала и перетягивала разбитое колено или бинтовала израненные пальцы, или промывала ссадину на виске. Наверное, тогда и разглядела его, оценила.

Глупо получилось, да.

Баяр – это Баяр, конечно. Не то чтобы красавец... Просто восхитителен, в смысле Женька им восхищалась. Как командиром, как мужчиной, как воином. Наверное, так она могла бы смотреть на отца или старшего брата, которых у нее никогда не было. Вернее, она должна вот так смотреть, жаждать быть на него похожей, так же научиться махать саблей или метко стрелять из лука, или ездить верхом, но правда состояла в том, что рядом с ним Женькины мысли текли совсем в другом направлении.

Только Женька – все же не женщина. Во всяком случае – в постели. Ничего там интересного нет, она пробовала. Не стоит это все ее карьеры воина. А Баяр... лучше просто держаться от него подальше. А для этого надо упорно тренироваться. И она, вернее, он, Дженай – тренировался.

До мозолей на бедрах, до синих пальцев, до гудящих ног. Самый упертый из всех четверых. Охтыр, глядя на рюса, закусывал до крови губы и тоже до заката стрелял и махал саблей. Потому что уступить чужестранцу для него – позор немислимый. А глядя на этих двоих, подтягивались и остальные. Никому не хотелось быть худшим. Баяр, глядя на их рвение, только головой качал, но не останавливал. Пусть. Посмотрим, насколько их хватит.

Глава 9

Цель

Аасор вернулся только на следующий день, мрачный как туча. На Женькино приветствие не ответил. Взял маленькую жаровню, какие-то травы и ушел в Тойрог. Очень странно, Женька никогда его таким не видела. Загадку разрешила заплаканная Листян, прибежавшая к Дженаю.

– Умерла наша Элия. Такая молодая, такая красивая! Роды были очень тяжелые, ребенок крупный.

– И сколько лет было Элии? – на всякий случай уточнила Женька. Ее терзали смутные сомнения.

– Как и мне, шестнадцать.

– Все с вами ясно.

Противно. Говорят, что женщин уважают, ценят... а вот так. Сколько лет отцу Баяра? И девочка шестнадцати лет... видимо, маленькая, раз все кончилось так плачевно. И он, Женька... она все сделала правильно. Ее бы тоже отдали кому-нибудь... старику. Вряд ли она досталась бы Баяру, да? Да и если бы досталась – никто бы не был к ней добр. Была бы наложницей – не женой.

И почему, зачем она вообще думает о мужчине, причем – о взрослом? Впервые, наверное, в жизни Женька смотрела на мужчину без отвращения и страха. Она в принципе нисколько не опасалась ровесников, но с теми, кто старше и опытнее, всегда предпочитала общаться на расстоянии.

– Дженай, – Листян тронула «друга» за руку, – почему все так?

– Как – так?

– Неправильно. Нельзя ей было умирать, понимаешь! Она ведь и не жила толком.

Да, нельзя. И Женька это понимала. Она ведь тоже только-только начала жить. Зачем-то и кто-то дал ей второй шанс. А она что делает? Играет в воина? Пытается кому-то что-то доказать? Зачем? Какой в этом смысл?

– Листян, а знаешь... Это может случиться с каждой из девушек стана, – нахмурившись, неожиданно сказала она. – Сколько бы Аасор

ни обещал безопасность, а нужно уметь постоять за себя. Если хочешь, я тебя научу не только владеть ножом, но и самообороне. Как из захвата вырваться, как от насильника отбиться. И тогда, возможно, ты не умрешь... как эта ваша...

– Элия.

– Вот именно.

– А я подруг могу взять? – вскинула голову степнячка, яростно утирая слезы.

– Бери. Всех буду учить.

Когда-то, еще в прошлой жизни, Женька много читала про самооборону. Да и в детском доме им какое-то время давали уроки. И сама она с друзьями приемчики отрабатывала, и отбиваться ей приходилось не раз. Так что научить девчонок будет чему. Только при этом появлялась одна проблема:

– Лис, а твои подруги на мою мужскую честь покушаться не будут?

– Я им скажу, что ты – мой, – усмехнулась степнячка. – Со мной спорить не станут. Не бойся. Значит, я сегодня спрошу своих и ночью, как обычно, встретимся?

– Да, возле Тойрога.

Отчего-то мужчины Круг не любили и старались к нему лишний раз не подходить. Видимо, не самые приятные воспоминания о нем были у каждого, а может – место, для мужчин священное. Девушки относились к Тойрогу спокойнее, а сама Женька ощущала себя там совершенно свободно. Удобное же место – каменная арена. И приметное. И земля вокруг вытоптана, очень хорошо для тренировки.

В первую же ночь с Листян пришли две степнячки: маленькие, худенькие, большеглазые – без слез не взглянешь. Куда таким противостоять взрослому мужику? Женька только головой покачала, но – взялся за гуж, не говори, что не дюж. Сколько этим девочкам? Двенадцать? Четырнадцать?

– Сил в вас немного, – помолчав, сказала она. – Будем брать ловкостью. Зато бегаете, наверное, быстро. И визжите громко. Запомните, если на вас напали, самое главное – привести противника в замешательство, а еще лучше – вызвать отвращение. Делайте, что хотите: притворяйтесь мертвыми, изображайте судороги, можно

блевать или даже описаться. А когда враг расслабится – бейте и бегите. И орите что есть силы, если знаете: кто-то может помочь.

Почти час она рассказывала им про точки, куда может бить даже хрупкая девушка. Показывала на себе, жалея, что сама она мелкая. Вот бы «добыть» мужчину для отработки ударов! На миг мелькнула мысль рассказать все Баяру, но тут же была отброшена как бесперспективная. Во-первых, он не поймет, оскорбится, что их, воинов, считают неспособными защитить своих женщин, а во-вторых, лучше, чтобы вообще никто об этом не знал. Совсем.

– На сегодня хватит, – вздохнув, сказала Женька. – Приходите завтра. Будем с вами придумывать, что можно использовать в качестве оружия.

Шушукаясь и хихикая, девицы удалились в ночную тьму, а Листян задержалась, Женьку в щеку чмокнула и прошептала:

– Ты прекрасен.

– Я – баба, – шепотом напомнила Женька.

– Очень-очень жаль.

Женька потерла щеку и подумала, что ей тоже жаль. Мужиком быть проще в любых мирах.

Зато женщин никто не будит пинками по утрам. Как ее, к примеру.

– Давай, сын ослицы, просыпайся. – В шатер Аасора самолично пожаловал третий сын хана. – Рассвет уже. Ты сегодня опоздал на тренировку, будешь страдать, обещаю.

Проспала!

Женька подскочила суматошно, запахивая рубаху на груди, вытаращила светлые глаза на Баяра, покраснела. Сын хана вдруг подумал о том, что вовсе не удивительно, если рюсы этого мальчишку желали... неподобающим образом. Лицо тонкое, светлые, уже выгоревшие на солнце вихры волос, глаза огромные. И сам тоненький. У Баяра в сотне и такие есть: тощие, мосластые. Он точно знает, что они ничуть не слабее здоровяков. А в бою даже более быстрые и гибкие. И если порой тяжелую саблю им не удержать, то с луком они справляются очень неплохо. Из Дженай должен получиться отличный лучник, стремительный и легкий.

– Чего застыл? – недовольно спросил мужчина. – Штаны подтягивай и пошли.

– Мне... отлить надо. – Мальчишка вдруг покраснел и ресницами захлопал. Как девка.

– За шатром встал и отлил, делов-то.

– Я... в отхожее место лучше.

Вот, и это тоже. Неженка. Несмотря на то что родился Дженай явно не в шелковой сорочке и рос не в ханских шатрах, было в нем что-то... утонченное, пожалуй. Как в отцовской наложнице, которая давеча разродиться не смогла. Рядом с Элией Баяр вечно чувствовал смущение и какую-то робость. Та и двигалась по-другому, не как их женщины, и ела непременно вилкой и ножом, и пальцы вытирала о тряпицу. Всегда в свежем платье, лицом сияющая, с причудливой прической, увешанная монистами. Разговаривала тихо, глаза опускала, не перечила.

Стирать – руки у нее болели. Готовить не умела совершенно. Шила немного, но жаловалась на неправильные иглы и толстые ткани, а уж кожу и вовсе не могла проткнуть. Вот и зачем такая женщина? Разве что... для любви? Чтобы любоваться ею и вдыхать запах волос? А и ладно. Стирать он и сам умеет. А шить могут – мать и Листян.

Баяр сам хотел Элию, когда ее только привезли в стан. Даже просил в жены. Но отец не дал, сказал, что лучшие женщины – самому сильному. Мать, к слову, Элию жалела и говорила, что та с ее нежными ручками и белой кожей, боявшейся солнца, в степи не выживет. Как в воду глядела.

Красивую нежную Элию было теперь не вернуть, Баяр отчего-то ощущал себя виноватым в ее смерти и злился. На отца, на себя, на Аасора, на весь этот мир. А заодно – и на Дженая, который вздумал проспаться. Опять ведь с Листян шлялся, а он его предупреждал! И хотя сестрица уверяла, что они просто друзья, Баяр в такую дружбу нисколько не верил, к тому же понимал: Листян красавица. Любой ее захочет. Баяр решил устроить этому наглому юнцу сладкую жизнь, а теперь вдруг, глядя на его красное лицо и смешной бег до отхожего места – ямы, огороженной шкурами – пожалел его. Тяжело тут рюсу. Кохтэ не стеснялись справлять естественные надобности. А в походе и вовсе не до стеснения. Спят вповалку, кровь в реке смывают большой толпой, да и отливают тоже дружно и по команде.

Ничего, привыкнет. Баяр просто забыл, что мальчишка в степи совсем недавно, еще и пары лун не прошло. Привык он к нему

быстро – такие волчата у него постоянно под ногами путаются. Кроме масти, ничем Дженай от местных мальчишек не отличается: две руки, две ноги, голова и длинный язык. И поспать любит – как все.

Покачал головой, улыбнулся про себя, глядя на взъерошенного зевающего парня, кивнул ему и пошел в сторону стрельбища.

Вручил ему лук, руки скрестил на груди, наблюдая. Прекрасно знал, что от таких взглядов Дженай начнет нервничать и трястись. Ничего, в бою не до нежностей. Пусть привыкает. К тому же ветра почти нет – разве можно не попасть в мишень?

Можно. Женька дергалась, бросала на Баяра злые взгляды – вот и чего ханскому сыну от нее надо? Шел бы по своим важным ханкосынним делам, как он это обычно делал. Нет, стоит, пялится глазами своими невозможными. Эх! Снова мимо!

Спасибо хоть в руках уже сила появилась, стрелы до цели долетали, а не как раньше – падали на полпути.

Верховая езда все же давалась Женьке лучше. Маленькая, легкая, она очень быстро сообразила, как правильно сидеть и какие части тела лучше расслаблять. И с небольшой своей мохнатой кобылкой подружилась.

– Да моя бабушка лучше стреляет, – насмешливо бросил Баяр, и Женька не выдержала, взорвалась.

Лук со стрелами швырнула на землю и заорала:

– Да пошли вы все со своим допотопным оружием! Нет бы арбалеты изобрели! Достало меня все! Даже позавтракать мне не дал, все бегом, бегом! Других так, как меня, не гоняют!

Баяр молча подошел к парню и коротко, без замаха, ударил по губам. Вроде и не сильно, но Женьку мотнуло, она на ногах не удержалась, села на задницу. От обиды выступили слезы, губы горели.

– Это за то, что оружие на землю бросил. Еще раз увижу – выпорю. И за то, что голос на командира повысил. Лук взял и стреляй. Пока не попадешь в мишень, не отпущу. И да, без еды до завтрашнего дня. Привыкай, в походах не всегда удается позавтракать и до отхожего места добежать. Хочешь быть воином – усвой это. А не нравится что-то – иди к девкам в шатер.

Женька, сидя на земле, обхватила себя руками. Ее трясло. И с чего бы? По лицу ее били, и не раз. В драках она участвовала, даже кучей на одного – бывало. Палкой по спине получала. Камнями в нее кидали.

На рынке, бывало, перепадало за воровство. И сейчас головой понимала – заслуженно. Только снова девичье вылезло: слабого легко ударить, особенно когда знаешь, что ничего тебе за это не будет. Именно от Баяра она этого совершенно не ждала. Он ведь такой... спокойный, терпеливый, добрый. И ладно бы подзатыльник, а то – по губам. Ее. Девушку. Не больно – обидно. Унизительно. И стыдно отчего-то. Как будто совсем другого она от него хотела. А ведь не хотела совершенно, даже не думала...

Что-что, а врать себе Женька умела виртуозно. Вся ее жизнь была ложью самой себе.

Глава 10

Баяр и его сотня

Ничего не поделаешь – встала, лук подняла, слезы вытерла, и раз за разом посылала стрелу в сторону растянутого на двух палках куска кожи с нарисованной на нем фигурой человека в полный рост. Солнце палило нещадно, голову пекло, в глазах плескались звездочки – а она все стреляла. Бегала за стрелами, собирала их и снова стреляла.

Баяр уходил, пришел ближе к полудню, выгнал ее с поля – отдыхать. Уползла, напилась воды, долго лежала в шатре, отчаянно жалея себя. Как баба, да. Есть не решилась, хотя Аасор предлагал. Когда солнце начало садиться, вернулась в поле, снова стрелять. Руки не слушались, болели, пальцы посинели. Стрелы уже не долетали до мишени, падая на полпути. Есть не хотелось.

– Иди спи, – неожиданно появился Баяр. – Каков упрямец!

Показалось ли Женьке или в его голосе звучало восхищение? Кивнула, неуклюже собирая колчан, сбегала за упавшими стрелами, со вздохом оглядела мишень. Дырок в ней было всего три.

– Завтра утром с вещами придешь к сотне. Жить будешь вместе со всеми. Нечего волчатам от стаи отделяться.

У нее внутри похолодело. На это она совсем не рассчитывала. Со дня на день по ее расчетам должны были начаться критические дни, как с этим справиться – рядом с сотней мужиков, от которых и укрыться негде? Конечно, у нее все это протекает довольно просто: никаких болей, никаких перепадов настроения, но все равно – страшно. Ох, да будь что будет! Найдет повод сбегать до Аасора или еще куда-нибудь.

– Хорошо, – буркнула она, стараясь сделать голос ниже. – А где я буду спать? С учениками?

– Со своим наставником, – хмыкнул Баяр, наблюдая за тем, как расширяются светлые глаза у мальчишки.

Да, судя по реакции Дженая, мальчиков рюсы могли и пользоваться. И как ему объяснить, что у кохов подобное просто невысказано? И стоит ли объяснять? Уже вон попытался сегодня. Ай, сам все поймет! Пора выбивать из мальчишки эту глупую стыдливость.

А к Тойрогу вместе с маленькими девочками внезапно пришла взрослая женщина – на взгляд Женьки ей было не меньше тридцати. Худая, смуглая, чернобровая, с короткими прямыми волосами, перехваченными простой кожаной лентой. Напряженная, словно струна, со злыми узкими глазами. Если бы не взгляд – красавица.

– Мне Листян сказала, что ты можешь научить убивать? – прямо спросила она Женьку.

– Защищаться, – осторожно поправила незнакомку Женья.

– Мне нужно научиться убивать. Ножом – прекрасно. Нож легко спрятать.

– Зачем?

– Нужно, – с нажимом повторила женщина.

– Я покажу, куда бить, – со вздохом сдалась Женька. – Но сначала – как вырваться из рук врага.

И снова она показывала: как обезвредить противника, как обмануть, как вывернуться из захвата. Гаюна была выше, чем Женька, на полголовы – она и играла теперь роль мужчины. Получалось неплохо – когда двигалась медленно. Девки были ужасно вертлявые, больно кусались и очень натурально «падали в обморок». Женька осталась довольна столь старательными ученицами. Правда, из ее захвата не смогла уйти даже Гаюна, но это не страшно. Научатся.

Уже по дороге домой Листян все объяснила: вдова, причем бездетная. Совсем недавно замуж вышла, мужа, воина из сотни Тынгыза, очень любила. А в последнем набеге он погиб в схватке с иштырцами. И теперь Гаюна мечтает о мести. Как она собирается ее осуществить – дочь хана не знала, да это и не важно. Ей сегодня хотя бы стало немного легче.

– Наши женщины иногда сходят с ума вот так, – со вздохом говорила Листян. – Гаюна даже волосы обрезала. Знак того, что умерла вместе с мужем.

– Ее бы в сотню Баяра, – задумчиво сказала Женька. – Она сильная и упрямая. Какой бы из нее вышел воин!

– Да ты что, – испугалась подруга. – Хан никогда не позволит. Это... против всех традиций! А народ, поправший заветы предков, непременно погибнет!

– Ну да, а так вот не погибнет, – пробурчала Женька. – Вдовы просто станут себя хоронить. Детей у них больше не будет. Так,

глядишь, прирезала бы пару десятков иштырцев и успокоилась. Может, другого мужа себе присмотрела бы. И воинам помощь, и дисциплина в сотне.

– Так страшно же – женщине среди мужчин.

– А с чего бы? Кохи ведь такие хорошие, женщин не обижают, не бьют...

В Женьке снова вспыхнула злость на Баяра. И отчего ее так задел этот несильный, в общем-то, удар? Снова стало тошно и обидно. А может, он этого и добивался? Чтобы она навсегда запомнила и никогда больше не возражала?

– Не бьют, – тихо согласилась Листян. – Нормальные.

– Тебя били?

– Ну мать могла нагайкой стегнуть, если я сильно спорила или ленилась. И то – если отец не видел. А братьям часто влетало, да.

Женька кивнула, стискивая зубы. Никогда бы она не позволила бить своих детей – ни мальчиков, ни девочек. Стоп, каких-таких детей? О чем она вообще думает? Видимо, этот удар ей что-то повредил в мозгу, не иначе. Дура, ты тут мужик. Вот и думай, как мужик – о другом мужике.

Наутро Женькины пальцы отказывались разгибаться, опухли. Шипя и матерясь на великом и могучем, она пыталась отмочить их в ведре с водой – безуспешно. Аасор, укоризненно качая головой, намазал их какой-то кашей, отчего ладони жгло, как крапивой. Но отек немного сошел.

– Баяр велел мне жить с воинами, – сказала она старику.

– Живи, – согласился шаман. – Но твой угол я трогать не буду. Ты мне как внук.

Женька кивнула. Здесь она устроилась с удобствами. Часть шатра была отгорожена тканевым пологом, за ней – одеяла и подушки. Кроме сменной одежды да лука со стрелами своего здесь у нее не было, сборы оказались недолгими. Аасор, правда, дал ей еще глиняную миску и деревянную ложку, сказал – у воина свои должны быть. И чистых тряпок тоже дал.

– И стирать не вздумай, – проворчал он. – Жги. Нужно будет – еще найду.

Женька покраснела и молча завернула сверток в рубашку.

Побежала к месту, где жили воины.

Стан был огромным даже для нее, привыкшей к городам, жившей в Москве. Одних только воинов здесь насчитывалось больше пяти тысяч. У большинства семьи, жены, дети. А еще увечные и старики, вдовы и их дети. Баяр со своей сотней молодняка выглядел тут просто никем. Разве дело – ханскому сыну оставаться всего лишь сотником? Да только ни один из тысячников не был хану родней. Все – опытные воины.

И опять же – Баяр всегда отдельно. У взрослых мужчин свои шатры, свое хозяйство. Жены, дети, родители, тетки (тетками тут называли вдовых родственниц). Козы, овцы, буйволы, лошади. И как только хан управлялся со всем этим добром? А ведь управлялся – правил железной рукой. Ни одно дело без него не обходилось, ни один брак без его позволения не заключался. Женька жила тут совсем недолго, но уже успела насмотреться. И свадьбу один раз видела, и дети тут, судя по тому, что Аасора звали, рождались.

А Баяр – отдельно. Как маленький стан в стане. Чуть в стороне ото всех. Несколько маленьких шатров, два больших. Свои кони, свои котлы. Своя жесткая дисциплина. Каждый занят делом: чистят сабли, чинят стрелы. Зашивают одежду. Готовят по очереди. Молодые бегают по всяким делам. Кто-то на стрельбище сейчас.

Женька чувствовала себя неуютно. Ей было страшновато. Словно снова – детдом, нет, военное училище. Интернат, полевой лагерь. Если бы не ноющие пальцы – почти игра, типа спортивных сборов.

– О, Дженай! – радостно завопил Охтыр, бросаясь ей навстречу и разрешая этим такую сложную задачу «вливания в коллектив». – С вещами? Здорово! А меня еще не берут, говорят – мал. Пока с родителями сплю. Пошли, как раз время завтрака. Сегодня Наран у нас кормилец, он очень вкусно готовит! Давай свою миску, я принесу.

Охтыр едва ли не прыгал от радости, а вот Женьке было не до веселья. В прошлой ее жизни попасть в общество людей старше ее было... мучительно больно. Дедовщина процветала везде и всегда. Новичков не любили, их били, издевались, заставляли работать. Порой – насиловали. Если пару дней назад Женька верила, что здесь – по-другому, то после вчерашнего уже сомневалась.

Каша оказалась очень густой и очень сладкой. На жирном буйволином молоке, да еще с какими-то ягодами. Интересно, откуда в

степи ягоды? Женька с трудом заставляла себя есть. Не то от волнения, не то от приторности в горле стоял ком.

Не выдержала, спросила Охтыра:

– А что это такое розовое?

– Это шишкоягоды, – снисходительно пояснил тот. – Сладкие. Растут везде. Мы их собираем, сушим. Аасор говорит, что полезно. А Наран вообще сладкоежка. Ты чего не ешь? Не нравится?

– Нравится, – с трудом глотала сладкое варево Женька. – Ты просто много мне положил.

– Доедай все, – внезапно нарисовался над ней Баяр. – До ужина еще долго. Сейчас со мной поедешь в обход, обед пропустим.

И снова исчез под завистливое шипение Охтыра.

– Повезло же тебе, рюс. В обход! Меня не брали ни разу!

Женька тоскливо вздохнула и переложила половину своей каши в деревянную миску мальчишки. Вот и что ей не нравится? Разве не этого она хотела, разве не об этом мечтала? Она – и в обходе!

– Готов? – снова Баяр, Женька аж закашлялась от неожиданности. – Пошли. Миску с собой, в реке помоешь.

– Вы к реке? – взвыл Охтыр. – Меня возьмите!

– Наран у котлов – и ты у котлов. Привыкай.

Охтыр поморщился, но больше не возражал, только незаметно отдал Женьке свою миску с ложкой:

– Вымой, а? А я, когда поеду, твою захвачу.

Женька кивнула, держа в руках миски и растерянно озираясь. И куда их? Мешка у нее не было, карманы местная одежда не предусматривала.

– Дженай, что застыл? Сюда лети.

Побежала на зов.

– Это тебе, должно подойти.

Баяр кинул в нее кожаный... доспех? Или как это назвать? Жилет из толстых кожаных пластин, скрепленных заклепками. Плечи закрыты почти до локтя. Надевается явно через голову, на боках – кожаные шнуры. Куда? Солнце палит нещадно, впору раздеться до трусов! Она же в этом упрет, как гречка на пару!

– Жарко, – поглядела вопросительно.

– Привыкай. В обход едем, не на прогулку.

Хотела было возразить, что разведчики не доносили про опасность, что другие, «взрослые» воины ограничились неизменными халатами с кожаными перевязями, но вспомнила удар по губам и промолчала. Надела на себя это орудие пыток, тяжелое, неудобное. Как сумела, завязала на боках шнуровку. Затянула ремень на поясе. Доспех доходил до середины бедра. Сразу почувствовала себя неповоротливой, толстой, как медведь, и вдобавок вонючей. Дезодорантов здесь не было, и как Женька ни намывалась утром и вечером (за что неизменно получала ворчание Аасора о бессмысленном расходовании драгоценной воды), к полудню она уже «благоухала». Впрочем, тут все не ромашками пахло.

Всего их в обход поехало двенадцать человек, Женька – тринадцатая. Смешно, число такое... несчастливое.

Глава 11

Засада

На лошади Женька сидела уже вполне уверенно. Ей даже нравилось это ощущение: что-то среднее между вождением автомобиля и компьютерной игрой. Можно управлять скоростью, можно двигаться в любом направлении, можно идти рысцой или скакать галопом. Но лучше, конечно, быть как все: меньше пыли наглогаешься. Женька здесь ниже всех ростом, и Баяр велел ей ехать рядом с собой, впереди. Заодно рассказывал ей о приметах:

– Видишь этот красный камень? От него стан сейчас на севере. Река – в двух перелетах стрелы.

– А почему мы не у самой реки стоим? – поинтересовалась Женька. – Там ведь, наверное, трава зеленее и все такое?

– Не так давно дожди были. Видишь, справа ручей? Через пару недель он пересохнет, а пока лошадей поить мы будем там. Трава вокруг молодая, табун у нас не такой уж большой. И потом – тут Тойрог. Другого такого Круга нет в мире. Мы каждый год приходим сюда для испытаний духа юных кохтэ.

– Совсем-совсем нет? – удивилась Женька. – А этот откуда взялся?

– Кто-то из древних сложил, так испокон веков было. А вот и река. Купаться, братцы!

С гиканьем и воплями радости молодые воины попрыгали с коней и принялись на ходу раздеваться догола. Женька застыла. Не потому, что ее смутило это зрелище, нет, ей было совершенно наплевать на этих мальчишек. Хотя на голого Баяра она бы с удовольствием посмотрела. Просто вдруг сильно и остро кольнуло в затылке.

– Дженай, прыгай, не жмись!

Она покачала головой, озираясь. Все здесь просматривалось как на ладони. Трава – зеленая, высокая. Река не то чтобы широкая – не Волга, конечно, но и не ручей. Нормальная река. Женька умела плавать, могла ее переплыть без проблем. Ни кустов, ни холмов поблизости. Только где-то вдалеке небольшие заросли не то тростника, не то рогоза, она не разбиралась, да пара деревьев. Негде тут

прятаться. Да отсюда до стана рукой подать! Откуда это чувство тревоги?

– Что не так, рюс? – Баяр, стягивающий через голову рубаху, вдруг замер, настороженно глядя на крутящего головой мальчишку.

– Показалось, – неохотно пояснил Дженай. – Чужое что-то померещилось.

Степняк тоже огляделся и покачал головой:

– Откуда тут? Не рискнут, поверь. Да и негде здесь спрятаться.

– Не знаю, – махнула рукой Женька. – А только как хочешь, я лучше послежу.

– Мыться быстро! – рявкнул Баяр, бросая рубашку на землю.

– Нет, – огрызнулась она. – Я не самоубийца. Пока не разберусь, что почувствовал, не рискну.

– После поговорим, – тяжело ответил степняк, сверля мальчишку гневными черными глазами. – Не сейчас. Не при всех.

И на том спасибо. У Женьки и без тебя проблем хватает. Например, как прекратить пялиться на это офигенное мужское тело. Гладкое, загорелое, покрытое каплями пота. Худощавое и подтянутое. Боже, он штаны стягивает! Невероятно. Отвернуться не нашла сил, все разглядела. И все то, что было загорелым, и то, что не слишком часто выставлялось на солнце. Щеки горели огнем, она невольно сглатывала. Спина и живот, несмотря на палящее солнце, покрылись гусиной кожей.

Хорош, тут она себе даже не врала. Очень хорош. Не мальчишка, мужчина – с широкими плечами, сильной красивой спиной и... хм... везде, в общем, мужчина. Но неожиданно больше всего ей понравились руки: в меру мускулистые предплечья, небольшие, но крепкие кисти. Интересно, а пальцы у него, наверное, шершавые и ладони грубые, мозолистые. О чем она думает, зачем? Силой заставила себя перевести взгляд на траву, на кусты вдалеке.

Странное ощущение ушло, будто его и не было, но Женя была не из тех, кто верит в случайности. Это вот свербение в затылке не раз и не два спасало ей пусть и не жизнь, но здоровье – точно, и игнорировать его было глупо. Не повторится – и хорошо, и прекрасно. А если... если тут кто-то чужой? Кто-то маленький, где-нибудь в траве? Враждебный. И она, забыв про жару, то и дело окидывала взглядом степь, не решаясь даже слезть с лошади. Надо

хотя бы миски вымыть, но снова – тревожно. Словно, если она отвлечется от наблюдения, случится что-то страшное.

Только когда Баяр вышел из воды – вот тут ни о какой траве Женька думать больше не могла – она спешила, взяла за повод лошадь и повела ее к реке. Прошла совсем близко к нему, едва не задев плечом, успев разглядеть и капли воды на его груди, и губы резные, и злые раскосые глаза, и мокрые волосы. И снова ее повело, едва ноги не подкосились. Зашла в воду по колени, умылась, закрывая глаза и успокаивая бешено колотящееся сердце. Да что с тобой, Женя? Первый раз голого мужика узрела? Как будто ты никогда не видела фильмов для взрослых и фотки всякие в интернете не разглядывала! И ведь не девочка давно, прекрасно знаешь, что в этом самом физиологическом акте нет ничего особого для женщины. Так, перетерпеть, думая о чем-то своем. Если при этом еще и представлять что-то из тех самых фильмов, то можно даже поймать немного приятного. Но на этом – все. Остальное лишь хитрости природы – чтобы род человеческий продолжался, да выдумки мужчин – им-то это явно нравится.

И снова лезло в голову непрошеное – есть ли у Баяра женщина? Да конечно есть! Любая пойдет к нему в шатер! Вот так, Женечка, вот и думай об этом. Ты же не баба, ты воин. Ты так этого хотела, а теперь вдруг воображаешь невесту что! Ненавидя саму себя едва ли не до слез, она вымыла миски, косясь на неспешно выходящих из реки воинов. Тоже – голых. Молодых, неплохо сложенных. Вполне загорелых. Никто ей был не интересен. Ни разу в животе не екнуло. А стоило вспомнить Баяра... Да пошло оно все!

Сердито плеснула в лицо водой, разогнулась. Почти все оделись. Некоторые уже сидели верхом. Баяр коротко раздавал указания. Подошла и она, удостоилась косога взгляда, пожала плечами. Может, конечно, и шакал какой себе добычу присматривал, а только осторожность никогда не помешает. Молча взгромоздилась на лошадь.

– Сейчас едем на восток до больших камней, – скомандовал тем временем Баяр. – Потом дальше к роднику. Оттуда кругом до стана. Все готовы?

Кивнули, поправляя одежду. Спокойно и молча выдвинулись вперед. Тихо переговаривались, но теперь уже подобрались, не смеялись и не шутили. Ехали долго, у Женьки живот прилип к позвоночнику и голова кружилась от жары. Перед глазами плясали

цветные пятна. Так много времени в степи да на солнце она еще не проводила. Мечтая только о том, чтобы не потерять сознание, уговаривала себя потерпеть еще чуть-чуть, потом – еще немного. Не сразу и поняла, что в затылке уже не колет – свербит. А как поняла – мигом встрепенулась.

– Баяр, – закричала она. – Баяр!

– Чего тебе?

– Опасность!

– Где?

– Не знаю. – Она повертела головой, прислушиваясь к своим ощущениям. Здесь было проще – ибо простор вокруг. – Там, – уверенно указала на груды черных камней.

– Это наши земли, – спокойно сказал степняк, извлекая из ножен саблю. – Ну, проверим все же. Гей, приготовиться к бою!

Поверил! И голова взорвалась болью. Женьку охватил дикий ужас. Из-за камней вдруг посыпались человечьи фигурки: словно не люди, а демоны. Много. Гораздо больше, чем было кохов.

Затряслись руки, первая стрела упала на землю из мгновенно ставших неловкими пальцев. Небо вдруг словно взорвалось: кругом летели стрелы. Упал тот красивый мальчик с рыжеватыми волосами, что ехал рядом с ней, всхлипнул даже не успевший выхватить саблю юноша в сером халате.

И она вдруг поняла: их убьют. Не справятся тринадцать... уже одиннадцать человек с полусотней. Не сейчас, когда их расстреливают, как цыплят. Пригнулась к холке лошади, развернула ее.

– Уходите! – заорал Баяр, явно осознавший то же самое. – Отступаем!

И Женька рванула прочь, не оглядываясь.

Проскакала сотню метров, как ветер, почувствовав лишь легкий толчок под лопатку, остановила лошадь на скаку. Ощущения в затылке ясно говорили – стрела здесь не достанет. Оглянулась.

Пятеро воинов ушли вместе с ней, успели. Баяра среди них не было. Где он? В груди вскипели злость и боль. Хотелось броситься обратно.

– Не дури, – схватил ее лошадь за повод один из уцелевших. – Не поможем. Они уходят, не дураки.

– А Баяр?

– Вон он, его живым взяли. Видимо, он и был нужен. В него даже не стреляли.

Облегчение, затопившее ее, было невыносимым. До боли, до слез, до судорог в груди. Сглотнула, вцепившись в поводья, и тихо прошептала:

– Они совсем уходят. Надо подобрать наших. Кто жив – попробуем довести. Кто мертв – похороним достойно.

– Откуда знаешь, что они не вернуться и нас не добьют? – пытливо взглянул на нее воин.

– Чувствую. Еще у реки почуял – кто-то следит. Видимо, разведчик.

– Колдун? Как – чувствуешь?

– Мне не объяснить. Просто знаю. Я Баяру сказал, он не поверил.

– Ладно. Раз ты чуешь – сам и иди. Ты все равно чужак и не воин еще.

Обидно, но справедливо. Пожала плечами. Страшно уже не было, понимала, что все кончилось. Они были этим... демонам... не нужны, да никто и не думал, наверное, что кохи вернуться. Подъехала к телам, с удовольствием обнаружила лежащих чужаков. Много, больше десятка. Изрубленных в фарш. Баяр явно дорого продал свою свободу.

Двое из кохов были живы. У одного пробито плечо, у другого две стрелы в бедре и одна в боку. Лицо залито кровью, но рана поверхностная, скорее страшная, чем опасная. Еще один – явно умирал. Стрела в груди и розовая пена на губах. И еще трое – трупы.

– Двоих можно спасти! – крикнула она приближавшимся с опаской всадникам.

Присела рядом с раненым в грудь.

– Добивай, – прошептал он, жмурясь. – Не бросай здесь.

Отшатнулась в ужасе. Замотала головой. Она не может. Хотя догадывалась: не жилец. И бросить его нельзя, и довести невозможно, а на лошадь грузить – только мучений добавлять.

– Отойди, рюс, – раздался над ухом мужской голос. – Я сам. Отвернись.

– Нет! – неожиданно закричала она. – Не смей! Доведем!

– Не дури. Невозможно.

– Он все равно умрет. Ничего не теряем.

– Лучше сейчас и быстро, чем долго и в мучениях.

– Я сказал, довезем! – Женька уже орала. – Идите вон... лошадь поймите, одна убежала. На нее тела погрузим. А этого...

– Его зовут Бурсул.

– Вот. Бурсула попробуем спасти. Ехать тут несколько часов. А у рюсов такие выживают. – Она врала, но врала уверенно. Все ее знания сводились к виденным фильмам и паре уроков ОБЖ в школе. Она, наверное, только на эти уроки и ходила с удовольствием. Там учителем был клевый мужик, воевавший когда-то в Африке. Ох, как он интересно рассказывал!

Воин молчал, глядел недоверчиво.

– Как тебя зовут? – спросила Женя.

– Айрат.

– Вот, Айрат. Ты бы сам что выбрал? Шанс на жизнь или мгновенную смерть? У Бурсула есть жена, дети?

– Невеста есть. Хотели в конце лета жениться.

– Так что?

– Рассказывай, чем помочь.

– Надо обломить стрелу. Не у самой груди, а чтобы Аасор потом мог вытащить. И чтобы не мешала рану закрыть. У меня сил не хватит, только измучаю его.

– Я сделаю.

Женька кивнула, отходя к своей лошади за тряпками. Аасор дал их совсем не для этого, но она сейчас очень радовалась, что они у нее были. Короткий стон за спиной – Бурсула. Вернулась, глянула. Кровь из потревоженной раны. У нее закружилась голова, на висках выступил холодный пот. Больно прикусив губу и напомнив себе, что Бурсулу гораздо хуже, она проложила рану ветхими полосками мягкой ткани, потом сдернула с себя ремень и с помощью Айрата перетянула грудь раненого над стрелой. Огляделась. Нужен был еще один ремень. Лучше кожаный. Подумав, скинула свой доспех, осмотрела внимательно, поковыряла заклепки. С искренним удивлением обнаружила торчащую из спины стрелу, вошедшую, к счастью, совсем неглубоко. Если бы оказалась только в рубашке – было бы, пожалуй, обидно. А теперь... жалко доспех, но Бурсулу нужнее.

– Нож дай, – попросила воина, внимательно за ней наблюдавшего.

Тот, мгновенно выхватив из-за пояса клинок, протянул его рукояткой вперед. Пыхтя и ломая ногти, Женька кое-как вырезала

кусок из доспеха – снизу, где кожа мягче и пластичнее, да и сам доспех шире. Бурсул худющий, ему хватит. Перевязала еще под повязкой. Выдохнула.

– Его бы привязать к спине кого-то из воинов, – хрипло сказала, протягивая нож владельцу. – Не ко мне, я не выдержу.

– Гирей, ты поедешь с Бурсулом, – мгновенно скомандовал Айрат. – Я возьму к себе Тургэна, ты, Ерден – Бата. Двоих мертвых – на коня Баяра. Третьего к Есугаю. Дженай поедет один.

– А этих обыскивать не будем? – с любопытством спросила Женька. – Нет, мне без разницы, но хоть ножи заберем и стрелы.

Мужчины вдруг рассмеялись – все, даже двое раненых. Закивали, тут же стащили убитых врагов в кучу. Кто-то, кажется, был не совсем мертв, но пара взмахов ножей решили этот вопрос радикально. Собрали стрелы, сняли пояса, серьги, забрали пару кинжалов. Закапывать тела, разумеется, не стали. Много чести.

Пора было ехать домой, в стан. И сообщать хану о том, что его третий сын в плену у иштырцев. Это было страшно. Что скажет хан? Прикажет ли войску отправиться на вырубку Баяру? Или на все махнет рукой?

Глава 12

Спасательная операция

Ехали так быстро, как могли. Раненный в грудь Бурсул был все еще жив. Конечно, Женька отчаянно боялась, что он не доедет, все время оглядывалась, норовя подъехать поближе и заглянуть ему в лицо. Бурсул был так бледен, что приходилось приглядываться, дышит ли он, жив ли еще, что верхом сделать совсем не просто. В конце концов Айрат рявкнул на нее и велел не путаться под ногами. Все равно сейчас никто уже ничего сделать не сможет.

Лошади, нагруженные вдвойне, хрипели и спотыкались, и Женьку отправили вперед за подмогой, понимая – так быстрее. Пересадили на коня Баяра – он был самым быстрым и отлично знал дорогу к стану.

Она мчалась что было сил, не смея остановиться, чтобы «сбежать в кусты». А в голове билась тревога, отнюдь не за раненых. Еще, наверное, оставалось время, чтобы спасти Баяра. Теперь время стало ресурсом, оно, как вода, утекало сквозь пальцы.

Ее увидели издалека, бросились навстречу – недаром сотня Баяра (уже неполная) стояла на краю стана. Стащили с коня, ощупывая, тормоза, разминая онемевшие ноги.

– На нас напали иштырцы, трое убитых, Баяр в плену, – выдохнула Женька пересохшими губами. – Дайте мне пить.

Обхватили за плечи, напоили. Наран, правая рука сотника, дотащил ее до отхожего места.

Женька вылила на себя ведро воды, с тоской взглянула на садящееся солнце и прохрипела:

– Нашим нужна помощь. Бурсул сильно ранен, почти умирает. Конидохнут на ходу. Надо ехать.

– Всей сотней без дозволения хана нельзя, – озабоченно сказал весельчак и болтун Наран.

– Четыре лошади... Пять. И пару человек в помощь.

– А Баяр?

Женька остро взглянула на парня:

– Пока хан проснется, пока совет соберет, пока подумает... Иштырцы далеко уйдут. Или еще чего похуже сделают.

– Твои мысли, рюс?

– Кажется, я чую иштырцев. Думаю, смогу найти.

– Ты с ножом управляешься отменно, я видел. И мелкий, ловкий.

А я стреляю метко. Двоих в степи обнаружить практически невозможно. Что скажешь?

– Еще бы пару человек.

– Тогда хан скажет – ослушники. А двое... Ты никто, даже не воин, а я просто сгинул, отстал, заблудился, конь захромал. Случайность, понимаешь? Да и отец за меня заступится.

– Не боишься?

– Боюсь. Но Баяра не брошу. Он мне несколько раз жизнь спасал. Да и Листян... – тут он замялся. – Оценит.

– Ясно. Но мне нужны ножи. Легкие, метательные. И один длинный.

– Найду.

Женька тоже отчаянно трусила. Но за Баяра боялась больше. Она совершенно не разбиралась в этой их степной жизни, но в прошлом смотрела немало всяких приключенческих фильмов, да и вообще – душой не была. Может, не особо хорошо (точнее, откровенно плохо) училась, может, опыта немного, но прекрасно понимала сейчас – во-первых, с Баяром никто церемониться не будет, а во-вторых, чем раньше они выедут, тем больше шансов иштырцев найти. Это, кажется, понимал даже ребенок.

– Я с вами, – подскочил, сверкая глазами, Охтыр.

– Нет, – покачал головой Наран. – Ты не воин, мне некогда следить еще и за тобой.

– Так Дженай тоже...

– Дженай знает, куда идти. Он мне нужен. Ты – только обуза сейчас. Прими это достойно, как мужчина. Если хочешь быть полезен – свари похлебку на ужин да позови Аасора, пусть готовится.

Охтыр побагровел, но заткнулся, а Женька вдруг подумала, что Нарану стоило бы хотя бы раз стукнуть своего ученика по губам. Тогда бы раз и навсегда усвоил, что нельзя пререкаться.

Она посмотрела на коня Баяра, и ее затошнило. Опять! Все тело ломало, ноги гудели, задница горела огнем. Упасть бы и закрыть глаза, но время, время! Она – воин, она справится. В конце концов,

в случившемся есть и ее вина. О, если бы она раньше обратила внимание на свои предчувствия!

– Так, Дженай. – Наран с нескрываемым сочувствием смотрел на мальчишку, такого бледного, худого, явно очень уставшего. – Сейчас поедешь на одном коне со мной. Ты же свалишься и шею себе свернешь, я вижу. А дальше – решим.

Ну да, еще не хватало. Как будто рядом с Нараном будет легче! Женька открыла было рот, чтобы возмутиться, но ее опередил Аасор, прибежавший вслед за Охтыром бодрой рысью. В руках у него была глиняная чаша.

– Тебе, – протянул он Женьке. – Сил придаст. Спать не сможешь три дня, боль станет меньше. Потом, правда, будет не очень хорошо, но тебе можно, в тебе дух воина очень силен.

– А мне? – спросил Наран, с завистью наблюдая за быстро выхватившим чашу из рук старика Женькой.

– А ты – мужчина. Опытный. Сам справишься. Но если сомневаешься в себе, могу принести...

– Нет, не сомневаюсь, – возмущенно вскинулся Наран. – Эй, рюс, пора ехать. Все нас ждут.

Женька, залпом выпившая довольно горький отвар, кивнула. Легче ей не стало, но жалеть себя сейчас было не время. После, успеется. Опершись на руку своего спутника, морщась и шипя сквозь зубы, взобралась на свежую лошадь, поерзала в чужом седле и тронула поводья.

С ними отправились еще двое, взяли четырех коней. Куда ехать, Женька быстро объяснила: по направлению к черным камням на востоке от реки. Ее поняли. Можно было пока не геройствовать, а просто – расслабиться и ни о чем не думать, совсем ни о чем. Голова была пуста, как воздушный шарик – ни мыслей, ни страхов. Все вокруг обрело неестественную резкость, каждый звук слышался как гром. Все-таки Аасор напоил ее какой-то наркотой. Ну и ладно. Ему она доверяла больше всех в этом мире.

– Слушай, рюс... – Наран поехал рядом, отвлекая Женьку от бездумного созерцания окружающего мира. – Можно спросить?

– Да? – Она с трудом сосредоточилась на его голосе, даже обернулась, благо выученный конь шел сам.

– Ты и Листян... Это серьезно у вас? Ну... Я знаю, она к тебе в шатер ходит. Но ты ведь не воин, тебе нечего ей обещать. Ты еще долго не сможешь о ней заботиться.

– Я и Листян просто друзья, – ровным голосом сказала Женька, изо всех сил пряча улыбку. – Мы даже не целовались ни разу. Такая девушка – не для меня, я же не дурак.

– Так целоваться и не обязательно, – растерянно пробормотал Наран. – Нет, правда? Ты с ней не спишь?

– Только разговариваю.

– О чем?

– О жизни. О ней. О ее страхах и проблемах.

– А что, это вот работает?

Женька все же рассмеялась.

– Наран, ты ведь болтун! Разве не знаешь, что девушки любят ушами? Что сложного? Нужно сказать, что она особенная, что она смелая, умная, красивая. Спросить, как прошел ее день. Ну не мне, рюсу и мальчишке, тебя учить!

Наран крякнул озадаченно и почесал длинный нос, а потом спросил шепотом:

– А как считаешь, я мог бы ей понравиться?

Она внимательно посмотрела на парня. Сколько ему лет? Как Баяру? Нет, гораздо меньше. Тоже еще почти мальчишка. Едва ли больше двадцати. Щенок совсем. Красивое правильное лицо, выпуклые губы, довольно крупный нос. Веселые узкие глаза и вечно беззаботная улыбка. Наран – он как солнце. Теплый, сверкающий. Если бы у Женьки не было Баяра... Стоп, а разве он у нее есть?

– А ты хоть пробовал подойти и заговорить?

– Ага. – Он вздохнул, закатил глаза, а потом прыснул со смеху. – Стоял как дурак на ее пути и молчал. Словно все слова проглотил. Она на меня смотрит – и язык к зубам примерзает. Эх!

– Ну так не говори тогда, – великодушно позволила Женька. – Просто как-нибудь принеси ей ведро воды или помоги чем-нибудь. Или подарок сделай ценный. Молча. Молчаливые мужики порой даже интереснее, загадочнее.

Наран захихикал совсем по-мальчишечьи.

– Видимо, только так и остается делать.

Женька улыбнулась. Хороший он парень. Добрый, веселый. Надо поговорить с Листян. Наверное, она и не думала о таком повороте событий. Вряд ли не знала... но на единственную дочь хана смотрит столько мужчин, что Наран среди них попросту потерялся. И вот что не могло Женю не веселить: отчего-то Листян пришла ночью не к кому-то из своих, а к мальчишке-рюсу. А всего-то нужно было просто ее выслушать и попытаться помочь избавиться от страхов.

Она не обольщалась, конечно: Листян – просто маленькая девочка, которая пока не понимает, какая сила в ее красоте и положении. Телесная любовь для нее лишь игра, развлечение, лекарство от одиночества и скуки. Женька видела много тех, которые искали в мужчинах отцовскую любовь и ласку. Она сама не такая, не нужен ей никто, чтобы быть сильной. Она – воин. А эти нежные и трепетные девочки так хотели ласки, так тянулись за любим, кто скажет им доброе слово! На это их и разводили: нальют в уши всякого, поймут и растопчут. Да еще и друзьям расскажут: Люсьен, мол, дает. И девочки ломались очень быстро, становясь циничными, жадными и холодными.

Конечно, Листян не такая, ее тут не обидят, не унижат. Но в ней тоже жила потребность в тепле. Да только отец ее не замечал, а Баяр, хоть и любил сестру, всегда был очень занят. Вот и потянулась девушка к первому, кто с ней заговорил как с человеком.

Женька вздохнула, тряхнула головой и вдруг неожиданно для самой себя спросила у Нарана:

– А у Баяра подруга есть? Его там, в стане, кто-то ждет?

Наран даже не удивился вопросу.

– Илгыз замуж вышла недавно. Она с ним была... а потом сказала, что сотник, хоть и ханский сын, ей не нужен. Мало сотника. Да и муж из Баяра паршивый, он же больше всех занят. Ему даже ребенка будет некогда ей сделать. Впрочем, он ведь и не звал ее, может, дело в этом.

– Почему не звал?

– А куда? Он тоже знал, что рано.

Женька почувствовала острое удовлетворение. Нет, она не хотела, чтобы Баяр узнал ее секрет. И не ревновала – как можно ревновать чужого человека? Рано или поздно Баяр все равно женится, это понятно. Кохтэ любят детей, они семейные. Просто... А, не важно!

Баяра надо выручать, иначе не будет у него ни жены, ни детей. К тому же – вон их раненые и уставшие друзья. Все, кажется, живы.

Легко соскочила с лошади, не подвернув ногу и не оступившись. В теле была такая звенящая легкость, что все теперь стало легко. Подбежала к «своему» Бурсулу, проверила. Дышит еще. Ну и прекрасно.

– Наран?

Тот кивнул спокойно, поправляя лук и проверяя саблю. Пора ехать дальше.

Женька спешила. Ей казалось, что времени все меньше, а расстояние до Баяра все дальше. Нет, она не могла его почувствовать, но все больше нервничала – ее буквально трясло от волнения. Мчались они уже по совсем незнакомым землям, по траве и кустам, в полной темноте. Над головой расстилалось звездное небо немыслимой красоты, но кто смотрит в небо, когда близко враги? От первого же укола в затылке ее подбросило.

– Рядом, – тихо кинула она Нарану. – Дальше на лошади не стоит, засекут. Что будем делать?

Наран усмехнулся, спрыгивая с коня. Взял своего гнедого спутника за морду, что-то ему прошептал, глядя прямо в глаза, и конь вдруг улегся на землю, прямо на бок, совершенно скрывшись в высокой траве.

– Ого! – Женька с завистью покосилась на рыжего. – А мой так может?

– Все наши кони так могут, – кивнул Наран.

Подошел к ее коню – и уложил его в траву. Третий – конь Баяра – завалился на бок самостоятельно, не ожидая команды. Умный!

Наран вопросительно поглядел на Женьку, она повертела головой и уверенно пошла туда, откуда просто тянуло опасностью. Обычно она так не делала, это было совершеннейшей глупостью. Не ошиблась. В затылке вдруг стрельнуло так, что девушка, не задумываясь, упала на землю, прячась в траве. И дальше – только ползла. Наран полз за ней, надо признать – куда быстрее и ловче, чем она.

Голоса!

Гортанные, грубые. Незнакомый Женьке язык. Подползший к ней вплотную Наран шепотом переводил:

– Судя по всему, встали на ночевку. Выставили часовых. Про Баяра не слышно.

Да. Хорошее время, чтобы напасть. Пусть уснут покрепче. И когда только день успел закончиться? Женька даже не заметила. Для нее он пролетел молниеносно.

– Оставайся тут, ползаешь, как верблюды. Шумно.

– А что, у вас тут и верблюды водятся? – удивилась Женька.

– Да, на юге, где пески. Лежи тихо, я быстро.

И Наран ловко, как змея, уполз в траву. Травинки даже не шевелились, вот уж действительно – умелец!

Женька на минуту прикрыла глаза. Осторожно проверила нож за поясом. Высунула на мгновение голову – увидела дым от костра и тени.

Было уже совсем темно, вряд ли ее разглядят. Поползла вперед, то и дело вытягивая шею и прислушиваясь.

– Куда? – раздалось рядом шипение. – Рюс, я же сказал – ждать!

– Что там? – не обратила внимания на справедливый укор Женька. – Видел Баяра?

– Да, он, кажется, цел. Связан только, с кляпом во рту. Я думаю, его на ночь глядя пытать не будут.

– Пытать? – сглотнула Женька.

– А то ж. Узнать захотят, где стан, сколько воинов. Потом, может, выкуп потребуют. Не зря именно его взяли, Баяр у нас – фигура известная. Он же – дайчин сунс, дух воина. Ну, или воинственный дух. Неуязвимый и грозный. А тут такая удача – взяли его живым! Иштырцы от счастья, наверное, плясать будут. М-да, может и выкуп не запросят. В жертву принести захотят.

– Прекрати нагнетать, – буркнула Женька. – Сколько там народу?

– Я насчитал больше сорока воинов.

– А что, только до сорока считать умеешь?

– Ах ты, звереныш! Ладно. Смотри. Вон там дозорный. И вон там. Сможешь снять? Надо одновременно и тихо.

– Смогу, – уверенно кивнула Женька, хотя ни разу не пробовала. Но надо так надо, она же воин? – А потом что?

– Потом... – Наран на мгновение задумался. – Подкрадываемся к Баяру, развязываем и уползаем. Пока все спят.

– А ты уверен, что это сработает?

– У тебя есть план получше?

Женька высунула голову из травы и попыталась разглядеть диспозицию, благо вражеский лагерь был освещен кострами.

– У какой-нибудь твари обязательно окажется бессонница, – уверенно сообщила она. – Надо резать всех.

– Нас двое. Их с полсотни. Не успеем.

Подползли совсем близко, еле слышно шепчась. Два дозорных. Несколько человек, расхаживающих между кострами. Спящие прямо на земле иштырцы. И Баяр, привязанный к вкопанному в землю шесту – прямо посередине стоянки. Был бы где-то с краю – было бы легче.

– Нет, твой план мне не нравится, – вздохнула Женька. – Сам посуди, часовые упадут, нас засекут. Глупо. Что мы вдвоем против толпы сделаем? А ты быстро бегаешь, Наран?

– Отвлечь их, выманить? Хотя бы часть?

– Ну да.

– Это я могу. А дальше? Ты справишься с оставшимися?

– Нет. Но если я подберусь поближе, то попробую кинуть нож. Я хорошо метая, смогу до Баяра докинуть. Я бы и по веревке смог, но у него руки за спиной связаны. Боюсь поранить. И... о! Смотри! У них оружие в кучку сложено, ну не дурни ли?

Действительно, луки спящие иштырцы аккуратно положили возле одного из неспящих воинов.

– Можно еще их коней напугать, – азартно предложил Наран. – Это я могу.

– Значит, ты отвлекаешь на себя внимание, а я кидаю Баяру нож, – кивнула Женька. – И попробую луки в костер толкнуть. Я маленький, меня в темноте не сразу заметят. Ты, главное, шум побольше подними.

– Понял. Ушел. Жди.

И Наран исчез в траве.

Глава 13

Разоблачение

Тявканье и скулеж, раздавшиеся возле мирно пасущихся коней иштырцев, напугали не только лошадей, но даже Женьку. Она прекрасно помнила эти звуки – шакалы! Иштырцам тоже явно были знакомы эти хищники: оба дозорных с гортанными криками бросились ловить лошадей, спящие воины подскочили и помчались им на помощь. Ай да Наран, какой молодец! Женька ужом проскочила в самую гущу врагов. В темноте никто и не понял, что среди них чужак, тем более что она была такая же мелкая, как и эти демоны. Ногой пнула костер, с удовольствием увидела, что огонь перекинулся на траву и подобрался к лукам, ткнула выскочившего прямо на нее иштырца в печень ножом – красиво, точно, чисто. Тот пискнул, но никто не обратил на него внимания. В два скачка оказалась рядом с Баяром, взмахом перерезала связывающие его веревки, крутанулась на пятках, сбрасывая со спины напрыгнувшего на нее коротышку и непонятно каким чудом выхватывая у него из ножен длинный кривой клинок.

– Дай мне, – потребовал Баяр, разминавший затекшие кисти рук. – Пригнись!

Их заметили, но пока еще не почувяли опасности. Баяр выхватил у Женьки клинок, взмахнул им, ловко ткнув одного из врагов. Женька метнула нож в иштырца за спиной у сына хана – точно в горло.

Раздались крики и топот коней: она обернулась. Прямо на них мчался, размахивая саблей, огромный по сравнению с мелкими иштырцами всадник. Справа и слева от него били копытами боевые кони. Она едва успела уцепиться за поводья, а дальше сильная рука схватила ее за шиворот и закинула в седло. Острая боль обожгла бок – это иштырец стегнул ее кнутом, к счастью, только задел. Засвистели стрелы.

Поздно. Трое кохтэ мчались быстрее ветра. Их уже было не догнать.

Над степью всходило солнце. Иштырцы остались далеко позади. Женька закричала как птица от ощущения острого счастья. У них все

получилось! Они живы! Они спасли Баяра! Ну теперь-то ее точно признают воином!

Она смелая, сильная, ловкая – невозможно прекрасная! Знайте русских баб... в смысле мужиков. Коня на скаку остановят, ну и так далее.

– Дженай, ты великолепен, – вторил ее мыслям Наран. – Красавец! Мальчишка совсем, а как ладно освободил Баяра! Скольких уложил?

– Двоих... кажется. Или троих. Не понял.

– Я штук пять!

– Цел? – коротко спросил сын хана.

– Да что мне будет-то, я же – твой. А ты у нас бессмертный.

– Угу. Вы вдвоем, что ли? Совсем безумцы? Хотя о чем я... Оба – безголовые.

– Победителей не судят, – нахально бросила Женька, улыбаясь во весь рот. Она совершенно точно теперь имела право на этот тон.

Баяр бросил на нее быстрый взгляд и вздрогнул.

– У тебя кровь, Дженай. Все же ранили!

– Где? – удивилась Женька. – Ребра целы, даже рубаха не порвалась.

– Видно, задело. Никак кинжалом. А ну тормози и слезай с коня!

Женька, удерживая поводья одной рукой, ощупала тело. Бок, по которому иштырец попал нагайкой, ныл, но не так, как рана. Опустила глаза ниже и отчаянно покраснела: и в самом деле – между ног и на бедре кровавое пятно.

– Все в порядке, просто царапина, – в панике выпалила она. – Дед поможет забинтовать.

– Крови много, – встревоженно заметил Наран. – Давай, слезай. Перевязать нужно.

– Не нужно!

Наран многозначительно поглядел на друга, а тот еле заметно кивнул. С мальчишкой все понятно. Рана, поди, в стыдном месте. Стесняется Дженай. Не принято, кажется, у рюсов обнажаться, хотя Баяр искренне не понимал, чего там стесняться. Все мужчины, да и женщины тоже, одинаково устроены. А все же парня нужно хотя бы осмотреть. Даже если рана неопасная, может грязь попасть, потом загноится. Дед Аасор рассказывал, что у одного кохтэ ноготь на ноге

как-то не так сломался, а он внимания не обратил. Дескать, подумаешь, ноготь. Ноготь начал болеть, гноиться, а кохтэ молчал. Вроде жить можно. Потом, когда палец почернел, стало поздно. Аасор палец отрезал, но черная гниль выше пошла. Так и остался кохтэ без ноги до колена. Поэтому Аасор всегда требовал, чтобы даже царапины ему показывали, мало ли...

Баяр давно молодняк воспитывал, он почти каждого в своей сотне с пеленок знал и понимал, что Дженай так просто не даст себя осмотреть. Поэтому жестом показал Нарану, что нужно делать, а сам достал из седельной сумки чистую тканевую ленту. Наран захохотал, оглушительно засвистел, а потом сдернул Дженаю с коня прямо на ходу, благо тот был легким, как ягненок. Парень завизжал и принялся извиваться, будто уж, но Наран обхватил его обеими руками, прижал к себе, а Баяр довольно осторожно поймал молотящие воздух ноги и принялся ощупывать. Дженай уже не визжал, а просто выл на одной ноте.

– Я только посмотрю, – успокаивающе сказал Баяр, не понимая, отчего мальчишка так перепугался. Ох, давно он подозревал, что у рюсов принято насилловать детей. Если так, то понятно, почему Дженай никогда не раздевается и даже до ветра бегаёт подальше от всех. – Послушай, Дженай, не бойся, я тебя не обижу. Посмотрю рану, если несерьезная, отпущу.

Мальчик всхлипнул. Плачет, что ли? Только этого не хватало! Ну точно, боится насилия.

Баяр дернул за шнурок шаровар и ловко стянул их по худым ногам. Замер, осознав все мгновенно.

Наран отчаянно выругался.

Дженай прав: никакой раны не было. Просто мальчик внезапно оказался девочкой, и у нее начались нечистые дни.

Что теперь делать и что говорить, Баяр не знал, поэтому молча сунул дурной девке бинты и отвернулся. Наран тоже зажмурился и отпустил Дженаю.

Девка уже редела в голос, и ее можно было понять.

Баяр сделал несколько шагов в сторону, сжал кулаки и пробормотал:

– Приведи себя в порядок, сейчас поедем искать своих. Наран, лошадь Дженаю возмешь на повод, она... он со мной поедет. Чтобы не

сбежал никуда. Ума хватит, я думаю, а иштырцы церемониться не будут, когда поймают.

– Понял, – откликнулся Наран и, не удержавшись, добавил: – Во дела!

На этот раз Баяр был совершенно согласен со своим болтливым приятелем.

– Я все, – сказала сзади девка, и ее голос словно нагайкой стегнул. Баяр аж вздрогнул. Как можно было считать этот низкий голос с хрипотцой мальчишечьим?

– Со мной поедешь.

– Я слышал.

Наран подвел коня, Баяр легко запрыгнул в седло и протянул руку. Дженай ухватился за нее и взлетел. Маленький, хрупкий. Хрупкая... Теперь, обхватывая рукой ее талию, Баяр не мог не думать о том, что у нее между ног волоски темнее, чем на голове, но совсем не такие толстые и жесткие, как у кохтских женщин. Он немного успел увидеть, сразу зажмурился, но увиденное, кажется, навеки отложилось в памяти. Впалый живот, косточки бедер, светлый треугольник мягких кудрявых волос. Или они жесткие? А есть ли у нее вообще грудь? Словно для того, чтобы поправить, усадить удобнее, Баяр позволил себе скользнуть рукой по ее телу вверх. Дженай сдавленно зашипела, но мужчина уже успел нащупать повязку.

Вот же хитрая лисица! Всех обманула! И Аасор хорош, зачем ее покрывал?

О-хо-хо, а как воины воспримут, что у них в сотне девка была – к счастью, совсем недолго? Испокон веков женщины сидели в шатрах, а мужчины воевали. Никто о другом даже и не слышал, даже туульчи^[6] о таком не рассказывали. А ведь она с ними рядом сидела, из одного котла ела.

Сейчас вообще неясно, что с ней делать. У кохтэ к женщине в такой день запрещено приходить, даже руки нельзя коснуться. Дозволяется только шаману и другим женщинам. Говорят, слабость одолеет, болезнь придет. А Дженай рядом была, на одном коне с ним ехала. И сейчас Баяр не ощущал никакого страха или отвращения. Напротив, тело реагировало на женщину. С одной стороны, это был вроде как знакомый мальчишка, а с другой – мужчине казалось, что

даже запах Джена поменялся. Демон – она, наверное, демон! Хотя нет, просто у него женщины несколько недель не было.

– Баяр, что с этим делать теперь? – не выдержал Наран. – Ты понимаешь, что хан скажет?

– Молчи, – шикнул третий сын хана. – Потом.

Девушка в его руках вздрогнула и заерзала, отчего мужское естество Баяра тоже... вздрогнуло. Он поплотнее прижал к себе Джена и стиснул зубы. Решение пришло само собой. Он возьмет ее в жены.

Жениться ему все равно придется – отец давно намекал, но предлагаемые женщины Баяру не слишком нравились. Он хотел Илгыз, но она хвостом махнула и ушла к его старшему брату. В принципе не отказался бы от Улааны или Туял, но кто ж ему даст? Хоть и сын хана, но третий, не наследник. Так, всего лишь сотник. У хана сыновей шесть штук, да еще только что один родился. На каждого невест не напасешься.

Баяр был честолюбив. Хан еще не стар, ему нет и шестидесяти, он еще даст фору молодым в скачке. Опять же – жена хана, мать Баяра и его братьев, уже давно немолода и некрасива. Отец с тем расчетом и взял себе наложницу из пленных, чтобы всем стало понятно – как мужчина он тоже в силе. Будь отец старше лет на десять, а лучше на пятнадцать, Баяр мог бы строить планы, как занять его место. Он знал, что справится: и силы, и хитрости в нем достаточно. Двое старших братьев в таком случае не были бы помехой: Ирган дик и силен, но не отличается большим умом. Его не так уж и сложно победить в схватке. Карын другой, он очень умный, но часто не в меру жестокий, его не любит народ. А четвертый, Сулим, не рвется к власти, он слишком ленив для этого, но Баяра любит больше других братьев. Сулиму хорошо быть главным в стане. Он не склонен драться, скакать на лошади и глотать пыль, зато охотно вмешивается в бабьи склоки и умеет рассудить любые конфликты. Словом, если с ханом что-то случится... с коня неудачно упадет или кислым молоком отравится...

Лучше бы не сейчас, конечно, а лет через пять, когда у Баяра уже не сотня, а тысяча под началом будет. С тысячей ведь куда проще доказать свою значимость. Потому что тысяча – она гораздо больше, чем кажется. Это не только верные воины, это еще их семьи: родители,

жены, наложницы, дети. Возможно, и братья, и друзья из других подразделений. Словом, рано. Долгих лет хану, но не слишком долгих.

Мысли такие у Баяра сейчас крутились особенно назойливо, потому что он понимал – Джена хан не простит. Женщина не должна выдавать себя за мужчину. И хорошо, если ее как чужестранку просто отдадут кому-то в наложницы, возможно, и хан себе возьмет, потому что сын от такой девицы должен родиться по меньшей мере героем. Тем более что наложницы у него больше нет. Вот только долго ли Дженай проживет потом? А ведь могут и кнутом запороть... или отдать воинам на потеху: дескать, хотела быть среди них – так будь. И последний вариант тоже нельзя отвергать. Впрочем, скорее всего, Дженай через пару дней окажется под ханом.

Не бывать этому! Не может он ее вот так отдать, и даже не потому, что у Баяра нет никого в шатре и желание забрать к себе Дженай становится нестерпимым. А просто он... она... – его воин. И не бросила его в плену. Разве может он теперь ее бросить?

К нему почти вплотную подъехал Наран, прерывая невеселые думы, заявил:

– Я на ней женюсь!

Вид у него был гордый.

– Нет, – холодно ответил Баяр, обхватывая девушку рукой и словно закрывая от друга. – Она моя.

Женька прикусила губу и заморгала. Если бы она не бросилась спасать этого... ничего бы не было. Вернулась бы в стан, никто бы и не заметил. Ах, как же глупо все получилось!

Глава 14

Брак

К стану подъезжали уже в темноте. Собаки на них не лаяли – свои. Дозорные из сотни Баяра вскочили молча. Выдвинулись навстречу: глупо было бояться двоих всадников и коня, тем более что их тут ждали. Баяр сделал рукой жест, чтобы молчали. Его слушались беспрекословно.

Женьку он снял с коня сам и, не дав ей даже попытаться ускользнуть, больно стиснул плечо и повел в свой шатер. Толкнул на подушки, зыркнул так, что в темноте его глаза сверкнули как у волка. Щелкнул огнивом, зажигая немудреный светильник, сооруженный из дырявого кувшина, бараньего жира и тряпичного фитиля. Вонял сей светоч зверски, чадил безжалостно – но зато можно было рассмотреть все вокруг.

Женька в шатре Баяра еще ни разу не была. Огляделась почти с любопытством. Он оказался, наверное, самым большим из тех, что находились с этого края стана, и неудивительно: все же Баяр – ханский сын. Пусть даже третий. Спальный край отгорожен шелковым полотном – не кожами, как у Аасора. Посередине шатра – круглый очаг из камней, разумеется, не горевший, да и к чему – ночи еще теплые, а еду готовят на улице. С краю – невысокий круглый столик из дерева, пол устлан кучерявыми овечьими шкурами с разными подушками и подушечками на них. Наверное, даже роскошно. По меркам степи, разумеется.

– Мне нужно... – хрипло сказала она. – Помыться бы. И одежду чистую.

Степняк покраснел, все понял, но упрямо качнул головой:

– Сначала разговор.

Женька села на колени, сложив руки перед собой. Молча на него уставилась. Что тут скажешь?

– Женой моей будешь? Я тебя от всех защищу, слово даю.

Женька смотрела на Баяра и не верила своим ушам. Он серьезно? Вот прямо по-настоящему? Ее – спрашивает? Не берет силой, не угрожает, не шантажирует? Просто спрашивает?

– Не молчи, Дженай, то есть Дженна. – Степняк нетерпеливо притопывал ногой. – Побыстрее решай. Я-то промолчу, а Наран молчать не станет, всем разболтает. Знаешь, что будет?

– Нет, – честно ответила Женька. – Что?

– Ты – женщина, и ты ничья, к тому же чужеземка. Кто сильнее, тот и возьмет.

– Меня? – Женька прищурилась. – Зубы обломают.

– Дженна, ты недооцениваешь кохтэ. Пока все думали, что ты мальчик – не задирали. Для мальчика ты хороша, из тебя вырос бы добрый воин. Но для женщины... волосы светлые, кожа, глаза... одень тебя в платье и бусы – красавица. Кликнет хан воинов, выставит тебя как шагнал^[7] за доблесть – стерпишь ли?

– Вспомни, Баяр, как я тебя из плена спасла, – процедила Женька, щурясь.

– Помню, Дженна. Поэтому и прошу: будь моей. Не наложницей, женой беру. Быть женой ханского сына – разве плохо?

– Сидеть в шатре и пряхсть шерсть? Просто супер! – Женька надула губы, не замечая, как полыхнул огнем взгляд Баяра.

– Дам коня, с собой брать буду, мое слово, – выдохнул мужчина.

– И мне придется с тобой спать?

– Тебя это так пугает, аймхай?^[8] Разве ты девица?

– Нет, не девица.

Баяр сжал губы, нахмурился, явно расстроенный ответом, но больше ничего не сказал.

Девственницей Женька не была очень давно, лет с четырнадцати. Потому что в детском доме невинной может остаться только очень страшная девочка. Или очень сильная. Женька ни к той, ни к другой категории не относилась. Она отчаянно боялась, что старшие ее изнасилуют где-нибудь в чулане, да еще сразу несколько человек, и поэтому, когда Антон Рыжий предложил ей стать «типа его бабой», Женька даже не думала. Пары в детдоме не трогали, уважали. Ну а потом она беззастенчиво пользовалась своим телом. Нет, за деньги не спала с парнями, но когда припирали к стенке – часто лучше было перетерпеть, чем влезать в драку.

И теперь перспектива заниматься этим с Баяром скорее пугала, чем вдохновляла. Она здесь жила достаточно, чтобы примерно представлять темперамент этих диких ребят. Быстрым перепихоном

тут не обойтись, это факт. Баяр захочет много и часто, она ощущала это по его взгляду, жадно ее ощупывающему. Но был ли у нее выбор? С ним хоть не придется глаза закрывать. И плакать потом, наверное, тоже. И... как любой человек, Женька хотела нежности. А еще она ему доверяла. И даже – мечтала о нем.

– Тебе это зачем? – Ей обязательно нужно было понять.

– Ты – мой воин. Не отдам на поругание, не брошу. Ни одного из своих людей не отдам, ты должен... должна понимать.

– У тебя будут проблемы.

– Это мое решение, и мне с ним жить. Тебе не стоит переживать.

Вот как! Он ее защищает? Как «свою»? Не злится, не ругает, берет на себя всю ответственность. Настоящий он мужчина, и это так странно. Еще никто и никогда не брал на себя Женькины проблемы. Ей сейчас было отчаянно страшно: да, она уже достаточно хорошо изучила кохтэ, чтобы иметь все основания опасаться наказания. Был ли у нее на самом деле выбор? Только – спрятаться за надежную спину Баяра.

– Ладно, – буркнула она, пряча глаза и отчаянно краснея. – Я согласна.

Баяр выдохнул нервно. Он совершенно не был уверен в ее ответе. С этой дикой станется послать его самыми погаными словами, а может даже – попытаться убить. Вдруг понял, что боялся – и разозлился на это. С чего бы ему вообще сомневаться в ее ответе? Любая женщина выбрала бы свою безопасность. Как та отцовская наложница, Элия – ей ведь тоже предложили выбор: либо прийти в шатер хана по доброй воле, либо – стать общей. Так почему же Дженна должна была отказаться при таком же раскладе? Злиться стоило не на нее, а на себя. Он виноват, что не распознал девчонку. О боги, он ее пустил в Тойрог! Нарушил все традиции, опозорил свой род, осквернив Круг! А она – обманщица – смотрит на него своими светлыми глазами так спокойно, словно не понимает, в чем проблема!

– Знаешь, а я подумал... А все ли я правильно рассмотрел? – зло прищурился он, не понимая самого себя. – Может, показалось мне, что ты – девка, а не парень?

Женька на него уставилась непонимающе, широко раскрыв глаза, а он продолжал:

– Покажи.

Да! Вот теперь она смутилась, теперь не смотрела свысока!

– Что показать? – не поверила своим ушам.

– Что ты – не мальчик.

Женьке хотелось напомнить, что несколько минут назад он вполне готов был взять «товар» без осмотра, но интуиция подсказывала, что нужно прогнуться. И без того он ей многое спустил. Это кохтэ, у них с женщинами не церемонятся, а Баяр с ней очень терпелив. Поэтому под его жадным взглядом Женька задрала рубаху, прекрасно зная, что смотреть там нечего. Бинты опять на ребрах, а еще багровый кровоподтек от недавнего удара нагайкой.

Баяр молчал, только подбородок выставил вперед, и Женька послушно распустила повязку, обнажая грудь. На бледной коже остались красные следы от ткани. Грудь у Женьки почти мальчишечья, едва ли первый размер, но у Баяра глаза расширились, и он подался вперед.

– Я-а-х, – выдохнул он. – Красивая!

Женька удивленно нахмурилась. Красивая? Да ладно! Хотя... судя по тому, что тонкая ткань штанов у него топорщится, ему и в самом деле нравится. Ох, выдумала тоже! У этих дикарей на любую бабу стоит, они же молодые, горячие, полные тестостерона. Будь Женька кривой и косой негритьянкой, и то бы встал!

– Устраивает? – деловито спросила она, ловко заматывая грудь. – Вот и хорошо. Когда у нас там церемония бракосочетания?

– Прямо сейчас, пока ночь. Пока никто не знает, что мы вернулись. До утра ты должна стать моей.

– Но... – Она откровенно растерялась. – У меня же... Дни. Эти самые.

– Я не трону тебя. Пока. Но мы об этом никому не скажем, верно? Сиди, жди. Я пришлю к тебе сестру, она принесет одежду.

И вышел, оставив ее одну, оглушенную, растерянную... и, откровенно говоря, воняющую конским потом и кровью. Внутри было какое-то непонятное оцепенение, то и дело прерывающееся мелкой дрожью. Думать не получалось, в голове звенело. Она не спала почти трое суток, но глаза упорно отказывались закрываться. Женька просто пялилась на деревянный столик, потому что понимала, что это – самая дорогая вещь тут, в стране, где так мало деревьев. Рассматривала резьбу, гнутые ножки в виде львиных лап, отполированную

поверхность – и ощущала себя таким же столом. Лишним, неправильным предметом в этом стане. Женщиной среди мужчин, чужачкой.

– Ты как, Дженай? – Тихий голосок Листян вывел ее из оцепенения.

Женька подняла голову, разглядывая подругу. Она была так взволнованна, так явно переживала, что оттолкнуть ее не было сил.

– Как видишь, живая, – усмехнулась Женья. – Даже здоровая. И почти замужем.

– Очень плохо? Я могу тебе помочь?

– Да, мне нужна вода. И тряпки, Лис, у меня нечистые дни.

– Да, конечно. – Степнячка стремительно выбежала прочь и очень быстро вернулась с ведром воды и комком ткани. – Вставай, я тебе помогу.

Она не позволяла Женьке даже пошевелиться, мгновенно раздела ее догола, обтерла влажной тканью, по-хитрому обвязала ее бедра тряпками и накинула на тонкое, почти мальчишечье тело длинную рубашу до пола, которую нашла где-то в шатре. Женька стояла, не пытаясь сопротивляться. Ей было совсем плохо. Она не понимала половины слов Листян. Страшно хотелось пить.

– Девушка ты гораздо красивее, чем мальчик, – наконец отступила на шаг степнячка. – Такая... тоненькая, и глаза, глаза! Как небо, Дженай!

– Дженна, – автоматически поправила ее Женька. – Я теперь Дженна.

Она сквозь туман, охвативший ее разум, попыталась понять, что вообще происходит. Одеда ее Листян странно: рубашка до пят, сверху шелковый халат, перевязанный широким поясом. На голове остроконечная шапка с «ушами» из металлических и каменных бусин. Так. Она, видимо, все же невеста.

– Дженна, Дженна, – усмехнулся знакомый голос. – Поди сюда, женщина-воин. Держи.

Ей в руки сунули глиняную чашу.

– Баяр, разводи огонь.

Баяр тоже здесь? Судя по тому, как пахло дымом – да. Она обернулась встревоженно: в кругу камней пылал огонь. Небольшой, но вполне настоящий.

– Ты должна приготовить чай, Дженна, – командовал Аасор. – На огне, который зажег тебе муж. А он должен его выпить...

– И не умереть? – не удержалась Женька.

– И молчать. И ты будешь молчать. До рассвета, ясно? Ты не знаешь наших обычаев, поэтому Листян тебе станет подсказывать.

Баяр тоже молчал, только смотрел на Женьку так, что она невольно ежилась. Его лицо было каменным. Совершенно ничего не выражало. Но она каким-то чудом понимала, что он очень напряжен.

– Положи в чашку листья, – тихо сказала Листян. – На глаз. Сколько положишь.

Женька умела заваривать чай, даже травяной. Ничего сложного. На ее взгляд, чашка вмещала в себя пол-литра воды, поэтому она кинула три щепоти листьев. Чтобы чай был со вкусом и цветом чая, а не вяжущей горечи.

– Воды полчашки налей и поставь на огонь.

Послушно сделала то, что ей сказали. Молча смотрела, как в чашке кружатся листья, как закипает вода.

– Молоко и соль.

Соль? Прелестно. Та еще гадость будет! Взяла из рук Листян чашку с жирным желтым молоком, подумав, поставила на край очага. Поискала глазами какую-нибудь тряпку, чтобы взять горячую чашу с чаем. Не нашла, подхватила рукавами, поставила на тот самый столик. Тонкой струйкой влила уже теплое молоко. Скрипнув зубами, добавила немного соли – на глаз. За ней все наблюдали молча – даже с какой-то тревогой. Дальше-то что? Ах да, подать «мужу».

Снова подхватила рукавами, аккуратно поднесла Баяру. Он взял чашу голыми руками, обжигая взглядом черных как ночь узких глаз. Невольно захотелось спрятаться, скрыть лицо, но она не позволила себе этой слабости. Нет, не будет Женька прогибаться. Никогда. Баяр, глядя ей в глаза, поднес к губам чашу и медленно попробовал эту пародию на чай. Ей вдруг показалось, что он сейчас с таким же равнодушным видом выпил бы даже ослиную мочу. Только бы его не стошнило, вот будет номер!

Но он выпил до дна, а последние капли и листья вытряхнул в огонь. Перевернул чашу, положив на стол. Снял с нее дурацкий колпак, провел ладонью по коротким волосам, ероша их, грустно усмехнулся.

– Вкусно было, нэхэр?^[9] – спросил Аасор очень тихо.

Баяр кивнул.

– Пусть же вся ваша жизнь будет вкусной, как соль, крепкой, как чай, и богатой, как молоко.

Снова кивок.

– Пусть ты не можешь сейчас заплести Дженне косы, – так же тихо сказала Листян. – Она все равно теперь эхнэр^[10]. Сладких вам ночей и долгих дней.

Они ушли, а Дженна с Баяром остались наедине. Он молча привлек ее к себе, погладил костяшками пальцев по шее, развязал пояс и спустил с ее плеч халат. Потом шумно вздохнул, подхватил ее на руки, унес за полог, уложил на шкуры и лег рядом. Долго гладил по светлым волосам, пока у нее глаза не закрылись. Дженна задышала легко и ровно. Спит. Он спать не мог.

Самое странное, чай ее был ровно таким, каким и должен быть. Идеальным. Она, чужачка, совершенно не знакомая с обычаями кохтэ, сделала все правильно. Баяр не раз видел, как морщились и кривили губы женихи даже самых завидных невест. Знал и то, что многие женщины нарочно варили как можно более невкусно, понимая, что жениху придется выпить эти помои – если он не хочет отказаться от брака. А чай Дженны был очень приятен и свеж. Всего в меру. Можно ли считать это знаком?

Она заворочалась у него под боком, смешно наморщила нос, и у Баяра вдруг заныло в паху. Вот это – точно хороший знак. То, что он ее желал, было правильно. Он обязательно ее возьмет, и даже не один раз. Представил ее грудь, которую очень хорошо запомнил, нежную белую кожу, розовые соски – и стиснул зубы, переводя дыхание. Все будет, Баяр. Она теперь никуда от тебя не денется.

Сейчас все равно не время для удовольствий. До утра не так уж и долго. Как он станет объясняться с отцом, Баяр не знал. Было немного страшно. Взять даже наложницу без дозволения хана считалось немислимым, что уж говорить о жене... Но дело сделано, уже поздно думать, как надо было поступить. Завтра. Все завтра.

Глава 15

Последствия

По многолетней привычке Баяр проснулся на рассвете. Сам даже удивился – и как получилось заснуть? Дженай... Дженна спала рядом. Очень тихо, даже не шевелилась. Лицо во сне было таким нежным, таким удивительно-мягким и женственным. Розовые губы приоткрыты, длинные рыжеватые ресницы отбрасывают тень на бледные щеки. А раньше... злые глаза, всегда плотно сжатый рот, резкие жесты... Что в ней просыпалось сейчас? Сможет ли он удержать и закрепить это ее превращение?

Он не обольщался: хорошей жены из этого «мальчика» не получится. Его ждет вечная война. Ну и пусть: за свою дурость придется отвечать. Тем более что война с женой – это не самая большая его проблема.

Вот разговор с отцом и его последствия...

Снова и снова Баяр пытался представить, каким будет его наказание. Лишат сотни? Глупо и недальновидно. Его бойцы – лучшие, тут нет никаких сомнений. Заменить его можно, но кем? Правая рука у Баяра сейчас – Наран. Он слишком молод для того, чтобы его уважали и беспрекословно подчинялись.

Бить палками ханского сына не посмеют. Статус не тот. Это унизит прежде всего род.

Вот отречься от него отец может. Это очень жестоко – враз стать одним из безродных. И дети его, и жена будут самыми неуважаемыми людьми стана. Или вовсе – выгонит прочь вместе с женой...

Что еще? Ах да – просто отберет Дженну. Такое тоже может быть.

Баяр вышел из шатра, чувствуя страшную усталость. Было свежо, небо еще только светлело, но все воины уже сидели возле очага. Смотрели на него с тревогой, ждали. Вчера, защищая Дженну, он подставил под удар не только себя, а каждого из них. И ему придется держать ответ. Сын хана знал, что они его обожают, он и сам любил каждого из них. Каждого видел на Тойроге, каждого учил бегать и стрелять, каждому давал первую саблю в руки. Они все – его дети. И теперь нужно было всем им сказать.

– Сыновья мои, – тихо начал Баяр. – Все уже знают?

Начало мальчишек насторожило, они закивали головами.

– Дженай – девка? – выпалил неумный Охтыр. – А ты точно проверил?

– Я на ней женился, – спокойно ответил Баяр, найдя взглядом Нарана, чтобы тот успокоил своего подопечного. – Я проверил. Вы все – мои. И я хочу пояснить: Дженай тоже моя. Если бы девкой оказался, к примеру, Охтыр... с его длинным бабьим языком... я бы его тоже не бросил. Ну, разве что жениться пришлось бы Нарану.

Вся сотня грохнула хохотом, а Охтыр отчаянно покраснел.

– Предлагаю снять с Охтыра штаны и проверить, а точно ли он парень, – радостно предложил Наран.

– Штаны, я думаю, теперь будем снимать с каждого, – вздохнул Баяр. – Дело не в штанах. Я хочу предупредить: хан не сможет оставить меня безнаказанным. Я нарушил закон. Я виновен.

– Ты? – удивился Наран. – Но...

– Молчи и дай мне закончить. Я не знаю, чем все это для меня обернется. Но я прошу, нет, приказываю: ни один из вас не должен ни слова говорить в мое оправдание. Ясно вам? Это моя проблема, мое наказание, мои дела. Личные.

– А если тебя убьют? – тихо спросил кто-то. – Или плетью?

– Вы будете молчать и смотреть.

– Это оскорбит нас как твоих воинов.

– Защитите мою жену, если я буду не способен на это. Помните – она одна из вас. Ела с вами из одного котла. Сидела на одном покрывале.

– Спасла Бурсула, – тихо напомнил Наран. – Аасор сказал – жить он будет. Бегать быстро не сможет, но жить будет точно.

Все молчали.

– Вы меня слышали, – чуть помолчав, негромко произнес Баяр, мрачно обводя взглядом своих великовозрастных «деток». – Я иду к хану. Один. Вы сидите здесь, защищаете Дженну. Меня спасти не нужно. Не забудьте – это все же мой отец. А я и в самом деле виноват. Ясно?

По его сотне пробежал гул. Он досадливо вздохнул, догадываясь, что они не послушаются, если с ним что-то и в самом деле произойдет.

– У тебя есть время до зенита, – выразил общий протест Наран. – Не вернешься – мы пойдем тебя отбивать.

Он вообще был очень упрямым, единственный, хоть и не кровный сын Нурхан-Гуая. Но за это Баяр его и любил.

Что ж, это лучше, чем ничего.

Баяр жадно выпил из железного ковша уже теплой воды, оправил на себе рубаху (нарядную, свадебную, расшитую шелковыми цветами – Листян вышивала) и решительно направился к шатру хана. Рано или поздно за ним все равно пришлют. Лучше бы рано.

Хан еще спал, а возле его шатра сидела молодая степнячка с младенцем у груди. Второй младенец спал рядом в плетеной корзине. Кормилица, стало быть. Баяр кивнул ей и молча опустился на колени неподалеку от входа в шатер. Сел на пятки, склонил голову. Виноват, и отрицать это бессмысленно.

Степнячка ойкнула и юркнула в шатер, откуда тут же донеслось шебуршение. Спустя минуту вышла мать.

Она была даже старше хана. Высокая, с острыми черными глазами, черными с проседью волосами, заплетенными в традиционную замужнюю косу, скрытую шелковой косынкой. Простое платье, бедра, подвязанные шалью, морщинистые коричневые руки. Когда-то мать была красавицей. Он не помнил. Сейчас она старуха.

Оглядела своего третьего сына с ног до головы, прекрасно узрев и повинный вид, и свадебный наряд, покачала головой.

– Баяр, хуухэд^[11], что ты наделал? – спросила горестно. – Стоит ли она того?

– Да, – коротко ответил он.

Мать опустилась на колени, легко притронувшись к его плечу.

– Листян рассказала мне и отцу.

– Правильно сделала.

– Она сказала, другой такой девушки свет не видел. Сказала, что она красива, отважна, да еще и одаренная. Ты полюбил ее, Баяр? Скажи, что полюбил!

– Полюбил, – послушно согласился сын, понимая, что мать подсказывает ему, как разговаривать с отцом. – Не могу без нее.

Самое забавное, что он не врал. Джена он очень любил за его смелость и упрямство. А Дженна... Без нее он теперь и вправду не мог. Они связаны навеки перед небом, землей и духами предков.

– Когда-то твой отец добивался меня очень долго, – задумчиво сказала мать. – Он не был ханом, а был всего лишь сыном наложницы. Свою власть он заполучил силой и мудростью, но это случилось потом. Я же была дочерью самого Асахана, великого воина. Никто не казался достойным меня, ни на кого я не хотела смотреть. Тавегей меня обманул, заманил в ловушку. Мы сражались, и он победил.

– Сражались? – удивился Баяр. Такой версии событий он еще не слышал.

– О, меня растил отец. Он считал, что его единственная дочь ничуть не хуже чужих сыновей. Сабли мне, конечно, не давали, но стреляла я прекрасно и с кнутом управлялась не хуже пастухов. А Тавегей... он был лучше.

– А наложницы? – тихо спросил Баяр. – Ты позволила.

– Да. Он – хан. Все должны знать, что он силен во всем. Я давно не могу родить. А молодая наложница может.

– Элия была слишком молода, – мрачно напомнил Баяр.

– Слишком молода, слишком хороша собой, слишком сладко стонала по ночам, – легко согласилась женщина. – Тавегей с ней стал слабеть. Размяк.

Баяр едва сумел удержать невозмутимое выражение лица. Он прекрасно знал, что мать у него – женщина суровая, порой страшная в гневе. Конечно, ни разу она не повысила на отца голос, ни разу не возразила прилюдно, но он был не глуп и понимал, что отец не просто любит ее – он к ней всегда прислушивается. Сейчас, кажется, мать была на его стороне. Или нет?

Все, что он мог – просто молчать, опустив голову.

Полог шатра откинулся, вышел хан. Он был на половину головы ниже жены, но никто никогда не посмел бы даже усмехнуться, глядя на это. Посмотрел на сына, на жену и мотнул головой.

– Уходи, – тяжело бросил он. – Рано пришел. Совет будет. Вечером позову.

Баяр молча кивнул и поднялся. Что ж, совет так совет, это еще и лучше. В совет входят отцы его воинов. И еще Нурхан-гуай, побратим отца, учитель самого Баяра. И Аасор, которому явно тоже влетит на совете.

Шел к своим, как пьяный, шатаясь. Облегчение было почти неприятным. Ничего не поменялось в его положении, разве что ждать

теперь придется до вечера. Это страшнее, чем само неминуемое наказание. Его снова окружили, усадили на землю, сунули в руку чашку с чаем. Выпил залпом, поморщился: Дженна вчера сварила вкуснее.

Дженна. Жена его. Если ему страшно – то что чувствует эта девочка? Смелая, упрямая, но – одинокая сейчас и находящаяся в полном неведении. Отмахнулся от всех расспросов, быстро пробормотал что-то про совет. Большой или малый? Да он-то откуда знает? Ну Нурхан-гуай придет, его спросите. Или пусть Охтыр к отцу сбегает, узнает. Он же сын тысячника.

А Дженна, оказывается, все еще спала. Странно, она привыкла вставать рано.

Баяр не решился ее будить, пожалел. Девочка три дня провела в седле, его, дурака, спасая. Даже Наран вон морщится, когда ходит, а тут – женщина. С кожей нежной. Да еще в дни нечистые. Пусть отдыхает.

Сел рядом с ней, по светлым волосам погладил – мягкие такие, совсем не холодные. Сорочка ее задралась до самых бедер, обнажая тонкие лодыжки и колени. Провел пальцем по светлой, чуть тронутой золотистым загаром коже, вздохнул. Жена его – вот такая. Сам выбрал, сам решил. Вряд ли она запросто его допустит к своему телу, эта дикая воительница. Силой брать? Обманом? Как быть?

Склонился ниже, нюхая ее шею. Зажмурился, представляя ее руки на своем теле. Вспомнил и грудь, и впалый живот. А вот возьмет – обязательно! Это его право – как мужчины, как мужа. Жена у него одна и на всю жизнь, других женщин он не приведет в шатер. А значит, придется ей его принять.

– Баяр, как она? – вместе с лучом света появилась и Листян.

– Спит еще, – нехотя ответил степняк, поправляя на жене подол сорочки. – Странно даже.

– Не буди, Аасор сказал, что она долго спать будет. Он ей зелье давал свое, чтобы она могла долго ехать верхом и не уставать.

Сын хана скрипнул зубами. Он про это зелье знал и на себе когда-то опробовал. Один раз. Ему очень не понравилось, что было потом. Но обвинить в чем-то шамана не мог – тот все сделал правильно.

– Ты иди, тебя воины ждут. Им неспокойно. Они уже грызться начали, как шакалы. Я с Дженной побуду, мы с ней друзья. И поешь,

брат, ладно?

Баяр кивнул. Листян была права во всем. Ему сейчас надо больше находиться на виду. И раз уж начались склоки... давно его мальчишки не сходились в рукопашных схватках. Самое время вспомнить навыки.

Глава 16

Суд

Женька проснулась совершенно разбитая, не понимающая, где находится. Ее бил озноб, в черепной коробке гулко перекатывался чугунный шар, руки и ноги ломило.

Кажется, вчера они с Костей напились паленого портвейна. Ох, она же давала себе слово не пить больше! Вот дура!

Попыталась сесть, застонала в голос от боли, которая терзала все тело. Мягкие руки обвили ее плечи, помогли подняться. Зря. Женьку замутило сразу же, она едва успела отвернуться. Рвало ее долго. Слабая как котенок, вся в холодном поту, в слезах и соплях, она стояла на четвереньках, боясь даже пошевелиться.

– Ну, ну, – успокаивал ее нежный голос. – Все хорошо. Аасор говорил, что сначала будет плохо, но это пройдет через пару часов. Потерпи, моя хорошая.

Пару часов? Да она кони двинет за это время!

И все же голос был так приятен, так сладок... Никогда с Женькой не разговаривали столь ласково. Ради этого голоса она была согласна вытерпеть даже пытки, которые не заставили себя долго ждать.

Ее усадили и поднесли к губам чашу с – о ужас! – горячим молоком. Машинально сделала глоток и тут же снова согнулась пополам.

– Ненавижу молоко, – прошипела она. – Дай мне воды.

Холодная вода была слаще меда. Женька пила и никак не могла напиться. После третьей чашки в голове наконец прояснилось. Она все вспомнила. Боже, ее рвало на постель Баяра, позор-то какой! Надо срочно все убрать!

– Листян, мне так стыдно, – простонала Женька жалобно. – Я тут...

– Ты тут очнулась после всего, что было. Не волнуйся. Встать сможешь?

– Зачем?

– Вон там ведро с водой и чистые тряпки. Давай, приводи себя в порядок, а я убери.

Встала Женька – из чистого упрямства. И помылась – тоже. А вот замаранную сорочку надевать побрезговала, нашла сверток одежды Баяра, взяла себе его рубашку и штаны. Подвязала веревкой – ничего, сойдет. Пальцами расчесала волосы. Потом бессильно упала на подушки – чистая, готовая ко всему.

– Баяр где? – спросила Листян. Сейчас ее волновало только это.

– На совете. Собрали Малый совет, будут его... судить, – очень тихо ответила степнячка.

Женька сглотнула. Не для того она спасала этого мужчину, чтобы его свои же сейчас порвали на части.

– Чем ему это грозит? – спросила хрипло.

– Не знаю, – честно ответила Листян. – Малый совет хуже, чем Большой. Там... нет там у Баяра защитников, кроме Нурхан-гуая. Даже Аасора не пустили, но его, наверное, тоже будут судить. Если посмеют, конечно.

– И все же? Как могут наказать?

– Кнутом побить, – нехотя призналась Листян. – Тебя забрать. Из рода выгнать. Да и просто – убить.

Женька вскочила на ноги, тут же забыв про слабость.

– Я иду к нему! Он не виноват, это моя вина, только моя! Пусть меня и наказывают.

– Куда, дура! – Листян навалилась на нее, опрокинула на подушки, прижимая к ним всем своим весом. – Хочешь опозорить моего брата? Не позволю!

– Листян, что за игры! – В шатре появилось новое лицо, и Листян мгновенно откатилась от Дженны, села на колени и опустила голову.

– Ээхэ!^[12]

– Выйди.

Не посмела возразить, не посмела поднять лицо, выскользнула из шатра тенью.

Женька с невозмутимым видом села и поправила на себе одежду. Поглядела на гостью.

В полутьме шатра она выглядела величественно: высокая, статная, с двумя толстыми косами до пояса. Уже в возрасте, но назвать ее старухой язык бы не повернулся. Просто женщина с печатью возраста на лице. Роскошно одетая: с бусами, в рогатой шапке с меховой

оторочкой (это летом-то!), в голубом шелковом халате с золотым поясом. И Женька: в мужской одежде, висящей на ней мешком.

Некоторое время они молча разглядывали друг друга, а потом старшая спросила:

– Он тебя брал?

Что ответить? Соврать? Нахамить? Послать на три буквы? Сказать правду? Что сейчас поможет Баяру? Что его погубит? А разум невольно подсказывал самый безопасный для себя вариант:

– Да. Несколько раз.

Женщина только усмехнулась в ответ, а потом развернулась и вышла. Как, только за этим приходила?

Дженна тяжело вздохнула, обхватила плечи руками. Вернувшись Листян опустилась рядом, обняла ее. Так и сидели вдвоем до темноты.

Один лишь раз Женька посмела нарушить молчание:

– А ты знаешь, что Наран в тебя влюблен?

– А кто это?

– Правая рука Баяра.

– А, этот... молчун... – Листян усмехнулась. – Ну ладно. Пусть. Я не против.

Самое страшное – это неизвестность. До чего же тошно!

Наверное, вот так все и должно было произойти в тот день, когда она здесь оказалась. Ее посадили бы в шатер, возможно, связали бы. А потом – продали. Отдали бы на растерзание кому-то из воинов. Или даже самому хану. Хорошо хоть она сейчас не одна. С ней подруга, теперь – сестра. Женька ценила. Никогда и никого у нее в жизни не было, а теперь появилась семья.

Баяр несколько часов ждал возле ханского шатра, и наконец ему велели войти. Он и вошел. Опустился на землю – туда, куда указал отец – начал разглядывать своих судей.

В Малом совете всего семь человек. Сам хан, лис Нурхан-гуай, трое тысячников и два старца, столь древних, что они самого хана, наверное, еще ребенком видели. Оба – некогда великие воины и отцы десятка смелых сыновей. Словом, самые достойные.

Отдельно сидят братья: гордо сверкающий глазами Ирган, угрюмый и хмурый Карын, Сулим – полный, как женщина, с мягкой бородкой, которую поглаживает неторопливыми движениями. Сулим

родился хромым, воином ему стать не светило никогда, но зато он умел видеть суть вещей. Баяр любил и уважал его куда больше старших братьев. Двух младших не пригласили, да это и понятно – они еще слишком молоды для советов и никак не показали свою доблесть. Мать тоже тут, сидит, опустив глаза. Не смотрит на сына.

Баяр уже ничего не боялся, устал. Будь что будет. Лишь бы Дженну не тронули, а он сильный, он справится. И все же он знал – отец его любит. Как умеет. Кохтэ любят своих детей самозабвенно, не может хан его казнить, это просто невысказано.

– Совет сказал свое слово, – мягко, даже распевно сообщил сыну хан. – Хочу знать, что скажут мои сыновья. Сулим?

То, что отец первым спросил увечного Сулима, поставив его выше двух старших, было, пожалуй, забавно. Это заметили все. Баяр про себя усмехнулся. Нет, старшие ни взглядом, ни жестом не выдали своего гнева. Возможно, Ирган даже не понял, как его только что унизили.

– Не место среди нашего народа тому, кто посмел нарушить традиции, – мелодично прожурчал Сулим. – Он выбрал чужестранку, неполноценную женщину, ту, что оскорбила всех кохтэ своим дерзким поступком. Пусть уходит вместе с ней. Дайте ему коня и припасов на неделю – а дальше степь рассудит.

– Карын?

– Мы не можем позволить себе потерять такого воина, как мой брат. Это слишком расточительно. Вспомните его доблесть в бою, посчитайте, сколько воинов вышло из его сотни! Он нам нужен. Да и в чем его вина? Пожелал чужестранку? Взял ее, честно сделав женою? Он поступил благородно, хоть и поторопился. А может, она просто колдунья, обманувшая всех? Она ведь прошла Тойрог, который никогда не открывался женщинам. Даже Аасора обвела вокруг пальца, а он шаман! И не женщина она, наверное, вовсе, а хун чоно унэг!^[13] Нужно ее убить. Нет! Испытать огнем, закрыть в шатре, и пусть родит сыновей... много.

– Она не оборотень, – неожиданно подал голос Нурхан-гуай. – Но даже если бы была – оборотни от человека не понесут.

– Тогда – убить ее. За то, что вела себя, как воин, и осквернила Тойрог. А Баяр ни в чем не виноват.

Третий сын хана сидел молча и неподвижно, ничем не показывая, что у него в груди бушует пламя. Карын – хитрый. Совершенно понятно, что добра Баяру он не желает. Будь его воля – убил бы брата, но нельзя. Поэтому унижает с изощренным удовольствием.

– Я тебя слышал, Карын. Что скажет Ирган?

– А точно ли она – уже жена Баяру? – неожиданно не самый сообразительный старший брат задел самое тонкое место. А ну как проверят и поймут, что нет, брачной ночи еще не было? Как попал в точку, как угадал? – Может, он просто защитил ее своим именем, а не любит вовсе, не хочет как женщину?

А! Матушка подговорила. Все ясно.

– Баяр, ответь брату.

– Если ты сомневаешься в моей силе – спроси Карына, – дерзко ответил Баяр. – Его жена может подтвердить, что у меня все в порядке.

Ох! Карын дернулся, как от удара, невольно скользнув по бедру рукой в поисках сабли или хотя бы кинжала. Нет. «Молодым» на совет с оружием нельзя.

– Моя жена предпочла старшего брата младшему именно потому, что ты скучен, Баяр! – зарычал он.

– Тихо! – топнул ногой хан. – Карын, тебе слово давали, теперь не твое время. Баяр, ответь на вопрос: ты уже познал жену?

– Всю ночь, – вскинул подбородок степняк. – Много раз.

А что ему еще оставалось?

– Я спрашивала у девушки. Она ответила так же, – неожиданно подала голос мать.

– Значит, отобрать у Баяра жену мы уже не можем, – спокойно сказал хан. – Все, что она наделала, ложится на плечи Баяра. Но он нарушил традиции, пошел против отца своего и господина. Возомнил себя хозяином собственной жизни? Пусть так. Я решил. Баяр отныне – не с нами. Пусть уходит. Берет жену, коня и все, что сможет унести на себе, и уходит прочь. Он сам выбрал свой путь.

– Совет, ваше решение? – Нурхан-гуай традиционно завершал суд. В руке у него был кнут, и он положил его перед собой кнутовищем вперед в знак того, что соглашается с ханом.

Нурхан-гуай предпочитал кнут сабле или кинжалу. Такой уж он – бывший пастух.

Один за другим члены совета выкладывали свое оружие – и все рукоятками вперед. Единогласно. Единственной, кто мог бы еще преломить решение хана, была его мать. Но она останется на стороне отца, в этом Баяр не сомневался.

– Кто осмеливается нарушить законы, тот или погибает, или сам пишет новые законы, – сказала мать веско. – Баяру важнее чужачка, чем его народ – пусть так. Мой сын выбрал свой путь. Посмотрим, куда он его заведет.

Баяр был достаточно умен, чтобы уловить главное. Из рода его не исключают. Он по-прежнему – сын. А остальное... что ж, он к этому готов. Единственное...

– Дозволено ли спросить, что будет с моей сотней?

– Пока их заберет Нурхан-гуай.

О! Об этом он не мог и мечтать! Великолепно!

– Я могу с ними попрощаться?

– У тебя есть время до рассвета. На рассвете ты покинешь наши земли.

Баяр кивнул. Решение было милостивое, справедливое. Степь для него – родной дом, он не пропадет. Охотиться станет, найдет место, где укрыться. Одиноким шатер врагов не интересует, он знает множество мест, где можно спрятать жену и жить спокойно. А что будет дальше – покажет время.

Поднялся, поклонился совету, потом братьям и матери и в последнюю очередь хану – и вышел. У него мало времени и очень много дел. Надо собрать одежду и пищу, найти маленький шатер – свой тащить не имеет смысла. Оружие взять – самое лучшее, зимние вещи – себе и Дженне. Трав попросить у Аасора – против лихорадки, для заживления ран, да и просто – успокаивающих мятежный дух. Раздать последние указания. Распорядиться остающимся тут имуществом.

Переживать некогда, даже, наверное, ложиться спать смысла нет. Теперь не будет никакой нужды вставать на рассвете. Выспится потом.

Глава 17

Уход

Это был, кажется, самый длинный день в жизни Женьки. Не то чтобы она хотела куда-то мчаться – ноги и руки болели со страшной силой. Но и лежать весь день в шатре было невыносимо. Если бы не Листян, она бы сошла с ума, а так хоть не одна. Ее даже покормили обедом – опять благодаря сестре Баяра. Принесли нормальную человеческую одежду, вполне ей подходящую – тоже по просьбе Листян. Но когда стемнело, подруга ушла в родительский шатер, оставив Дженну дожидаться мужа.

Баяр явился очень поздно, вздрогнул, увидев в мерцающем свете светильника светлые Женькины глаза, устало плюхнулся на подушки.

– Прости, дел много было. Завтра... уже сегодня на рассвете мы покидаем стан. Ты сможешь ехать верхом?

– Наверное, – тихо сказала Женька, вглядываясь в его лицо. – Что было на суде?

– Не важно, тебе это знать не обязательно.

Женька матюгнулась на русском сквозь зубы, вскочила на ноги – и куда только вся немощь делась?

– А разводы у кохтэ есть? – процедила она. – Что-то мне замужем уже не нравится, Баяр.

Он рывком схватил ее за локоть, притянул к себе и прошипел прямо в лицо:

– Ты бы помолчала, женщина. Норов свой успеешь еще показать. Тебя защищаю, дуру, не в игрушки играю. По твоей милости я всего лишился – и войска, и дома, и семьи. Так что заткнись и дай мне хоть пару часов поспать.

Оттолкнул ее и завалился на постель, закрыв глаза и мгновенно провалившись в сон.

Женька только глаза таращила и хватала воздух губами. Хотелось пнуть его в бок, заставить проснуться, немедленно сбежать... Но, здраво поразмыслив, она решила, что утро вечера мудренее, к тому же, если уезжать – надо хоть немного отдохнуть. Если она хочет, чтобы с

ней считались – не стоит вести себя как базарная баба. Она – воин, несмотря на надетые на нее тряпки.

Ее защищает? Ишь, какой смелый! Так она не просила, это было только его решение. И он вздумал ее в этом обвинять? Напрасно. Теперь он больше не ее командир, и она ему обязательно все скажет... утром. Или немного позже.

Вторую ночь она спала рядом с мужчиной, да что там – рядом с человеком. Живым и теплым. Матери она никогда не знала, та оставила ее в роддоме, а потом всю жизнь – отдельная люлька, отдельная постель в общей спальне. Женька всегда очень трепетно относилась к личному пространству. Никогда и никого не обнимала без крайней необходимости, от людей шарахалась, даже рядом старалась не садиться. В общественном транспорте ездила, только когда не было возможности ходить пешком. Друг настоящий был у нее один – Костик. И с ним она тоже не соприкасалась. Всегда помнила, что, несмотря на мужские штаны – она девочка. А он – существо противоположного пола. Никаких телячьих нежностей ей не было нужно. Женьке страшно нравилось одиночество. Самый большой кайф для нее – спать одной на большой кровати. В идеале – голой. Абсолютная открытость миру – но не людям.

И тем страннее стало ощущение тепла рядом.

В этом мире все поменялось. Началось все, кажется, с Листян. Она просто не заметила всех Женькиных «колючек и стен». Она обнимала ее, когда хотела, говорила все, что хотела, поверяла ей свои тайны – и Женька уже готова была отдать за нее жизнь. О, если бы кто-то обидел эту девочку, даже посмотрел на нее косо – Женька бы ему горло перегрызла в прямом смысле слова!

Теперь вот Баяр. Да, Женька им восхищалась. Как воином, как командиром, как мужчиной. И тянулась к нему – как к старшему брату, как к отцу, которого никогда не знала. До того самого урока стрельбы. После – она уже думала о нем по-другому. Никогда не мечтала ни о любви, ни о близости с ним, но за его одобрительный взгляд, за ладонь, треплющую волосы, готова была совершать подвиги. А теперь он – ее муж. И спит с ней рядом.

Она осторожно подползла поближе и очень робко коснулась пальцами его волос. Ей вдруг захотелось – впервые в жизни – прижаться к другому человеку. Согреться его теплом. Разделить самое

сокровенное – сон. Спать рядом – это невероятное доверие. Особенно для женщины. Баяр всхрапнул во сне, повернулся, уронил на нее свою руку, потом подгрел под себя. Обхватил, впечатал в себя плотно-плотно, не оставляя пространства для вдоха, закинул колено на ее бедро и уткнулся носом в волосы. Женька оцепенела. Как ни удивительно, страшно ей не было. Никакого отвращения, никакой нервной дрожи. Словно... свой.

Любовь? Нет, Женька в это не верила. В инстинкты, пожалуй, верила, да и то... Все – гормоны. У кого эти самые гормоны не выделяются – тот и любить не умеет. Как ее мать. С матерью у Жени отношения были сложные. Лет до двенадцати она ее обожала, прощала и мечтала найти. Потом ненавидела и тоже мечтала найти – чтобы в лицо плюнуть. А затем поняла: так она ведь и сама такая же. Ей никто не нужен. Если бы ненароком залетела – поступила бы так же. Аборт бы не сделала, потому что жизнь – это святое. Родила бы – и в детский дом. Не нужен ей никто, она самодостаточна. Абсолютно. Даже друзья не нужны. Если бы была у нее возможность, устроилась бы смотрителем маяка и была бы счастлива.

А в объятиях Баяра она вдруг согрелась. Невероятно – так уютно и тепло ей не было никогда. Можно было даже закрыть глаза и совершенно расслабиться. И даже заснуть.

Баяр проснулся на рассвете с мыслью о том, что как раньше уже никогда не будет. А еще – рядом была женщина. Вкусно пахнущая, приятная на ощупь и, наверное, на вкус: он успел ощупать все ее выпуклости и изгибы. А вот лизнуть нежную и тонкую, как у младенца, кожу за ухом не успел, вспомнил, кто рядом с ним.

Жена.

Мальчишка! Мальчишка-рюс, который вдруг оказался вовсе и не мальчишкой. И что с ним теперь делать, Баяр не понимал. Влечение? Да. Оно в полной мере присутствовало. Пожалуй, это было даже интересно – приручить вот такую дикую, теперь уже степную кошку. Кусачую и с острыми когтями. Зубы у Дженны имелись, и весьма опасные, он прекрасно помнил, как эта воительница отбивалась от иштырцев.

Дженна, сонно моргая, выплывала из объятий сна. Хорошенькая, такая беззащитная и нежная – тут же съежилась, напрягалась,

казалось, даже стала меньше, но куда опаснее. Взгляд уже совсем другой, колючий, настороженный. Губы поджаты, брови нахмурены. Кошка, как есть кошка. Баяру вдруг захотелось убрать это выражение из ее глаз. Сможет ли она когда-нибудь ему доверять? Что делали рюсы с этой девочкой? Неспроста она пряталась от всех, даже от самой себя! Как дать ей понять, что он ее не обидит? И... как все же сделать ее женой?

Ай! После решит. Еще не одну ночь им придется провести рядом. Сейчас же пришло время уходить.

– Нам пора.

Она сосредоточенно кивнула. Поднялась, чуть морщась, огляделась и вдруг ужасно покраснела – просто вся пятнами пошла. Баяр тут же вспомнил про ее нечистые дни, пробормотал, что ждет ее снаружи, и выскочил из шатра. Он был мужчиной, и эти дела никогда его не касались. Его женщины могли, конечно, что-то сказать, но в эти дни к нему не приходили, а как там и что происходило у матери и сестры, он и знать не знал. А теперь вот надо как-то узнавать, потому что о своей женщине у кохтэ принято заботиться. Но как о ней заботиться, если даже не понимаешь, что происходит? Больно ли это? В конце концов – кровотечение. И спросить не у кого, хоть к Илгыз иди! Так его бывшая подруга теперь замужем. Вряд ли Карын обрадуется таким вопросам к его жене.

Баяр терпеливо ждал, отмахнувшись от принесенной Нараном чашки с кашей.

– Пусть Дженна поест, – сказал он. – Мне тошно, не до еды. Как сотня?

Наран легкомысленно пожал плечами. Ему-то что, не он покидает стан с голой спиной, верно? Никакой тревоги в глазах друга не было, он выглядел совершенно таким же, как и всегда. Скалил зубы, едко прокомментировал, когда Женька рысцой побежала до «ямы»:

– Ишь, какой парнишка. Баяр, тебя не смущает вид супруги?

Один только тяжелый взгляд, и Наран расхохотался, выставив руки ладонями вперед:

– Понял, молчу-молчу.

Дженна вернулась. Угрюмая, хмурая, но смотрела прямо и смело. Босая, в привычных своих штанах и широкой рубашке, с растрепанными светлыми волосами. Мальчишка мальчишкой –

словно птенец чайки. Тронь – и закричит. Баяр внимательно рассмотрел жену, задержав взгляд на еле видных холмиках груди. Тонкая застиранная ткань позволяла теперь определить, что перед ним девушка. И Наран, который уставился туда же, немедленно получил тычок в бок – нечего глазеть.

Нет, Баяр не ревновал, он вообще не знал, что такое ревность. Не было такого слова в языке кохтэ. Когда женщина становилась женой мужчины – она принадлежала только ему, и мужчина спал только с ней. Это было хорошо и правильно. А если женщина свободна – она может делать, что хочет. Это ее право. Но все же Баяру взгляд Нарана не понравился. Хотя, конечно, друг, скорее всего, просто решил убедиться в том, что Дженай – девушка. Кстати, очень худая девушка. Для мальчишки-подростка ее костлявость вполне естественна, а для женщины – некрасива и неправильна.

– Ешь. – Он сунул Дженне в руки миску с еще теплой кашей. – Я пойду седлать лошадей.

Женька сощурилась и стиснула зубы: командовал ею Баяр как любимым из своих воинов. А чего она ожидала – что он в любви признаваться будет? Он совершенно ясно ей сказал: женюсь, чтобы спасти тебя от расправы. Любого своего защитил бы. Вовсе она ему не интересна как женщина, даже думать не стоит. Но тогда почему он велел ей показать... Или просто – урок? Как тот удар по губам. Да, скорее всего. И ничего он от нее не ждет, кроме безусловного послушания. В конце концов, обязанности ученика с нее никто не снимал.

Молча поела, ежась от любопытных взглядов. Пусть себе смотрят – недолго осталось. И хорошо, что они сейчас уедут, вопрос только – куда?

Женьке впервые в жизни хотелось с кем-то попрощаться, вот только Листян куда-то пропала. Наверное, специально не пришла, чтобы избежать неловкой сцены. Женька ее понимала, но все равно жалела. Впервые у нее появилась настоящая подруга, почти сестра. Она искренне привязалась к этой девочке и теперь заранее тосковала.

– А ты серьезно баба? – внезапно вырвал ее из раздумий голос Охтыра. – Настоящая?

– Нет, игрушечная, – огрызнулась Женька. – Из соломы и тряпок, а ты не заметил, что ли?

– Очуметь! – Мальчишка ее рассматривал с такой жадностью, что Женьке стало неуютно: того и гляди, как Баяр, полезет под рубаху проверять. Ну пусть попробует – она сейчас с удовольствием даст кому-то в глаз!

– А вообще, понятно, почему ты из лука стрелять так и не научился, – с довольным видом заявил Охтыр. – Сил не хватало даже тетиву натянуть.

– Зато у нее сил хватило троих иштырцев прирезать, – невозмутимо заметил Наран, забирая у Женьки миску и выписывая Охтыру ласковый отцовский подзатыльник. – Пошел вон, мальчик, нечего тебе тут делать. Дженна, готова? Пора.

Она была готова. Не страшили ее ни дорога, ни неизвестность. А чего бояться – она всю жизнь вот так жила! Даже и тяжелее: здесь, по крайней мере, ее не пытались осчастливить каждый встречный, не нужно было бояться людей в форме, не нужно искать, как заработать деньги. И убегать постоянно – не нужно. Здесь проще: кохтэ – свои. Иштырцы – враги. Все, что бегают, ползает и плавают – еда. Все прекрасно и понятно. А мужчина рядом, молча ожидающий, когда Дженна соизволит залезть на подведенную к ней лошадь, – всего лишь ее учитель и проводник, и это лучшее, что могло с ней случиться.

Глава 18

Супружеские обязанности

Ехали не торопясь – спешить было некуда, да и Дженна, на взгляд Баяра, еще не оправилась после той самой погони за иштырцами. Молчала, ничуть ему не мешала. А он вдруг размечтался. Сегодня они будут ночевать вдвоем. В степи. Рядом. Можно ли уже ее взять?

Баяр был опытный мужчина и хорошо знал, как сделать женщине приятно. В самом деле – когда женщина приходит к тебе в шатер сама, по собственному желанию, ты не можешь ее не впечатлить. Иначе она просто не вернется. Если хочешь ее – придется постараться. Он умел, научился многому. Но с Дженной все было не так. Она шарахалась даже от простого прикосновения к плечу.

Кошка, пугливая кошка! Тем интереснее.

Баяр впервые оказался свободен. Раньше весь его день был расписан по минутам, ему мучительно не хватало времени. Как все успеть: и с мальчишками позаниматься, и со старшими перекинуться хоть несколькими словами, и Нарана выслушать, и с матерью увидеться. А ведь еще какое-никакое, а хозяйство: рвались и пачкались одежда, обувь, снаряжение. Нужно было держать в порядке оружие. За конем своим ухаживать, конь – это прежде всего товарищ. Обходы – Баяр не зря отстоял это право за своей сотней. В Большой совет его вызывали: он по праву имел там голос. И Аасор его часто просил помочь. Словом, с собой наедине Баяр оставался только ночью, да и то – редко. Все же обычно приходила Илгыз или еще кто-то.

А теперь вдруг оказалось, что спешить ему некуда и незачем. Они с Дженной ехали спокойным шагом вдоль реки в сторону гор. Там укрыться проще всего. Нужно ведь где-то и зимовать, а значит, запастись топливом, обустроить жилье. Это в стане хорошо в шатре жить, а одному да в чистом поле? Без овец и буйволов, то есть – без мяса и молока? Нет, зимовать стоит в пещерах. Там и еды можно запасти, и от снега и ветра укрыться.

Степняк покосился на жену. Прямая, напряженная, как лук. Смотрит вокруг, прищурившись, крепко держит поводья. Не ноет, не жалуется на жару, хотя на лбу и над верхней губой блестят капли пота.

Баяр вздрогнул. Ему вдруг захотелось эти капли с ее губ слизнуть и узнать – какие они на вкус. Глупость, конечно. Это потому, что с того дня, как ушла Илгыз, у него не было женщины. Сколько прошло времени? Ох. Снег еще лежал, когда она вышла за Карына. А сейчас лето к концу подходит.

– Устала? – негромко спросил жену.

– Да, – призналась Женька.

Она уже не чувствовала ни ног, ни задницы, а пальцы рук просто онемели. Еще немного – и сама взмолилась бы о пощаде, но пока держалась из последних сил, говоря себе: вон до того камня, вон до того пучка травы... Снова было перед ним стыдно: мечтала стать одним из воинов, а сама даже дневной переход осилить не может.

– Тогда сейчас остановимся, – кивнул Баяр. – Возле реки. Можно будет искупаться и отдохнуть. Ты готовить умеешь?

– Ну...

– У меня есть немного муки. Испечешь лепешки.

Кхм. Женька умела жарить яичницу и варить макароны. На этом ее познания в кулинарии заканчивались. Лепешки? Это как блины, что ли? Так нужно молоко. И яйца. И вроде бы разрыхлитель. Ее как-то Костик учил печь – впрочем, безуспешно. Какие лепешки, Баяр? Смеешься, что ли?

Река появилась внезапно, Женька и не подозревала, что она так близко. Остановили лошадей, Баяр спрыгнул и, не дожидаясь ее действий, снял с коня – аккуратно и бережно, словно хрупкую вазу. Дженая он так никогда не трогал. От неожиданности она даже шарахнулась, взглянула на него едва ли не с ужасом, а он задержал руки на ее талии, чтобы она почувствовала, как обжигают мужские ладони сквозь тонкую ткань рубашки.

– Купаться будешь? – Его вдруг оказалось так много и он был так близко, что Женька скинула сильные мужские руки и отскочила назад.

Баяр ей отчаянно нравился, но она совершенно не умела вести себя с мужчинами, которые ей нравились. С теми, кто противен, было просто – они воспринимались как ступеньки. Как неприятная, порой болезненная процедура типа укола или промывания желудка. А вот смотреть на того, от чьего присутствия сердце заходится, не краснея и не заикаясь, Женька не умела.

– Так, Дженна. – Баяр, похоже, все понял не так – как, впрочем, и все. – Я тебе противен?

Она помотала головой, жалобно глядя на него, и на всякий случай сделала еще шаг назад.

– Ты меня боишься?

Снова жест отрицания и хрипкое, сдавленное «нет».

– Боишься мужчин? Тебя обижали?

О чем это он? А! Он думает, что она просто истеричка слабонервная. Правильно в общем-то думает. И что ему сказать, как ответить? Дженай – тот за словом в карман не лез, а Дженна – она молчит, опустив глаза. А Баяр ждет, смотрит. Не отстанет ведь, настырный!

– Я тебя не узнаю, Дженай, – неожиданно заявил Баяр. – Ты что, язык проглотил? Онемел? Вот как славно – мне досталась кроткая и молчаливая жена! Сокровище настоящее.

И обидеться бы, ответить ядовито и зло, а нет сил ни на что. Женька просто пошатнулась и села на траву.

– Устала, – тихо сказала она, догадываясь, что мужчина немедленно прекратит ее домогаться. Кохтэ – они своих женщин не обижали, это она уже знала.

И оказалась права, потому что Баяру немедленно сделалось стыдно. Девчонка ведь совсем, да еще столько всего перенесла! Конечно, устала! И голодная, наверное.

Он отвязал от лошади котомки, вынул толстое стеганое покрывало из овечьей шерсти и кинул на траву. Поднял на руки Дженну, оказавшуюся вдруг слишком легкой, и перенес. Присел на корточки рядом, заглядывая в бледное лицо.

– Лет тебе сколько?

– Девятнадцать.

– Совсем взрослая, – вздохнул. – Сиди, отдыхай, я сам все сделаю.

Она молча наблюдала за тем, как Баяр скинул рубаху и сапоги, закатал штанины и принялся разжигать костер. Набрал на берегу реки сухого тростника, веток и серых ноздреватых камней. Кинул сверху горсть какого-то порошка и зажег огонь – как, не видела, он спиной загородил. Наверное, огнивом. Положил сверху небольшую плоскую сковородку (о, сковородка?). В деревянную миску насыпал муку, какую-то травку из мешочка, добавил воду, перемешал ложкой. Женька

вытянула шею. Все это казалось довольно простым. Уж точно не сложнее блинов! Налить теста, перевернуть ножом, снять. Снова – налить, перевернуть, снять.

– Давай я, – не выдержала девушка. – Ты купаться хотел!

– Отдыхай, – повторил Баяр. – Или иди сама ополоснись. Останемся здесь сегодня. Некуда нам спешить. Я вот думаю...

О чем он думает, так и не сказал, только иногда голову поднимал и смотрел в ту сторону, откуда они пришли. И снова молчал.

Немного поразмыслив, Женька решила, что помыться и в самом деле не помешает. Дважды со дня своего попадания сюда она была в бане, а в другое время – просто обтиралась водой. Хорошо еще волосы короткие, их несложно помыть. Были бы у нее косы, как у Листян – было бы гораздо сложнее. Оглянулась на мужчину, пошла к реке, присела, потрогала воду. Теплая. Снова оглянулась. Страх как хотелось купаться, все тело вдруг зачесалось. Но... штаны придется снять. И рубашку, наверное, тоже. Или рубашка высохнет на ней? Да, пожалуй что так. А если... голой? Совсем голой? Какой-то особой красоты Женька в себе не видела, но и скрывать ей было нечего. Тело как тело, Баяр уже все разглядел.

И все же... Насколько Женя разбиралась в мужской психологии, рубашка в ее случае была знаком. Пойдет купаться голой – и Баяр решит, что она предлагает ему себя. А рубашка – хоть какая-то защита. Вроде как – смотри, но не трогай. Хотя кому она врет! Мужу порой достаточно самого факта присутствия рядом с ним женщины, чтобы решить за двоих. В любом случае у нее сил не хватит ему противостоять, если он захочет взять ее силой. Остается только довериться своему чутью. Баяр, кажется, не из тех, кто издевается над слабыми. А значит – сначала спросит.

Самое смешное, что Женька особо сопротивляться не собиралась. Мужчине это нужно, а она что, она потерпит. Первый раз, что ли? Тем более что Баяр ей нравился. Никакой это не акт насилия. Скорее – жест доброй воли. Вот только дети им обоим явно не нужны, особенно Женьке. Не дело – детей в этом мире рожать. Надо бы об этом поговорить.

Вошла в теплую воду по бедра, обернулась: лепешки на костре нещадно чадили. Баяр с нее глаз не сводил. Черт возьми! Ну и как она ему скажет?

Да никак. Как обычно – засунет острый язык в задницу и будет мычать как теленок. Была бы мальчишкой – насколько было бы проще! Это она умела. А женщиной – настоящей, желанной, красивой, даже сексуальной, Женька не была никогда. Ни разу в жизни. Влюбляться она влюблялась. В того же Углического, к примеру. Он был ее первой и единственной настоящей любовью, во всяком случае, до тех пор, пока она не узнала о некоторых его делишках. Когда разобралась и в пристрастиях его, и в увлечениях, как-то резко перегорела, да оно и к лучшему. В те дни ей холодная голова была нужна куда больше горячего сердца, но и она не спасла. А помечтать Женя успела: и про платье белое, и про любовь красивую.

С Баяром все было проще и сложнее. Любить она его пока не любила, но влюбиться уже была готова. Только нужно ли это ему? А ей? Может, лучше воином стать, пока еще не поздно. Что-то ей подсказывало, что степняк против не будет. Или будет? От его взгляда жгло между лопатками и покалывало в затылке: не как при опасности, по-другому. Сладко так, предвкушающе. Как будто горячая ладонь на шею легла. И чтобы избавиться от этого глупого ощущения, Женька с головой нырнула в воду.

Баяр едва не вскочил и не бросился к реке: женщины кохтэ плавать не умели, никто их не учил, да и мужчина не каждый мог. Сам он умел, конечно, как сотник – он должен быть лучшим. Удержал себя почти силой: понятно же, что Дженна воды совсем не боится. Вон она вынырнула, отфыркиваясь и весело встряхивая мокрыми волосами, а потом сильными гребками поплыла к середине реки. У него заныло в паху. Какая женщина! Он таких не встречал никогда. Ноги стройные, лодыжки, худые бедра... Серая тонкая рубашка, так мягко очерчивающая тело... Как он вообще умудрился принять ее за мальчика? Как они все не разглядели? Не иначе наваждение. Морок. Даже Тойрог она обманула, что уж говорить о кохтэ!

Да. Воин. Тут не поспоришь. Дикая кошка...

Вышла из воды, отжимая короткие волосы, в мокрой рубашке, липнувшей к телу и не оставляющей простора для воображения, и Баяр вдруг вспомнил, что сам купался при ней голым. Разглядывала ли она его вот так же жадно? Попытался вспомнить. Не смог. В голове был какой-то туман. А! Это не в голове. Это у него лепешки сгорели.

Глава 19

Дикая кошка

Дженна, настороженно глядя на степняка своими невозможными светлыми глазами, приблизилась. Штаны, кое-как натянутые на мокрые бедра, покрылись темными пятнами. С рубашки текла вода.

Баяр со вздохом поднялся, кинув ей: «Лепешки можно есть», – и принялся рыться в седельных сумках. Достал свою рубашку, бросил на траву:

– Переоденься в сухое.

– Отвернись.

– И не подумай. Ты – моя жена, буду смотреть, сколько захочу.

Фыркнула негодуя, прищурилась.

– Хочешь, я сам тебя переодену?

Молча, не скрываясь и ничего не стыдясь, стащила через голову рубаху, демонстрируя и небольшую, но вполне аппетитную грудь, и белую кожу, и кровоподтек на ребрах. Потянулась изящно, как кошка – нет, ничего в ней нет от мальчика! – подхватила пальцами сухую одежду.

Баяр глаз не отводил, даже дыхание затаил. Да, зрелище завораживающее. Но сегодня он все равно ее не возьмет, ему совершенно не нужно, чтобы жена в постели плакала от страха или сжималась от его прикосновений. Нет. Сначала ее нужно приручить.

Он с сожалением повертел в руках покрытую черной сажей сковородку.

– Вымоешь? – спросил Дженну.

Любая женщина-кохтэ могла на такое предложение рассмеяться ему в лицо, но Дженна кивнула послушно. Все же с женой Баяру, кажется, повезло, можно и договориться. А если уж она станет слушаться его, как слушался Дженай, то и вообще все будет отлично.

– Садись. – Он кивнул на расстеленное на траве покрывало. Свернул лепешку в трубочку и протянул ей. – Нет, открой рот. Я буду тебя кормить.

– Ты debil? – спросила Женька по-русски, ловко, словно кошка лапой, выхватывая у него из пальцев лепешку. – Я не девка какая-то.

Я – воин.

– Урок послушания, воин, – терпеливо ответил Баяр, аккуратно и медленно складывая следующий хлебный пласт. – Все, что ты сейчас имеешь, исходит из рук командира. Или ты принимаешь, или идешь на все четыре стороны. Без оружия, потому что оно тоже не твое. Твоего здесь нет ничего.

Женька прищурилась и огляделась. Так, сможет ли она тут выжить одна? Без оружия и без пропитания? А запросто. Воровать она умела, долго не есть и не пить тоже. Надо только найти стан, где можно разжиться припасами. Так он и недалеко – за пару дней дойдет.

Качнула головой презрительно, попыталась вскочить – и тут же была поймана мужскими руками. Затрепыхалась, как воробушек, попыталась вырваться – куда там! Баяр держал крепко. Стиснув ее локти, силой усадил обратно.

– Бежать решила? Ну и какой же ты тогда воин? Струсила, сдалась? Как обиженная женщина? Что, так сложно из моих рук пищу принять?

Женька молчала, глядела на него с ненавистью. Зависеть она ни от кого в жизни не желала.

– Хорошо. Тогда ты меня корми. И увидишь, что нет в этом ничего страшного или унижительного.

Убрал руки, осторожно положил лепешку в миску, вытер пальцы о штаны и застыл, глядя на нее с совершенно пустым лицом. Таким... чужим. Нерусским. Азиатским. Глаза эти раскосые, загорелая кожа, выбритые виски. И что ей с ним делать? Кормить? Серьезно?

Осторожно подцепила пальцами уже подсохшую лепешку, скомкала ее и поднесла осторожно к его рту. Он откусил спокойно и принялся жевать. Отчего-то Женька глаз не могла отвести от его губ. Такие... твердые. Четко очерченные. Очень красивые. Раньше не замечала. Видела плечи, руки, глаза. Скулы азиатские. А губы только сейчас разглядела.

Кормить его вдруг оказалось не просто приятно, а очень... интимно. Как он на нее смотрел, глаз не сводил, огнем горящих! Женька краснела, руки у нее дрожали. Никогда она не делала с мужчиной чего-то настолько бесстыдного. Унижительно? Ничуть.

И когда Баяр поднес к ее рту кусочек лепешки, она осторожно взяла ее губами. Доверилась. Он усмехнулся про себя. Как все просто!

Вот уже эта пугливая кошка и ест из его рук. Скоро и приласкать себя позволит.

Лепешки кончились слишком быстро. Жара начинала спадать.

– Устала? – поинтересовался Баяр. – Ложись спать. Я искупаюсь и присоединюсь к тебе.

– Вот так, без шатра? – растерялась Женя.

– Ночи еще теплые, а замерзнуть я тебе не дам.

Он пожал плечами и принялся раздеваться. Женька быстро опустила глаза. Разглядывать его было неловко, хотя очень хотелось.

Как все усложнилось для них обоих! Им было так легко рядом в ролях «учитель и ученик», а вот став женой, Женька просто не знала, куда себя деть. Он ведь сейчас намекнул? Или – прямо сказал? Ночью будет приставать? Дает ей время морально подготовиться, да? За это она была почти благодарна. Даже трястись перестала. Ночь так ночь, ничего страшного. Потерпит. Зато можно будет больше ничего не бояться. Лучше уж – сегодня. К тому же вероятность забеременеть почти нулевая. А потом уже они друг к другу привыкнут, и Женька осмелится поговорить с ним о детях. И вообще – сбежать она всегда успеет, не так уж это и трудно, только пока Баяр не сделал ничего такого, из-за чего ей хотелось бы сбежать. Даже кормление оказалось совершенно не страшным.

Все же оглянулась на него, а потом подумала – какого черта! Схватила сковородку и пошлепала к воде оттирать ее песком. Заодно и полюбуется на красивого мужчину. Теперь она могла себе позволить любые фантазии. Этот мужчина каким-то невероятным образом был ей вполне доступен.

Сковородка очищаться отказывалась. Баяр, краем глаза поглядывающий на ее мучения, подошел к ней – совершенно голый, абсолютно! – и насмешливо посоветовал:

– Брось. Утром ножом отскребу.

Медленно, очень медленно Женька подняла глаза. Ощупывая его взглядом, не упуская ни малейшей детали. И ноги разгледела, чуть расставленные, и все, что между ними, и дорожку черных коротких волосков внизу живота, и бронзовое тело, худощавое и мускулистое, покрытое каплями воды.

– Нравлюсь? – насмешливо спросил Баяр, когда Женька наконец взглянула ему в лицо.

Она прикусила губу и кивнула, отчаянно покраснев, но не отводя глаз. Сказать что-то уже не смогла, горло перехватило от дикости момента.

– Ты тоже мне нравишься. – Он протянул руку, поднимая ее.
Неужели это случится сейчас, сегодня?

Нет. Баяр заглядывал в ее огромные глаза цвета неба и понимал: рано. Бойтся она. Ей нужно еще немного времени. Он потерпит. Самое главное друг о друге они сегодня поняли. Он – мужчина, она – женщина.

Невозмутимо натянул штаны под ее изумленным взглядом. Надел рубашку. Растянулся на одеяле, приглашающе похлопав рядом с собою. Дженна, недоверчиво моргая, тихонько, на кошачьих лапках, подошла и опустилась рядом, и даже не протестовала, когда он притянул ее к себе, прижимая к горячему телу. Да, не могла она не ощутить его отчетливого возбуждения. Он все же мужчина. Ворочалась, словно нарочно его будоража, пока он тихо не выдохнул ей в затылок:

– Да спи уже. Встаем на рассвете.

И заснул, уткнувшись в ее влажные после купания волосы.

А зачем теперь на рассвете? Они куда-то спешат? И что же, он совсем ее не хочет? Нет, оно и к лучшему, конечно. Но немного обидно. Самую малость.

Разбудили Женьку далеко не нежно.

– Дженай, утреннюю тренировку никто не отменял. – Баяр тыкал ей в бок плечом лука. – Стреляешь ты все еще неважно, будем с этим работать.

Она медленно села, хлопая длинными рыжеватыми ресницами и поправляя съехавший ворот слишком широкой чужой рубахи, не замечая, как Баяр быстро облизнул губы и тихо вздохнул. Он-то спал далеко не так безмятежно.

Поднялась, забрала у него лук. Молча. Она и раньше была не особо разговорчивой, а сейчас и вовсе – все слова растеряла. Кивнула в знак того, что согласна.

Он был уже на ногах и, кажется, давно. Волосы и плечи влажные, в котелке на костре что-то варится, сам раздет до пояса, в одних исподних штанах по колено. На миг Женьке даже стало стыдно за свой

крепкий сон, но она подумала, что раз Баяр спокоен, значит, нечего и ей переживать.

Невозмутимый, с лицом, застывшим, как маска, степняк указал ей на установленный в нескольких шагах шест, а на нем – кусок полотна. Мишень, стало быть. Ладно, она поняла. Тренировка есть тренировка. Хотя, конечно, Баяр был какой-то не такой. Но пока не ругается – ладно.

Степняк, разливая травяной отвар по деревянным чашкам, задумчиво наблюдал за женой. Красивая. Гибкая. Сильная. Он думал, что из Дженая вырастет красивый мужчина, а вышло вон оно как. А спать он ночью не мог совсем. Проснулся, держа ее в объятиях, прижимая к себе, случайно нащупал грудь и пропал. Она прижалась к его паху ягодицами, спиной к груди – видимо, замерзла. А он так больше и не уснул, измучившись от желаний тела. Подскочил, едва только небо на востоке начало светлеть, занялся делами, ругая себя за несдержанность.

Сам, конечно, виноват. Женщины у него не было, наверное, уже три луны. Он вполне был способен воздерживаться и дольше, это не трудно. Только не когда спишь на одном одеяле с собственной женой.

Ему нравилось ее упорство. Дженна действительно воин. Не соврал Аасор, не ошибся Тойгон. Не удержался, подошел к ней сзади, положил руки на ее пальцы, обнимая со всех сторон, вдыхая запах волос. Она вздрогнула всем телом, стрела ушла куда-то в небо. Зашипела сердито.

– Руку чуть ниже, – тихо пояснил Баяр. – Не напрягайся так, расслабь спину. Учитывай ветер от реки, бери чуть правее и ниже. Ноги расставь, согни немного.

Скользнул ладонями по ее бедрам, с трудом удерживаясь, чтобы не вжать ее в себя со всем пылом страсти. Провел рукой по пояснице, чувствуя, как она послушно расслабляется. Какая... чуткая! На его прикосновения отзывается, как вода. Ее можно лепить как глину. Да, в постели им будет сладко, Баяр был в этом уверен. И не мальчик уже, но мысли постоянно опускались ниже пояса.

На всякий случай сделал шаг назад.

Женька выпустила стрелу – точно в цель.

– Ну и к чему все это? – недовольно проворчала она. – В неподвижную мишень любой дурак попасть сможет. В бою никто не

будет ждать, пока я ноги правильно поставлю!

Умная девочка, верно говорит.

Баяр вернулся к костру.

– Так и с лошади ты по первости падала, – негромко, с насмешкой сказал он. – А потом привыкла к ней, словно ты кох, которого в младенчестве на коня посадили, да на коне и вырастили. Так и с луком: сначала услышь его, почувствуй, сделай своим другом, а потом уже без него и жизни не будешь представлять.

О да, и с женщиной так же. Пусть услышит, почувствует... а потом и полюбит. Если очень повезет.

Женька вздохнула и выстрелила еще раз. И снова – в цель. И еще раз. Неужели, как он и сказал – подружилась с луком?

– Иди завтракать, пора в путь. Спешить нам некуда, но и сидеть на месте нет смысла.

Глава 20

Новые уроки

Женька ехала рядом с Баяром и мучительно размышляла. Ситуация явно складывалась не в ее пользу. Странный. Готовит сам, ночью не тронул. Когда подошел к ней утром, прикоснулся – она едва удержалась, чтобы не бросить лук и не растечься по нему всем телом. Хотелось расслабиться. Потерять контроль. Сдаться на милость победителя. Но он даже не позволил себе ничего лишнего, только поправил ее стойку и отошел. Неужели все-таки она ошибалась? Не нравится ему?

Стоп, Евгения как-вас-там, ах да, Александровна (отчество ей дано было наобум, поэтому для Женьки никакого значения не имело), а какая вам вообще разница, что от вас нужно Баяру? Зачем – нравиться?

Женщине от мужчины – одни проблемы. Мужики женщин непременно пытаются подмять, командовать ими, лишиться сил и голоса, превратить в покорных рабынь. Ничего хорошего ей внимание и интерес Баяра не принесут. И все же отчаянно хотелось, чтобы он ее заметил!

Поздравляю, Евгения Александровна. Вы влюбились. Право, не стоило. Вырывайте из себя это чувство с корнем, пока еще не поздно. Не позволяйте к себе притронуться, будьте противной и гадкой, чтобы ни один мужик даже не подумал увидеть ваши слабости, понять вашу дикую тоску по теплу и нежности.

Кто считает, что детдомовские девочки не мечтают о розовых соплях, телячьих нежностях и ванильных пони, тот в корне не прав. Где-то внутри каждой живет надежда, что это она – та самая, одна из десяти по статистике. Которой повезет. У которой будет настоящая семья, дети, муж, дом и кошка. Кошка – обязательно. А еще лучше – большая собака. Теплая, пушистая, которую всегда можно обнять. Каждая детдомовская девочка – как маленькая разбойница из старого советского мультфильма. Ей очень нужен кто-то, в кого можно уткнуться и поплакать. И губы, которые хочется ловить губами, очень нужны.

Но с годами понимаешь, что эти желания очень, очень опасны. Они делают тебя слабее. Доверять в этом мире вообще никому нельзя, нет таких людей, которые не воспользуются твоей слабостью. В том мире – она и правда не встречала ни одного подобного человека. Даже ее лучший друг Костик периодически таскал у нее деньги и ценные вещи, но он был болен, и Женя всегда прощала. Единственный ведь, практически брат.

А здесь... Аасор ей помогал совершенно бескорыстно. Лечил ее, кормил, сохранил ее тайну. Удивительно! Листян – эта девочка вообще ее любила, Женька понимала это ясно. За что? Вот уж чудеса! Просто за то, что Женька – это Женька, кажется, от осознания этого внутри становилось тепло.

Баяр то и дело оборачивался, наблюдая за женой. Ему очень хотелось узнать, о чем она думает. Лицо у нее было нежным, мягким, на вечно сжатых упрямых губах мелькала улыбка. Что она пережила в жизни, отчего стала такой... закрытой? От кого пряталась? Ему казалось, в его руках она словно степь под дождем – оживает, меняется, расцветает.

Женщина, жена. Чего он от нее хочет? Женился – понятно. Был порыв спасти от неминуемой расправы глупого мальчишку. Была жалость – прекрасно он понимал, что Дженна ляжет под хана, хочет она того или нет. И это ее ломает, как сломало Элию. Дженай был своим, Баяр нес за него ответственность. Но было и большее. Жадность? Пожалуй что так. Такая женщина – и кому-то другому? Нет, не отдаст. Восхищение? О да! Она – достойна. Его всегда восхищали сила и упорство, он выбирал в свою сотню самых лучших, самых наглых, самых отчаянных. Но она не была наглой, она была именно что упертой. Как самый лучший лук – можно его гнуть, а он распрямляется. Как тетива – упруго бьет по пальцам, способна и стрелу в полет послать, и искалечить неловкого стрелка. Как кинжал – может удобно лечь в ладонь, а может перерезать горло, смахнуть с себя капли крови и сверкать на солнце дальше. Да. Если он сумеет заполучить ее всю, целиком – лучше жены и выдумать невозможно.

И сразу понятно, чего он хочет: ее доверия, ее силы и ее слабости. Ее женственности и ее *стойкости*, которые он привык находить *только в мужчинах*. Надо научиться пользоваться этим новым оружием – женой.

А раз он понял, то стоит встряхнуться и учиться быть мужем. Заботиться не о сотне самостоятельных мужиков, а об одной женщине, к тому же еще не обученной до конца. Например, решить вопрос с обедом. Припасы тратить нет смысла, пока рядом – знакомые просторы.

– Остановимся вон там, возле рощи, – скомандовал он. – Что скажешь?

Баяр помнил, что она обладает даром предчувствия. Тоже – прекрасно.

– Тут тихо, – качнула головой Дженна. – Только...

– Что?

– Мне кажется, там... – Она махнула рукой в сторону высокой травы. – Живой кто-то. Неопасный.

– Все, что тут живое и неопасное, – это наш обед, – улыбнулся уголками губ Баяр. – Ты сможешь костер развести?

– Конечно.

– Там в роще есть маленький родник, набери воды в котелок и поставь на огонь.

– Хорошо.

Мягко спрыгнула с коня, не дождавшись, пока он поможет. Или не захотела его прикосновений, или просто показывала самостоятельность. Что ж, имеет право. Баяр расседлал коня, стреножил и скинул тюки на землю. Место это он знал хорошо, часто здесь бывал. И чем дальше к горам – тем больше будет таких рощ, только пока еще тут территории кохтэ, а в горах живут и грэны, и всякие дикие звери. Там нужно быть настороже. Пока же – можно и расслабиться.

– Я возьму твой лук, – сказал Баяр. – Он меньше и легче. Если что – прячься. Не рискуй собой.

– Разумеется, – легко пожала она плечами. – Я не самоубийца.

Неслышно ступая, изящно и красиво, как дикий зверь, он уходил все дальше. Женька как замороженная смотрела ему вслед. Да, разглядывать женскими глазами мужчину в своем командире оказалось очень увлекательно. И больно. В далеком отрочестве она так же разглядывала другого, и теперь воспоминания все навязчивее лезли в голову. Нет, по объекту влюбленности она совершенно не скучала, а вот по самой себе в те годы – даже очень. Та Женька еще умела и

хотела любить и мечтать. Не строить планы, просчитывать шаги наперед и заранее выискивать пороки и слабости людей, а верить в лучшее и ждать от жизни чудес. Не выгрызать успех зубами, не добиваться его изо всех сил, а наивно представлять, что ее полюбят за то, что она есть.

Жизнь быстро расставила все по местам, научила цинизму, убедила, что любви не существует, а все кругом лгут и стремятся использовать друг друга, выжать до капли, выкинуть и найти следующую жертву. А значит, нужно вырастить зубы и нападать первой.

А Баяр совершенно неожиданно вступился за нее, защитил, спас от проблем и, кажется, ничего не хотел взамен. Даже секса. И это было неправильно. За все надо платить, благодарить, иначе потом тебя защищать больше не будут. А она – что делала? Рычала на него, огрызалась, отталкивала? Нет, Жень. Так не нужно. Вот он придет – и ты давай, благодари, как умеешь. А умеешь ты немного. И все, что у тебя есть нужного ему – это женское естество. И значит, благодарность может быть сейчас только одна – твое тело.

Мысль о том, что она уже и сама не против близости, Женька тщательно затолкала туда, где совесть не найдет. Нет, она совершенно не верила в сказки. И в чудеса тоже. Несмотря на то, что в этом мире чудес – хоть ложкой черпай.

К возвращению Баяра костер был разложен, вода в котелке кипела, а Женька едва могла усидеть на месте. Она даже ухитрилась постирать свои скудные вещи и развесить их сушиться. Она бы и одежду Баяра простирнула, да побоялась шарить в его сумках.

Он бросил на землю пару каких-то неизвестных Женьке пестрых птиц, и она содрогнулась, вспоминая, как однажды украла курицу из чьего-то курятника. Ощипывали они ее с Костей полдня, не меньше, выпотрошить и зажарить толком не смогли, так и похоронили с честью – полусырую. На вопрос мужа: «Разделать сможешь?» – Женька испуганно покачала головой.

Он не рассердился, не высказал своего недовольства, а спокойно отрезал пташкам головы и повесил за лапки на ветку. Тягучая кровь закапала на землю. Умылся, напился воды из родника, скинул рубаху и штаны, оставшись в исподнем, а потом снял одну из тушек, быстро окунул ее в кипящую в котелке воду и ловко ощипал. Тот же трюк

проделал и со второй. Отрезал лапы, сделал надрез снизу, принялся потрошить.

Женька смотрела внимательно, даже не учитывая, что она женщина – любой воин должен уметь позаботиться о себе. Не утерпела, достала из-за пояса нож, тот самый – трофейный. Осторожно взяла вторую тушку. Баяр бросил на нее быстрый взгляд и замедлился. Показывал, как делать. Ждал, пока она повторит. Куропатка – или кто оно там – была небольшая, мягкая, с тонкими хрупкими косточками. Женька легко справилась с разделкой и победно улыбнулась, утирая окровавленной рукой пот с висков.

– У меня есть крупа, сушеные овощи и соль, – сообщил Баяр. – Предлагаю сварить похлебку. Когда где-то осядем, будем коптить, а пока нет смысла делать много запасов: у нас и так лошади перегружены. С похлебкой справишься, или мне сварить?

– Справлюсь, – ответила Женька.

Она была уверена, что там уж сложного нет ничего. Делов-то: покидать в суп куски птицы, бросить горсть овощей и пару горстей риса. И посолить. Даже ребенок справится.

Баяр скинул рубаху и растянулся прямо на траве, прикрыв лицо. Судя по размеренному дыханию и ровно вздымающейся груди – уснул почти мгновенно. Села неподалеку, жадно его разглядывая. Какой он все же... красивый! Гладкое загорелое тело, полное сил и жизни. Ни грамма жира, ни одной лишней складки. Только мускулы и тень ребер. Снова – размечталась. Хотелось пальцами провести по животу, чтобы узнать – мягкий он или твердый. И правда ли его кожа такая гладкая, как ей кажется? А еще вчера к вечеру на лице у него была щетина, а теперь нет. Он бреется? Как? Кинжалом? Должно быть, это великолепное зрелище!

Похлебка у нее вышла – хоть плачь. Крупа слиплась в безобразный ком, прилипла ко дну. Да еще и пересоленная. Хороша хозяйюшка! Женька даже не догадалась мешать или попробовать вовремя, и теперь суматошно прыгала и пыталась деревянной ложкой хоть как-то исправить положение. Проснувшийся от ее ругательств сквозь зубы Баяр отодвинул жену, попробовал, с невозмутимым видом выплеснул половину котелка на землю, добавил воды и снова поставил на огонь. Помешал, добавил каких-то трав, пробовал, снова помешал.

Женька сгорала от стыда. Видимо, все же готовка – это не врожденный навык женщин.

И снова он ничего ей не сказал, просто подал чашку с супом. Надо признать – очень даже съедобным. Он вообще, оказывается, был молчаливым, этот степняк. А ей раньше казалось, что он только и делает, что раздает команды и с кем-то разговаривает, не замолкая ни на миг. Или это ему только с ней не о чем болтать?

Быстро опустевшие миски вымыла сама. Сняла с кустов высохшую одежду, аккуратно сложила в сумки. И наконец решилась заговорить:

– Баяр, а дальше?

Он понял ее, пожал плечами.

– Здесь хорошее место и много дичи. Чуть позже я поймаю еще несколько куропаток и запекую в углях. На завтра нам хватит. Завтра будем ехать весь день и к вечеру окажемся уже в землях угуров. С ними у кохтэ мир и торговый договор. Выменяем у них риса и соли.

– А еще дальше?

– Зимовать в степи вдвоем – сложно и страшно, можно и насмерть замерзнуть. У нас ни овец, ни собак. Поэтому я хочу пробраться ближе к горам. Там есть пещеры и вода. И много деревьев.

– А почему мы не можем присоединиться к угурам?

– Кем? Чужаками? Даже если я смогу себя проявить, буду там простым воином. Меня первого убьют в стычке, а тебя... ну... угуров своих женщин не любят. Могут выгнать или продать. В общем, лучше уж в одиночку. К тому же...

– Что?

– Нет, пока ничего. Отдыхай пока.

– Баяр... может, я постреляю?

– На сегодня хватит. Если хочешь, поучу тебя саблей махать. Но мне кажется, тяжело будет. Твое оружие – кинжал, а ты им прекрасно владеешь.

– Тренировка лишней не будет.

– Да, ты права. Бери свой нож и разувайся. Потанцуем немного.

Это и в самом деле был танец – со звериными прыжками, плавными движениями и своим особенным ритмом. Баяр, словно вода, утекал от любого Женькиного удара, как ветер, посмеиваясь, задевал ее шею или щеку пальцами. Но Дженна не сдавалась, никуда не

торопилась и даже почти не злилась, понимая, что она – всего лишь ученик. И смогла-таки поймать момент, поднырнуть под его локоть и осторожно ткнуть в правый бок острием ножа.

Он тут же замер, улыбаясь с таким довольным видом, словно это он ее уложил на обе лопатки.

– Умница, – похвалил он. – Точно в печень. Но сама понимаешь...

Да, она понимала – он просто играл с ней. Захотел бы – убил без особых усилий. Или... не смог бы. Потому что и Женька осторожничала, совсем не желала причинить ему вред. Поэтому она, усмехнувшись хитро, бросила нож на землю и предложила:

– А попробуй меня схватить теперь. Только предупреждаю – я буду драться очень нечестно и в полную силу. Один человек учил меня отбиваться от насильников.

Баяр кивнул, мысленно отметив про насильников. Значит, он все же был прав. В полную силу, говоришь, девочка? А почему бы и нет?

Она стояла рядом с ним, улыбаясь во весь рот, такая спокойная, такая тоненькая и хрупкая. Что она может ему противопоставить? Какие подлые приемы применить? Смешно. Укусит? Вцепится ногтями в лицо? Пнет ниже пояса? Ну, пусть попробует.

Шагнул к ней, подхватил за бедра и закинул себе на плечо. Что, не ожидала? Дженна завизжала и принялась колотить его кулачками по спине, а потом вдруг обмякла и затихла. Ох, неужели сомлела от страха? Опустил ее, заглядывая в лицо, и едва успел увернуться от ладони, стремительно летящей в нос. От пинка под колено, тычка в солнечное сплетение и удара сбоку в шею увернуться уже не успел. И откуда в этой малышке столько яростной силы? Он хватал воздух губами, понимая, что недооценил соперника. Едва ли не впервые в жизни.

Глава 21

Приручение

Она отскочила в сторону, смеясь – и Баяр замер, любуясь. Светлые волосы, уже порядком отросшие, растрепались, распушились. Светлые глаза сияют, загорелое лицо светится. Вот она какая – когда не прячется в своей скорлупе!

– Давай еще раз, – азартно предлагает он.

Женька небрежно пожимает плечами: как будет угодно. У нее еще много приемов. И опыт гораздо больший, чем ей хотелось бы.

– Нападай, – усмехается она и даже пальчиком его подманивает.

Рывок – и Дженна вдруг падает на траву. Неожиданно, но совсем не больно – Баяр подставляет руку, чтобы она не ушиблась. А потом наваливается на нее всем телом, прищипывая весом к земле. Руки захвачены в плен и вытянуты над головой, ногами разметал ее ноги, лишая возможности пинаться. И лицо его так близко, что Женька вдруг узнает, что глаза у него вовсе не черные, как она думала, а карие, даже с золотистыми искорками. И губы его – те самые, красивые – так близко.

При всем своем равнодушии к физической стороне любви целоваться Женьке нравилось. И обниматься тоже нравилось – когда-то очень давно. Только она быстро усвоила, что мужчинам это не нужно, они согласны на поцелуи и объятия только при условии обязательного продолжения. И она перестала обниматься.

Сейчас же, замерев под мужчиной, она только хлопала ресницами и робко тянулась губами к его губам. Вот он, тот самый момент, которого она так ждала и так боялась! Сейчас все случится! Она вдруг по взгляду его, по напряженному телу почувствовала: он хочет. Все же – она в его глазах женщина. Зажмурилась, вдруг испугавшись неизбежного, и застыла, когда их губы соприкоснулись.

И все закончилось.

Он откатился в сторону и легко вскочил на ноги.

– Как видишь, не всегда можно справиться с соперником, – негромко сказал степняк. – Поэтому нож не бывает лишним никогда.

Женька села, не понимая – он ведь совершенно точно хотел! И хочет до сих пор – это отчетливо видно!

– Почему? – прямо спросила она, откидывая волосы с глаз. – Ты меня не взял – почему?

Он опустил на корточки рядом, протягивая руку к ее лицу. Женька невольно сжалась. Грустно улыбнулся, ловя светлую прядь и убирая ее за ухо.

– Вот поэтому. Женщин силой я не брал никогда. И не буду. Тем более – жену.

– Это не силой, – выдавила из себя Женька. – Я ведь не вырываюсь с криками.

– Ты не хочешь.

– Я... – Она прикусила губу, жалобно глядя на него. – Я не умею – хотеть, понимаешь?

– И все же я подожду, пока ты будешь готова.

– А если я никогда не буду готова?

– Я терпеливый, Дженна. Я дождусь, когда ты попросишь.

– Только-то? – Она фыркнула, как лисица. – Тогда я прошу, Баяр.

– Нет, так неправильно, – тихо засмеялся он.

– Не убедила? – вскинула брови Дженна. – А так?

Она подползла к нему близко-близко, кончиками пальцев провела по щеке, а потом сделала то, что давно хотела: осторожно прикоснулась к его рту губами. Он замер на миг, позволяя их дыханию смешаться, скользнул ладонью на ее затылок, зарываясь пальцами в мягкие волосы, аккуратно поймал губами ее нижнюю губу, потянул... И отпустил.

Поднялся, подхватил лук.

– Я вернусь, и мы поговорим, – невозмутимо пообещал ей. – Тогда я спрошу еще раз.

И исчез, оставив Дженну краснеть и возмущенно хватать воздух губами. Вот ведь... она даже слов не нашла, как обозвать этого наглого степняка! И в то же время губы ее невольно расплывались в улыбке. Еще ни один мужчина не позволял ей выбирать, никогда, ни разу. Откровенно говоря, и мужчин у нее не было. Мальчишки только. И, возможно, мужики – грубые, злые, жестокие. Для них она была лишь средством удовлетворения похоти – и уж точно не равным им

существом. А Баяр заботился о ней, слушал ее, позволял ей самой решать – и за одно это можно было в него влюбиться.

Долго еще Женька сидела, обхватив колени руками. Она внезапно почувствовала себя такой спокойной и счастливой, какой не была никогда раньше. Ей стало хорошо, и мир вокруг тоже стал прекрасным. Розовеющее небо и цветущие травы, свежий ветерок, мазки белых облаков, шуршание листвы, скрип цикад, пиликание каких-то пташек. До чего же все-таки прекрасна степь! Куда красивее, чем город или, о ужас, метро! И уж конечно, тесные людские муравейники многоэтажек никогда не сравнятся с ночевками под открытым небом.

Она любовалась. Полной грудью вдыхала чистейший воздух с запахом трав и костра и не могла надышаться. Пронзительное ощущение родства с этим миром захватило все ее естество, оно наполняло самой настоящей музыкой. Женьке хотелось петь. Песен она почти не помнила, во всяком случае, ни одна из популярных композиций, звучащих на радио, сейчас никак не ложилась на ее настроение. Не петь же «Во поле береза стояла»? Вспомнила! Вспомнила песню про ветер и степь, как нельзя более подходящую!

Ветер гоняет по полю сухие травы.
Ветер пророчит волю и дальние страны.
Ветер мои наполняет крылья и манит
Прямо с обрыва шагнуть в его объятия...
Я полечу, как ветер, в синее небо,
Я закричу, как птица, заплачу тучей.
Я поцелую нежно твои колени,
Дерзко играя легким подолом платья... [14]

Баяр, возвращавшийся с добычей, замер, застыл. Никогда он не слышал подобного. Песня на незнакомом языке, светлая, удивительно мелодичная, его просто заворожила. И голос Дженны – такой чистый, прозрачный, как ручей. Вот оно как. Она все больше напоминала ему цветок – хрупкий и нежный, распускающий свои лепестки в его руках. Он думал, что цветок просто красивый, а теперь словно почувствовал его пьянящий запах. Головокружительно и прекрасно.

Песня закончилась. Он нарочно зашумел, чтобы не напугать ее своим внезапным появлением. Дженна вскинула голову и улыбнулась ему – очень спокойно и мягко. Что она успела осознать и принять? Непонятно.

– Я принес еще куропаток, – сказал он негромко. – И нашел гнездо с яйцами. Утром будет яичница.

Женька кивнула, радуясь. Птиц ей, конечно, стало немного жалко, но особо сентиментальной она никогда не была. А яичницы вдруг захотелось безумно.

– Сейчас быстро разделаем птицу, я закопаю ее в угли. Это – наш завтрашний обед и ужин. Ты, если хочешь, ложись спать. Я сам все сделаю.

– Ну уж нет, – возразила Женька сердито. – У меня тоже руки есть. Я буду помогать.

Баяр кивнул спокойно, про себя радуясь тому, что она наконец-то стала с ним разговаривать и даже возражать. Хороший знак. И даже то, что ей в голову не пришло повторить свои намеки на супружеские утехи, его нисколько не расстроило. Он прекрасно понимал, что еще рано, хотя ее поцелуй и распалил его до такой степени, что пришлось сбежать.

Женька ощипывала птицу. Сопела, прикусывала губы, нервно откидывала влажные волосы со лба. Она очень хотела бросить эту пакость на землю, топнуть ногой и заявить: «Нет уж, дудки, я лучше голодной посижу, чем этой ерундой заниматься!» – но боялась показаться Баяру еще большей дурой, чем была. Как это у него так ловко выходит снять все перья одним движением? Ей приходилось вырывать по одному.

– Дженна, – он явно заметил ее мучения, – давай я. Ты лучше потроши. С ножом у тебя очень ловко получается.

В четыре руки куропатки были подготовлены к запеканию очень быстро.

Степь наполнялась ночью, как бокал вином. Уже совсем стемнело. Баяр закопал тушки птиц в угли, сложил по-особому пальцы и что-то прошептал. Угли засияли алым.

– Что ты сейчас сделал? – встрепелась Женька. Подобного она не видела ни разу.

– Ты будешь смеяться, но я заморозил огонь, – усмехнулся степняк. – Аасор учил меня когда-то нескольким знакам... Самым простым, вроде огня, воды или стазиса. А я вот пробовал их соединять. Самый интересный результат получается, когда применяешь огонь и стазис одновременно. Огонь словно застывает – и не горит, и не тухнет. Надолго его не хватит, так – на два-три часа. Но куропаткам этого достаточно.

– А эти знаки, ими любой может пользоваться? – заинтересовалась девушка.

– Нет, только тот, в ком есть искры вечного огня. Во мне – есть, и немало. Я могу даже Тойрог пробудить, как ты видела. Из меня мог бы выйти отличный шаман, но Аасор сказал, что дух воина во мне сильнее, чем дух огня.

– А мне можно попробовать? Вдруг я тоже смогу?

– Женщина? Еще ни разу... – но тут Баяр сбился, вспомнив, что и Тойрог до нее ни одна женщина не проходила, и кивнул. – Завтра. Сейчас время спать.

Он поглядел прямо ей в глаза – пристально, внимательно. Но Дженна опустила ресницы и молча улеглась на расстеленное одеяло. Стало быть, не готова. Не попросила снова. Передумала или опять испугалась. Ничего, он другого и не ждал.

Лег рядом, подумав немного, притянул ее вплотную к себе. Она не сопротивлялась совершенно, напротив, прижалась к нему доверчиво, тихо и протяжно вздохнула. Демоны! Кажется, сегодня он снова не выспится. Днем еще ничего, нормально. Но ночью мысли были только об одном. Что же, он сам дал ей время, сам позволил выбирать. Теперь вздыхай – не вздыхай, а терпи.

Глава 22

Угурская деревня

Утром все пошло быстро. Баяр, как обычно молчаливый, с совершенно каменным лицом сунул Женьке в руки миску со вчерашней похлебкой. Проснулся он снова значительно раньше ее. Каким-то образом она чувствовала, что он недоволен, раздражен, возможно, даже зол. Но вида Баяр не показывал.

Пока она ела, он успел оседлать лошадей, наполнить бурдюки водой, выкопать из золы куропаток, отряхнуть и завернуть их в ткань. Женька торопилась, не желая его задерживать, а он только шурился. И молчал. Наверное, надо было вчера все же сказать ему, что можно. Настоять. Он, кажется, ждал. Но девушка откровенно трусила. День был слишком хорош, чтобы портить его бессмысленной возней. Эгоистка! Мужчины ведь получают от этого удовольствие! Сейчас бы он был спокоен и доволен, а она могла бы и потерпеть. Как глупо!

Ехали сегодня быстро. Баяр предупредил, что места здесь дикие, водится много хищников. Здесь хорошо ранней весной – и стан ставить, и охотиться. А сейчас сухо, от реки далеко. Трава почти вся пожелтела. Лучше бы это место проехать в один день, поэтому привалы надо делать только по острой необходимости, по нужде далеко не отходить и быть очень осторожными. А к вечеру, если все будет хорошо, они доедут до земель угуров и там уже переночуют.

– К угурам можно было бы и не заезжать, – пояснял Баяр на ходу. – Крюк придется делать. Но мне хочется кое-что купить. И, может, договорюсь с ними, потом козленка заберу или еще кого-нибудь. Будет молоко, а потом и мясо.

Ближе к полудню он уже стал не таким напряженным, как с утра.

Вопреки своим словам останавливался Баяр, по прикидкам Женьки, каждые два-три часа. Он заставлял ее прыгать и махать руками и ногами и сам прыгал и тихо смеялся над ее гримасами.

А к вечеру трава стала зеленее и начали появляться деревья, потом Женька почувала запах дыма.

– Угуры живут в домах, – сообщил Баяр. – Сегодня будем ночевать под крышей.

Женька, желудок которой давно уже переварил маленьких куропаток, истово закивала головой. Она была совсем не против ночевать и под открытым небом, но вот за кусок хлеба отдала бы сейчас пару лет жизни. А ведь где дома – там и хлеб. И, возможно, даже баня.

– А почему кохтэ не живут в домах? – спросила она Баяра.

– У нас мало воды. Те же угуры занимаются земледелием, выращивают рис, пшеницу и ячмень. У них столько рек, что это вполне возможно. А мы выращиваем скот. Когда овцы и буйволы съедают всю траву, стан уходит в другое место.

– Ну вы же воины, – не унималась Женька. – Могучие и сильные. Отчего не завоевали эту землю?

– Пытались, – пожал плечами Баяр. – И еще не раз пытаться будем. Но угуров намного больше. В последнюю войну сильно много погибло кохтэ. Старики еще помнят это поражение и рассказывают внукам и правнукам. Вот когда забудут, когда снова вообразят себя великими и непобедимыми воинами...

– А если бы ты был ханом, ты бы пошел воевать?

– С кем? С угурами? Глупость. Я бы заключил с ними союз и вырезал всех иштырцев. Занял бы их земли, взял бы их женщин и детей. Вырастил бы как своих. Они бы стали кохтэ. И вот когда мой народ уже не вмещала бы степь, тогда бы и пошел войной на угуров. Знаешь, Дженна, в чем сила кохтэ?

– В чем?

– В детях. Мы любим своих детей. Они – благословение народа. А угуры любят стариков. Детей у них много, но они часто умирают. И женщин – много. Женщина у угуров – служанка, ребенок – лишний рот. Народ, который не любит своих детей, никогда не будет процветать.

Что-то Женька не заметила особого процветания среди кохтэ, но в словах Баяра, пожалуй, была истина. Наверное, если у них нет детских домов и брошенных детей, то это уже признак великого народа. Поэтому она не стала больше задавать вопросы, а просто почесала тихо зудящий затылок.

– Здесь люди.

– Почуяла? Да. Не враги. Дозорные. Нас двое, мы спокойны. Не тронут, мы не опасны для них.

А за холмом начались пронзительно-зеленые поля и появилась деревня. Маленькие кривые домики с крышами, покрытыми палками и соломой, брехливые собаки на каждом дворе, бегающие голозадые дети и вонь от помоев. Да, кохтэ как-то сразу показались Женьке куда более цивилизованным народом. Во всяком случае, они для естественных надобностей выкапывали ямы, а потом закапывали их. Тут же всю дрянь, кажется, сливали в канавы вдоль дороги. А дети так и вовсе присаживались прямо посередине единственной широкой улицы, не стесняясь никого.

– Баяр, – Женька приблизилась к мужчине, коснулась его колена рукой, – а может, переночуем в поле?

– Здесь не выйдет, – вздохнул степняк. – Змей очень много.

Вопросов у девушки больше не было. Змей она не то чтобы боялась, но сталкиваться с ними не жаждала.

Угуры говорили на незнакомом ей языке, но Баяр вполне свободно с ними общался. Остановился возле большого и вполне приличного на вид дома, спешил и Женьку с лошади снял, провел внутрь. Тут было тесно, люди сидели на циновках на полу, за низенькими квадратными столиками. Что-то ели прямо руками, что-то наливали в деревянные чашки из глиняных бутылей.

Степняк перекинулся парой слов с хозяином сего чудного заведения, потом провел Женьку сквозь обеденный зал внутрь дома – в крохотную комнатку с узким окном, затянутым мутной пленкой. Все, что здесь было – большой тюфяк сомнительной свежести на полу и маленький столик в углу.

– Подожди здесь, – велел Баяр Жене. – Я быстро. И вот, возьми.

Вручил ей свой кинжал – длинный, острый – и исчез за дверью.

Если это называется – ночевать под крышей, то она предпочитает шатры, однозначно. Или даже – лесную поляну. Попинала ногой тюфяк, надеясь, что внутри нет мышинного гнезда, подняла тучу пыли. Вздохнула тяжело и оперлась на стену. Умыться бы, да негде.

Баяр и правда вернулся очень быстро. Принес их тюки с одеждой, кинул в угол, с сомнением оглядел тюфяк – совсем как Женька пару минут назад – и постелил поверх него привычное уже покрывало.

– Отдыхай, сайхан.

– Сайхан? – Женька наморщила лоб, пытаясь вспомнить слово.

Баяр весело улыбнулся, пытаясь ей объяснить:

– Как ягода. Вкусная. Приятная. Как студеная вода в полдень.

А! Сайхан – сладкая. Тут уж Женька покраснела по уши. Нет, про воина «сайхан» не скажут. Так называют ту женщину, которую хотят. Она – сайхан? Немыслимо просто. И почти смешно....Если б он не смотрел вот так жадно, словно ребенок на новогодний подарок. Совсем смутилась, почти до слез, отвернулась, разглядывая покрывало. А он снова вышел и вернулся уже с двумя деревянными мисками, от которых шел пар.

О! Ужин, причем великолепный. Маленькие круглые хлебцы, пропитанные маслом. Тарелка мелкой жареной рыбы. Рис с каким-то острым соусом и с кусочками странного мяса. И палочки. Палочками Женька когда-то научилась пользоваться, поэтому весьма ловко подцепила мясо и принялась его разглядывать. Мало ли гусениц или тараканов каких подсунут!

– Это змея, – спокойно сообщил Баяр, который предпочел есть руками, сразу отодвинув незнакомые приборы. – Я ведь говорил, что здесь много змей.

Хм, ну это явно лучше, чем тараканы! К тому же змей Женька еще не пробовала, поэтому выделываться не стала, а с удовольствием все съела под слегка удивленным взглядом мужчины.

Спали на тюфяке в обнимку, Женька сама с готовностью подползла к теплomu телу и доверчиво прижалась к мужу. Оказывается, ей всю жизнь не хватало этого ощущения близости, этой защищенности. Рядом с Баяром ей было очень уютно и спокойно.

Баяр же снова не мог спать. Проваливался в дремоту, выныривал, снова и снова вдыхал запах кожи Дженны, едва касаясь, гладил ее волосы и плечи, а она только вздыхала во сне, ворочалась, а потом утыкалась носом ему в ключицу.

Безумие, наваждение! И все же он ни за что бы уже не согласился от нее отказаться. И если бы ему дали возможность снова выбирать – поступил бы точно так же. Стоила ли эта женщина, израненная, напуганная, искалеченная душой, жертвы ценой во всю его жизнь? Разглядывал ее, представляя в темноте светлые как небо глаза и белую нежную кожу. Такая другая, непохожая на их смуглых желтоглазых женщин... Красивая! Женщиной она была куда красивее, чем мальчишкой! Баяр не мог понять, что он ощущает. Любить он никогда не умел, ему это было не нужно. Друзья его являлись соратниками,

бойцами, защищавшими спину. Они были преданны ему, а он – предан им, потому что иначе нельзя выжить. Пес оставался всего лишь псом, отец – примером и владыкой, многочисленные тетки – досадной помехой, которую нужно терпеть. Лишь к лошади Баяр мог испытывать какие-то чувства, похожие на нежность, а теперь вдруг его выворачивало от мысли, что Дженна могла отказаться стать его женой или попытаться его прирезать в ту свадебную ночь – он был к этому готов, он этого ждал.

Но нет, она спала рядом, так близко, так доверчиво обнимая... словно и в самом деле была – его.

И не понять теперь, чего он в нее вцепился. Такая жена – не самое большое приобретение. Женщина-воин, которая ходила в набеги – позор или гордость? Что будет дальше? Примет ли она его своим мужем? Сможет ли родить ребенка? Про большее он и не думал, и так ясно, что от Дженны глупо ждать зашитой рубахи, а стряпню ее он уже пробовал, не помер, и хорошо.

И все же он знал, что не жалеет ни о чем. И если бы она отказала ему – Баяр дрался бы за нее и с друзьями, и с братьями. Она должна быть только его. А что до сна... выпится еще. Успеет. Недолго осталось. Еще пара дней – и она будет его. Со всеми ее изломами, страхами и желаниями. Со всеми «не умею» и «не хочу». Он уже начинал ее открывать, словно новые земли, разглядывать, словно узор на рубашке, и с каждым вздохом все меньше видел в ней мальчишку Дженая и все больше – Дженну. Красивую, яркую и смелую. Он позволит ей быть такой, какой она может стать. Он слепит из нее такую жену, что вся степь падет к ее ногам.

Баяр знал один секрет, который поведала ему когда-то мать: настоящая женщина в силах сделать из своего мужа истинного мужчину и воина. А настоящий мужчина способен открыть в жене особенную женщину, прекрасную и сильную, которая будет смотреть только на него.

Глава 23

Наедине и едины

Нет, угуры Женьке решительно не нравились всем, кроме, пожалуй, еды. Вот еда была великолепная, даже змеи. И чай был настоящим чаем, а не травками с запахом травок. Зато грязь везде – просто феерическая. Женька никогда не видела таких грязных полов, грязных детей и грязных одежд. Удивительно, но кохтэ, живущие в степи, оказались куда более чистоплотны.

А здесь она не утерпела и вымыла тарелки, прежде чем позволила положить в них еду, а потом Баяр, усмехаясь, сказал, что посетители постоянного двора приходят обедать со своей посудой и личными палочками. Женька поглядела на него гневно и потом долго ворчала, что он ее не предупредил. А он только улыбался. И это ей ужасно в нем нравилось: он вообще ни разу еще не повысил на нее голоса и не сказал ни единого обидного слова. Очень спокойный, почти безэмоциональный на первый взгляд – но она уже научилась чувствовать его настроение по тени улыбки в уголках губ или по взгляду, порой неожиданно пристальному, почти обжигающему. Она всем телом, даже не оглядываясь, ощущала, когда он смотрит на нее с желанием. Удивлялась – что он в ней разглядел такого, что так смотрит? И радовалась. Ей отчаянно нравилось быть рядом с ним Дженной, а не Дженаем.

– Баяр, а чем ты собираешься торговать? – спросила она у степняка, проверявшего сумки. – У тебя есть что-то ценное?

– Да, – кивнул он, извлекая из торбы связку чего-то пестрого и пушистого. – Смотри, это хвостики кусарок. Из них в Угурии делают самые лучшие кисти.

– Кисти?

– Да, для рисования. Здесь очень ценятся рисовальщики. Угуры украшают свои жилища и храмы картинами.

Женька скептическим взглядом обвела убогую комнату. Что-то она не заметила тут никаких картин!

– Да не в деревнях, – тихо фыркнул Баяр. – В городах. Ну и храмы здесь удивительной красоты. А у кусарок плотный и мягкий мех,

именно из хвостов получают самые тонкие кисти. Увидишь, мы продадим их очень дорого. А водятся эти противные зверьки только в степи.

– Почему противные? – замороченно спросила Женька.

– Мелкие и прячутся быстро. Поймать их очень сложно. Наран даже пытался приручить дикую кошку, думал, что будет ловить для него кусарок. Но не вышло, кошка чуть не сдохла, отказывалась есть и пить. Пришлось отпустить.

– Надо было котенка брать, – вздохнула Женька. – Выкармливать молоком.

– Да, я тоже так думаю. Но попробуй котенка у матери заberi. За такое сама степь накажет. Нельзя убивать кормящую мать, а так просто ни один зверь своего детеныша не отдаст. Звери порой гораздо чище и добрее людей.

Женька, вспомнив свое детство, кивнула. Протянула руку, чтобы потрогать эти самые хвостики, а Баяр вдруг заулыбался, как мальчишка, и мазнул ее пушистым мехом по носу. Она замерла, хлопая ресницами, а мех заворачивающе медленно скользнул по щеке, потом по губам, спустился на шею, приласкал ключицы. Снова этот его взгляд – потемневший, жадный. Она, не раздумывая, шагнула ему навстречу, обхватила руками, запрокинула голову. Готова – и он это видит, не может не видеть. Согласна на все, что он захочет.

Связка драгоценных хвостов упала на пол, мужские руки обхватили ее, вжимая в твердое тело. Горячие как огонь губы прижались к чувствительному местечку за ухом. Женька дернулась, задрожала. Сильные пальцы, отодвинув ткань просторной рубашки, скользнули по ребрам. На мгновение Баяр застыл, тяжело дыша, а потом выпустил ее из рук. Взглянув в наполненные разочарованием светлые глаза и надутые губы, тихо засмеялся.

– Не здесь, сайхан. Не сейчас. Ты достойна большего. Пусть нашей крышей будет звездное небо, а ковром – шелковая трава матери-степи.

Что ей оставалось делать? Только кивнуть и поднять с пола их «валюту».

В центре деревни дома оказались побогаче, чем на окраине, даже обмазанные глиной и побеленные, с деревянными крышами,

с резными столбиками, к которым были привязаны разноцветные мешки.

– Это хлеб для нищих, – пояснил Баяр. – Черствый. Голодный будет рад, а сытый пройдет мимо. Считается, что духи охраняют милостивых людей. Наверное, так и есть.

Ведя коней на поводу (верхом по деревне ездить запрещалось), они дошли до небольшого рынка. Несколько навесов с овощами, рыбой и зеленью, пара добротных лавок с тканями и посудой – вот и весь ассортимент. Небогато, но оно и понятно, деревня не самая большая. Зато рыба пахла рыбой, а зелень – зеленью. На вид все – свежее.

Баяр был прав – за каждый хвостик кусарки торговец тканями и красками дал по большой квадратной монете с отверстием посередине. На эти монеты Баяр купил мешочек соли, новую сковородку (старую они все же забыли у реки), муки, риса, сушеной моркови, связку рыбы и пару копченых змей. Остановился на миг у лавки с одеждой, сунул Дженне поводья коня и нырнул внутрь. На связке у него оставалось не меньше десяти монет.

А вышел со свертком и, кажется, без денег. Встряхнул нечто яркое, изумрудное с золотом, велел Дженне:

– А ну примерь. Руки расставь.

Женька догадывалась, что это какая-то одежда, но на ее взгляд она была слишком непрактичной. Шелк же! Глубокого зеленого цвета, расшитый золотыми цветами и диковинными птицами.

– Я этот халат еще в прошлый раз тут заметил. Так и решил, что никто не купит. Очень дорогая вещь. Думаю, тебе подойдет, хоть он и мужской.

И пока Женька хлопала глазами, Баяр ловко надел на нее диковинное одеяние: сначала широкие рукава, потом запах, поясом два раза обмотал и хитро завязал. Сделал шаг назад, искрясь смехом – Женька так и стояла на цыпочках, раскинув руки и боясь дышать.

Да, он знал, что халат сядет на нее, как влитой. И в какой-то мере заехал в эту убогую деревню, рассчитывая найти его непроданным. Вещь такая, что угуры не купят запросто. Сшитый скорее на мальчика-подростка, чем на мужчину, длиной до колена, с высокими разрезами – чтобы на лошади ездить. Теплый, стеганый, подбитый толстой шерстяной тканью. Шелк был только сверху. Вещь очень дорогая,

такую впору носить сыну правителя. Откуда такой халат в деревенской лавке – только духи ведают. Баяр предпочитал думать, что специально для него. Нет, ему совсем не жалко денег. Его женщина должна одеваться достойно. Холодной осенью ей будет тепло. Ну и пусть халат запахивается на мужскую сторону, и узор на нем мужской, и пояс такой, чтобы за него можно было нож заткнуть или ножны привесить. Дженна явно возражать не станет.

Женька наконец отмерла, горящими глазами разглядывала надетую на нее красоту. Погладила дрожащими пальцами гладкую ткань, очертила вышитую золотой нитью птицу. Попробовала пошевелить плечами. По тяжести одежды было понятно, что вещь на холодное время года. И отказаться бы от подобного подарка – ведь понятно же, что стоимости немислимой, можно ли себе позволить такую роскошь – но как можно отказаться? К тому же Баяр – не просто воин, а сын хана. Наверное, отказ его расстроит. Нет, не стоит его обижать.

На самом деле Женька просто-напросто была жадной, как и все дети, которые выросли в нищете. Этот халат на Женьку надел муж, теперь это – ее вещь. Не отдаст.

– Спасибо, – тихо сказала она, глядя в лицо довольному Баяру, шагнула к нему и, зажмурившись, поцеловала прямо в губы.

Миг, и он напрягся, сжал ее плечи и выдохнул:

– Поехали. Нам здесь больше делать нечего.

Все. Больше терпеть он не мог и не хотел. Сейчас увезет ее из угурских земель и сегодня ночью сделает своей. Против Дженна точно не будет, он ощущал это всем своим существом.

С явным сожалением Дженна сняла халат, очень аккуратно сложила его и убрала в сумку. Подхватив за руку, Баяр быстро повел девушку вниз по улице. Снова верхом, снова долгая дорога. Снова короткий привал и быстрый перекус холодным вареным рисом и соусом.

К вечеру оба так измучились, что ни о какой любви речи даже не шло. По каким-то своим приметам Баяр вывел их к ручью, расседлал лошадей – и они повалились на кинутое на траву одеяло. Уснули мгновенно, и даже степняк не проснулся до утра. Где там! В этот раз Женька открыла глаза первой, осторожно выбралась из-под тяжелой руки, сбегала до ближайших кустов, умылась в ручье и развела костер.

Когда ее муж проснулся, она уже заварила чай и подогрела вчерашние угурские хлебцы.

Улыбнулась его сонному виду и взъерошенным волосам, хихикнула, когда Баяр, оглядываясь, помчался к кустам, а потом, фыркая, умывался и измочил рубаху. Разделся до исподнего, демонстрируя ей свое совершенное тело. Не смотреть она не могла, глаза сами скользили по его груди и мускулистому животу.

Завтракали в неловком молчании. Женька то и дело краснела, думая про себя только об одном: дальше ли они поедут, или он прямо сейчас сделает ее своей? Передавала ему хлеб и вздрагивала, когда их пальцы соприкасались.

Вкуса еды Баяр не чувствовал совершенно. Сейчас Дженна могла скормить ему что угодно, даже яд. Не заметил бы. А как она на него смотрела! Тут даже дурачку понятно было бы: эта женщина вся – его, до кончиков холодеющих от волнения пальцев. Смог, приручил, уже забрал. Осталось только руку протянуть.

Он и протянул, оставив чашку с недопитым чаем, тихо сказал:

– Иди ко мне.

Секундное колебание, тень сомнения на лице – и она подползла ближе. Губы у Дженны дрожат, дыхание сбивается. Чего боится? Он точно знает – не его. Боли? Нет, никогда он не обижал женщин. Никакой боли не будет, в себе Баяр уверен.

Потянул девушку на себя, бережно уложил на покрывало. Быстрыми легкими поцелуями касался щек, лба, носа. Не торопился. Развязал осторожно тесьму на рубашке. Шершавыми пальцами провел по ключицам. Нежно. Трепетно. Прильнул ртом к трепещущей жилке на шее.

Женька зажмурилась, прикусила губу. Было немного страшно, но теперь она точно знала – силой не возьмет. Не обидит. Хотел бы – уже давно бы взял. Интересно, а он сам раздеваться собирается? Ей еще с привала у реки нравилось поджарое тело степняка. С каким удовольствием она бы потрогала его... Сегодня, наверное, не рискнет, слишком уж цепенеет от его прикосновений, слишком трясется в предчувствии неизбежного, но завтра... Или, может, позже... Но смотреть ей никто не запретит! Как же хорошо, что они не в шатре, а под ясным небом!

Он осторожно потянул вверх ее рубашку, стягивая через голову, замер, любуясь.

– Очень красивая. И вся моя.

Ей оставалось только опустить ресницы, соглашаясь. Твоя, конечно, а как иначе?

Горячее дыхание на ее груди, влажное движение языка, пальцы, рисующие таинственные узоры на животе. Трепетные поцелуи – на плечах, на груди, на боках. Никогда, ни разу Женьку так не любили – иначе она описать этот процесс просто не могла. Все, что было раньше, можно назвать лишь совокуплением, быстрым, грязным и почти всегда болезненным. А сейчас – с ней занимались любовью. И от осознания этого, от нежных, таких ласковых прикосновений она замирала, вздыхала и выгибалась.

Острые зубы прикусили нежную кожу, и Женька не выдержала, всхлипнула, потянула его на себя, обхватила двумя ладонями лицо и поцеловала – сама. Скользнула языком в теплую влажность рта, увлекая его в эту сладкую игру. Баяр зарычал ей в губы, завибрировал. Отпрянул на мгновение, быстро стягивая с нее, а потом и с себя остатки одежды, снова упал рядом и уже сам потянулся к ее рту. Он совершенно не умел целоваться, у кохтэ это не очень принято, но сейчас и здесь готов был вечно пить ее дыхание. Тем более что Дженне явно нравились поцелуи. Ее руки скользнули на спину, пальцы впились в кожу, притягивая ближе. Девушка сама раздвигала колени, прижимаясь своим огнем к его нетерпению, мурлыкала под его ласками, изгибалась.

Больше терпеть он не мог. Опустился на нее, сделал плавное длинное движение бедрами... и Женька широко распахнула глаза и заерзала, пытаясь ускользнуть от слишком странных, слишком приятных ощущений. Все было не так, как она помнила. Откуда этот жар, это томление, эти волны, поднявшиеся в ней? Он же вдруг сдавленно застонал, упал на нее всей тяжестью, подхватил под ягодицы и задвигался быстро и резко.

– Баяр... – растерянно выдохнула Женька, цепляясь за его плечи.

– Что, сайхан?

– А-а-х!

Он фыркнул довольно и снова прильнул к ее губам, ловя ртом жалобный всхлип. Женька мотала головой, вытягивалась в струну,

кусала его за плечи, заглушая стоны. Она выгибалась от горячих губ, от острых зубов, от ритмичных толчков его бедер, от дерзких пальцев, проникающих в самые укромные уголки ее тела.

Он еще пытался быть осторожным, нежным, но ее жалобные стоны, ногти, царапавшие спину, колени, стиснувшие бока так крепко, словно она никогда больше его не отпустит, просто сводили с ума. Он сорвался. Врывался в податливое женское тело, двигался быстро и торопливо, словно боялся не успеть. И словно удар молнии – ее протяжный крик, запрокинутая голова и пульсация, увлекающая его в самую тьму наслаждения. Его награда, его победа.

Нет. Он еще не насытился своим триумфом. Перевернул Дженну на живот, приподнял ее бедра и снова наполнил ее. Ему хотелось больше и больше, ему было мало. Баяр словно наверстывал те бессонные ночи, которые лежал на одном одеяле с ней и сдерживал свои порывы. Он никогда не знал подобного дикого желания, потребности брать, но брать, не ломая, а заставляя стонать, срывая голос.

Потом она спала в его руках, на его груди, а он рассматривал слипшиеся от слез ресницы, опухшие губы, мягкие светлые волосы. Дженна вздохнула, даже во сне ища его, уже привычно утыкаясь носом в его грудь, и Баяр вновь ощутил, как в нем вспыхивает огонь желания. Обычно в таких случаях он с женщинами не церемонился: разворачивал спиной к себе и брал. Ни одна не возражала. Но Дженну будить пожалел. И так измучил ее своей ненасытностью.

Глава 24

Планы меняются

Никогда еще Женька не ощущала себя такой счастливой. Ей хотелось петь, танцевать, бегать по траве, словно барашек, и смеяться. Хотелось ластиться к Баяру, как кошка, подставлять голову под его ладонь и мурлыкать. Удивительно! Скажи ей кто-то в прошлой жизни, что близость с мужчиной так странно на нее подействует, она, не раздумывая, дала бы этому убогому глупцу в морду. Теперь же девушка косилась на степняка, с удовольствием и смущением замечая его исцарапанную спину, следы от зубов на плечах и шальную улыбку. Он просто сиял. Вся привычная азиатская невозмутимость, каменная непоколебимость стекла с лица, словно вода.

Маски были сброшены, он то и дело бросал на нее веселые взгляды, сверкал зубами и жмурился довольно, как сытый кот.

Женька же лежала на животе – в одной только его рубашке. Больше на ней не было ничего. Подобное одеяние ее почему-то не смущало, тем более что и муж ее был в одних только тонких полотняных штанах до колена. Он снова готовил. Пек лепешки, заворачивал в них соленый сыр с травами, а потом кормил ее – из рук. Она покорно принимала кусочки еды, ловила его пальцы губами, целовала и облизывала их, с восторгом видя его вздрагивающие ноздри и горящие желанием глаза.

Да! Она желанна, она – любима. Так Женьке казалось.

Их трапеза очень быстро перешла в горизонтальную плоскость – неудивительно, оба были молоды и горячи. Дорвались. Уже никто никуда не спешил, все планы оказались забыты или отложены, у них были дела поважнее.

А когда солнце уже приближалось к горизонту, вдалеке послышался шум.

Женька подскочила, не понимая, как она пропустила приближение такого числа врагов – судя по выкрикам, лаю, топоту копыт и поднятому облаку пыли, народа было много. А Баяр, усмехнувшись, кинул ей штаны и рубашку, приказав одеваться, да побыстрее.

Сам он прикрыться не потрудился.

– Что ж, – сказал с довольным лицом, – я так и думал. Но ждал их немного позже.

Ждал? Думал?

Женька вытянула шею.

Передний всадник узнавался очень легко – по рыжей шевелюре и знакомому коню. Наран! И, видимо, вся сотня Баяра – а кто же еще?

Она немного ошиблась: всадников было явно больше сотни. Следом за сыном хана стан покинули не только мужчины.

С красивой лошадки ловко соскочила девушка с темными косами и сверкающими на солнце монистами. Листян – да еще вся увешанная драгоценностями, словно новогодняя елка! Вот уж кого не ждали увидеть ни Женька, ни Баяр!

– Сестра! – возмущенно выдохнул сын хана, но Листян не обратила на его гнев ни малейшего внимания, кинулась обнимать Дженну.

Женька была ей рада. Смеясь, стиснула в объятиях.

– Ты как, ты зачем здесь?

– Я с вами пойду, – ответила ей подруга. – Вы – моя семья. Ты сестра мне, а Баяр – любимый брат. Тут еще Гаюна и несколько вдов. За тобой идут, Дженна. Хотят, чтобы ты их учила.

Наран с несколько виноватым видом слушал их разговор, косясь на темнеющего лицом Баяра. Если сотню свою он ждал, будучи практически уверенным в том, что они ослушаются его запрета и наплюют на указы хана, потому что их командир учил своих бойцов не только стрелять из лука и махать саблей, но еще и думать, и выбирать, и быть смелыми и честными, то присутствие среди них женщин застало его врасплох. В целом понятно было, что невесты и жены выдвинутся вместе со своими мужчинами. Не стали сюрпризом и младенческие вопли: у некоторых из его сотни уже имелись дети.

Но Листян – единственная дочь хана, любимица отца! Невероятно! И вдовы!

– Как эта жужелица уговорила тебя взять ее с собой? – спросил он друга, не очень успешно пряча гнев.

Тот вдруг отчаянно покраснел, как это умеют только рыжие, даже уши у него запылали, как закатное солнце, а Листян, свысока поглядев на брата, который был выше ее на голову, поднырнула под руку Нарана и обняла его за талию.

– За женихом поехала, – гордо сказала девушка. – Имею право.

– За женихом? – мрачно повторил Баяр. – Ну-ну. А отец что сказал на это?

– Ну так мы его и не спрашивали, – усмехнулся Наран, прижимая к себе Листян. – Как ты себе это представляешь? Нет, я моего отца предупредил. Он ничего не возразил.

– Сложно возражать связанному и с кляпом во рту, – невинно заметила Листян. – Наран, конечно, хорош – самого Нурхан-гуая посмел связать!

Как будто кто-то другой посмел бы. Как будто кому-то другому старый лис позволил бы!

Баяр закашлялся, пытаясь скрыть явно неуместный смех.

– Только не говорите, что вы еще и стан обокрали, – выдавил он из себя.

– Нет, как можно! – возмутился Наран. – Там наши родители, тетки, родственники. Мы только свое взяли: шатры, драгоценности, оружие, немного припасов. И коней, конечно. И собак вон – целых трех.

– Бараны?

– Нет, с ними долго. Да что мы, не найдем в степи баранов? Воины мы или нет?

Баяр усмехнулся, признавая его правоту, оглянулся, ища глазами жену, по-хозяйски притянул ее к себе.

– Что ж, хотим мы или нет, но теперь нас не двое, сайхан, – сказал он ей. – Нас больше сотни, а это уже – целый народ. В горы ехать смысла теперь нет. Стан разобьем в степи.

Женька пожала плечами. Ей-то что? Он мужчина, командир, теперь уже – почти хан. Пусть решает. А она просто будет рядом с ним.

Наран и Баяр разложили на земле какую-то примитивную карту, выцарапанную на куске кожи. Прочие воины споро ставили шатры: негоже женщинам и детям ночевать под чистым небом. Развели несколько костров, поставили на огонь котлы. Женщины громко спорили над ручьем, дети носились вокруг них с криками. Не стан, а цыганский табор какой-то. Женьке остро не хватало медведя на цепи и танцев с бубнами.

Они с Листян отошли в сторону.

– И как твоя замужняя жизнь? – с любопытством спросила Листян. – Правду ли говорят, что мой брат неутомим в любви?

– Кто говорит? – мгновенно вскинулась Женька, внутри которой зашевелилась черная змея ревности.

– Илгыз говорит. Она была подругой Баяра несколько лет. Мы все думали, что она возьмет его в мужа, но она ушла в шатер к Карыну.

Женька ничего не понимала. Кто такой Карын, она понятия не имела, да и Илгыз ни разу не видела. Листян вздохнула преувеличенно тяжело и пояснила:

– Илгыз хотела, чтобы Баяр стал тысячником. А лучше и вовсе – ханом. Или хотя бы дарил ей много украшений и обещал богатство и власть. А Баяр все со своей сотней да с мальчишками, и совсем ему ничего не нужно было. Зато Карын разливался соловьем. Подарил ей наручи и обруч на голову, жемчужное ожерелье и серьги с кораллами. В общем, Илгыз и вышла за него замуж. Баяр очень страдал.

Тут Листян преувеличила: по ее брату и не сказать было, что он расстроился. Он вообще свои эмоции не показывал, и уж тем более – младшей сестре. Но, на ее взгляд, мужчина, которого цинично бросила недостойная женщина, заслуживает всяческого сострадания. И вообще, Дженна должна понимать, как ей повезло с мужем.

– Ну ушла и ушла, – равнодушно пожала плечами бесчувственная Дженна. – Тем лучше для меня. И тем хуже для этого вашего Карына.

– А ведь Карын вполне может стать следующим ханом! – жарко воскликнула степнячка. – Представь, что было бы с Баяром! Они никогда мирно не жили, дрались постоянно. Карын с Ирганом постоянно пакостили Сулиму, а Баяр всегда его защищал.

Женькин мозг готов был вскипеть, она совершенно не понимала, о чем толкует Листян. Какой-то Карын, какая-то Илгыз, которая сначала была любовницей Баяра, а потом стала женой другого. Бред! Чтобы перевести разговор, Женька лукаво прищурилась:

– Так ты теперь с Нараном?

Листян вдруг страшно смутилась, захлопала своими красивыми глазками, поджала губы и призналась:

– Ну... вроде как да. Но на самом деле – нет. Я с ним поговорила и согласилась стать его женой... может быть. Потом. А пока я – невеста. Но в его шатер я не пойду.

– Ты его обманула, – понимающе кивнула Женька. – Чтобы поехать с ним.

– Да. Но это ничего. Потом он обязательно поймет, что мы с ним не пара.

– А почему?

– Я – ханская дочь, а он даже не сотник, десятник! Это смешно!

– Боюсь тебя расстроить, Листян, но ты больше не ханская дочь, – фыркнула Женька. – Сестра Баяра, это да. А Наран – лучший друг и правая рука. Теперь вы совершенно на равных.

Листян смешно вытаращила глаза, ойкнув, а Женька сочувственно похлопала ее по плечу. Никто не заставлял степнячку хитрить. С Нараном она поступила откровенно некрасиво, так что пусть теперь подумает над своим поведением!

Сотня поужинала, потом принялась располагаться на ночлег. Женщин и детей размещали в шатрах, а Женька растерялась. Куда ей? Пришлось разыскивать Баяра.

Он сидел у костра и тихо беседовал о чем-то с Нараном и еще двумя степняками. Один из них был ей знаком, он вез раненого Бурсула. Кстати!

– Наран, а как Бурсул? – спросила Женька. – Выжил?

– Да, Аасор его подлатал, – живо ответил рыжеволосый. – Кстати, тебе от него огромная благодарность. Шаман сказал, ты парню жизнь спасла, все сделала правильно.

Женька улыбнулась довольно, а Баяр вдруг протянул руку, поймал ее пальцы и привлек жену к себе на колени. Прямо на виду у остальных воинов. Вырваться Женька не посмела, но рассердилась ужасно: что же он творит? Уравнивает ее со своими прежними бабами? Показывает свою власть над ней? А ведь с этими воинами она побывала в бою, что они о ней подумают? Какой стыд! Жаркий поцелуй в шею смутил ее почти до слез.

Степняк почувствовал, что жена в его руках вдруг сжалась, как от удара, заглянул ей в лицо, увидел блестящие глаза и вздохнул. Ну и что она успела придумать? Что ей опять не так? Он снова забыл, что она – не степнячка. И оставил ее одну – бросил своего только что прирученного котенка в толпу чужих людей. Не стоило. Но он слишком обрадовался друзьям и совершенно позабыл о своем новом статусе. Глупец!

– Наран, выставь часовых, – велел он другу. – Мы – спать. Шатер нам поставили?

– Да, Баяр-ах.

Вот как. Его все же признали старшим. Уже не просто сотник, а глава, самый сильный в стане. Хорошо, пусть будет так.

Поднялся, не выпуская Дженну из рук, обнимая за плечи, показывая всем, что она – его женщина, его жена. Неприкосновенная, самая главная из всех женщин в стане. Повел за собой в шатер.

Тоже – знак его власти. Остальные мужчины спят пока под открытым небом. Только мальчикам младше двенадцати лет можно ночевать с женщинами. А он – Баяр-ах. Стоит теперь выше всех своих воинов. Впрочем, если бы не Дженна, он бы, как обычно, пренебрег всеми традициями и разместился бы вместе с друзьями. И в дозор бы встал со всеми вместе. Но теперь все изменилось. Он теперь семейный. И нужно думать не только о своем положении, но и о Дженне. Нельзя ее размещать среди женщин и детей, это неправильно. Мужчины поймут и оценят его близость к ним. Женщины – сочтут за слабость, будут болтать за спиной.

Дженна молчала, снова закрывалась от него. Тихо опустилась на покрывало, отвернувшись.

– Сайхан, что не так? – просто спросил он. – Скажи мне, кто тебя обидел?

– Никто, – буркнула Женька, нерешительно потянув завязки рубахи. Раздеваться ей, или все, кончился медовый месяц? Одно дело – стонать под ним, когда рядом никого, кроме куропаток и ящериц, и совсем другое – посреди стана.

– Иди ко мне, маленькая. – Он обхватил ее руками, прижимая к себе. – Дженна, ты же у меня воин?

– Допустим, – проворчала она, ерзая на его коленях и доверчиво тыкаясь носом ему в грудь, отчего ему сразу становилось неловко сидеть.

– А я твой командир, верно?

– Ну... вроде да.

– Тогда я приказываю тебе все мне рассказать. Я как командир просто обязан быть в курсе всех проблем моих людей.

– Ох... – Женька на минутку задумалась, а потом призналась. – Ты меня выставил полной дурой при своих людях, Баяр.

– Когда успел?

– Ты меня лапал. Как будто я какая гулящая баба.

– Так. А у рюсов не принято свою жену на людях обнимать, да?

– Ага. Только доступных женщин можно хватать за руки и прижимать к себе. Продажных.

– Дженна, ты теперь кохтэ. – Он задумчиво пропускал сквозь пальцы ее светлые мягкие волосы. – У нас по-другому. Мужчина свою женщину может трогать всегда и везде. Так он показывает, что они вместе, что они не в ссоре, что он не нуждается во внимании других. И женщина своего мужчину тоже может обнимать, когда захочет. И еще... тебя обязательно спросят, силен ли я. У кохтэ не стыдно это обсуждать. Можешь хвастаться, сколько захочешь.

Женька хмыкнула довольно. Уж она похвастает, будьте уверены, тем более – есть чем.

Пальцы Баяра решительно проникли под ее рубашку, безошибочно найдя грудь. Женька выгнулась томно, сама стянула сорочку, подаваясь навстречу его рукам.

Кохтэ все же дикари, а она совершенно об этом забыла. Если так принято – пусть все видят, что этот мужчина принадлежит ей. И пусть никакие там Илгызки на ее мужа даже смотреть не думают!

Глава 25

Разведка

Среди прибывших были и мальчишки. И те, которых приняли уже в сотню, и те, кто еще не прошел Тойрог. Наран поднял на рассвете всех, кто был младше пятнадцати. Расставил мишени, выдал луки и стрелы. Когда Дженна вышла вместе с мальчиками, он растерялся, но возразить жене Баяра не посмел, помня, что она-то Тойрог прошла с честью и вообще считалась одним из учеников. Позже он, конечно, у Баяра спросит, как быть, но сейчас лучше с ней не спорить. К тому же он знал, что Дженна с ножом управляется не хуже его самого.

Но когда рядом с Дженной встала Листян и потребовала дать ей лук, Наран откровенно растерялся.

– Женщине не место среди воинов, – заикнулся было он, но красавица-степнячка покосилась на подругу и спросила:

– Она ведь тоже – женщина. Почему ей можно, а мне нет?

– Дженна прошла Тойрог, – тихо ответил Наран. – И Аасор сказал, что в ней – дух воина.

– Тойрога у нас больше нет, – дерзко ответила Листян. – И Аасора тоже. Раз ей можно, то и я буду!

Наран умоляюще взглянул на Дженну, но та вдруг лукаво улыбнулась и, встав сзади подруги, вложила ей в руки свой лук. Приобняла за плечи, повернула и громко сказала:

– Ах, Листян, сначала нужно научиться правильной позе. Жаль, что у меня слишком короткие руки, чтобы тебя направлять!

И нахально подмигнула рыжему.

В сотне Баяра дураков не было. Наран мгновенно уловил все прелести обучения своей невесты и ухмыльнулся понимающе. Тут же отодвинул Дженну в сторону, положил свои пальцы на руки отчаянно покрасневшей степнячки и уткнулся носом ей в волосы:

– Ты лук держишь неправильно. Нужно вот так... А вы, парни, стреляйте. Вы же мужчины, с луком все уже знакомы!

А Женька, пожав плечами, отправилась искать Баяра, чтобы спросить – не хочет ли он лично тренировать свою жену. С Нараном – скучно.

– Дженна-аах, а уроки будут? – бросилась навстречу Женьке одна из женщин. Взрослая, статная, с короткими черными волосами. Вдова, как видно – Женька запомнила, что вдовы обрезают свои косы. Та ли самая, которой она пару уроков самообороны показывала, или другая? Не важно. Прятаться теперь нельзя, это просто неприлично. А самовольничать – значит подорвать авторитет Баяра. Этого Женьке совершенно не хотелось. Вот и что ей ответить?

– Поговорим об этом позже, – выкрутилась она. – Я сейчас спешу.

Быстро, едва ли не срываясь на бег, Женька пошла туда, где толпились воины. Где воины – там явно должен быть ее муж.

И точно, мужчины, весело переговариваясь, седлали коней. Облаченные, между прочим, в кожаные доспехи.

– Ты куда собрался? – прямо спросила она, растолкав воинов.

Баяр обернулся с веселым изумлением в глазах.

– Вот ты где. Куда сбежала утром?

– Хотела тренироваться с мальчишками, – призналась Женька. – Зря, наверное.

– Зря, – согласился с ней Баяр. – Я сам буду с тобой заниматься. Завтра и начнем.

– А сейчас ты куда? – Женьку трудно было сбить с толку, она упертая.

– Да так... прокатимся с ребятами, осмотрим округу. Выберем место для стана.

– Я с тобой.

Не спрашивала, ставила перед фактом. Догадывалась, что он не будет рад, но упрямо сжимала губы и щурилась, разом становясь Дженаем.

Баяр вздохнул. Спорить с ней совсем не хотелось, тем более что воины внимательно слушали их разговор. А Дженна и не думала отступить, напротив, покачиваясь с носка на пятку, смотрела на него почти зло, явно готовясь стоять на своем.

– Ты обещал, – напоминала она.

Когда это он успел? Попытался вспомнить и понял – да, обещал. Когда уговаривал стать его женой. А слово свое нужно держать, потому что один раз нарушишь – и никто тебе верить не будет. Даже если ты готов был в тот момент от волнения наговорить любых глупостей.

– Хорошо, – уступил он, загоня свое недовольство внутрь, туда, чуть пониже грудины. Кошка его, значит, вздумала царапаться? Придется приручать и дальше, пока не научится слышать его по-настоящему. – Кюрен, ты остаешься. Доспех свой отдай Дженне. А коня приведите чалого со звездой, это конь моей жены, они уже подружились.

Воины Баяра были отлично вышколены. Кюрен, в отличие от Дженны, и не подумал возразить или как-то выразить недовольство. Потом он, конечно, придет к Баяру и будет возмущаться – но исключительно наедине. Возражать командиру при свидетелях дозволялось только в крайних случаях, а сейчас явно не стоило.

Молодой и худющий Кюрен снял с себя кожаный панцирь и отдал Баяру (не Дженне – так он выразил свое отношение к происходящему. О, как же Баяр любил своих парней!).

– Баяр-ах, а что мне делать?

– Займись стрелами. Посади мальчишек и женщин, пусть чинят те, что есть.

Кивнул, отошел в сторону.

Баяр же лично надел на Дженну мягкий доспех из кожаных пластин, нашитых на войлочную основу, сам затянул пояс и повесил на него свой кинжал. За спину – колчан со стрелами, лук на нее надел не так, как носили мужчины, а тетивой через плечо и на грудь. Когда-то отец так надевал лук на маленького еще Баяра, уверяя, что так проще его схватить, если будет нужно. Новички не растеряются в бою. Степняк искренне надеялся, что никакого боя не будет, рисковать своей женой он не хотел, но на всякий случай вооружил ее, как и остальных.

Привели ее коня. Снова – лично проверил упряжь и седло. Помог ей вскарабкаться. Конечно, повода не доверять тем, кто седлал чалого, у него не было, но за безопасность Дженны отвечал именно он, Баяр. Важно было проконтролировать все, что касалось ее.

Женька, пожалуй, растерялась от своей такой легкой победы. Она намеревалась ругаться, даже скандалить, а после, получив решительный отказ и, возможно, даже поссорившись с мужем, жаловаться Листян на ее брата и дуться пару дней – чтобы понял Баяр, что с ней тоже стоит считаться. Но ничего у нее не вышло: она сидела верхом на коне в тяжелом и душном доспехе, с луком и кинжалом, а остальные воины молча переглядывались и легко взлетали в седла.

И отчего ей теперь было так тревожно? Словно своими словами, своими требованиями она нарушила то хрупкое равновесие, которое между ними установилось.

Воинов было пятнадцать, Женька посчитала. Сначала ехали молча, настороженно на нее косясь, но быстро привыкли к ее присутствию и, как и раньше, начали перекрикиваться, шутить и насмехаться друг над другом. Как есть, мальчишки!

И то сказать, в сотне Баяра не было ни одного бойца старше двадцати пяти лет. Так отчего же им, молодым, сильным, дерзким, не радоваться солнцу, ветру и своей юности?

Женька прислушивалась к себе и степи. Было тихо, ее ничего не тревожило. Никаких там предчувствий, ни малейшего следа опасности. Пару раз кольнуло в затылке – ласково так, почти щекотно – и тотчас из высокой травы сорвались и помчались прочь с десяток каких-то копытных, не то антилоп, не то степных коз, Женька не разбиралась. Быстро вскинутые луки – и три последних животных упали на землю. Кохтэ – отменные охотники. А вот Женька даже за лук не схватилась, влюбленно наблюдая за красивыми грациозными антилопами. Нет, ее ничуть не возмутила смерть нескольких из них, ведь Баяру теперь кормить больше сотни человек, но все же, как красива здешняя природа!

Остановились, оглядели добычу, довольно переругиваясь и радуясь, что обход прошел не зря. Один из воинов остался для разделки, на обратном пути его заберут.

Ехали еще долго, подстрелили кучу куропаток и даже пару кусарок. Женька, ни разу на охоте не бывавшая, только глазами хлопала и головой вертела: малейшее шевеление в траве – и кто-то из воинов молниеносно вскидывает лук и стреляет, практически не целясь, а потом со смехом ищет в траве добычу. Она так не умела совершенно. Ей бы и целиться пришлось долго и тщательно, любая живность могла бы уползти за это время.

Да, все острее она понимала, что зря напросилась с ними. Лучше бы они взяли нормального бойца, чем такую неумеху, как она.

Словно заметив ее смятение, Баяр поравнялся с ней и тихо спросил:

– Устала, сайхан? Хочешь, остановимся отдохнуть?

Вот как он это делает? Одна фраза, простые слова – а Женьку наполняет самое настоящее счастье. Он не забыл про нее, он о ней заботится! Даже если и злится. Улыбнулась ему, шепнула:

– Все в порядке. Я не устала.

Баяр с удовольствием смотрел на ее улыбку. Настоящее чудо – только что из-за маски угрюмого парнишки выглянула его Дженна. Только для него выглянула. Как мало ей нужно от него – внимание и ласка! Он ведь уже знает, какой она может быть: и веселой, и насмешливой, и нежной, и горячеей в любви. Как она скулила и зажимала рот ночью под его руками и губами! Исцарапала ему спину, искусила плечи. Ох! Зря он об этом вспомнил.

Впрочем, постель – безусловно, прекрасно, но это лишь первый шаг. Приручение Дженны только началось, ему еще долго учить ее доверять и быть спокойной рядом с ним. Сложная, но такая увлекательная задача!

Протянул руку, быстро дотронувшись до ее плеча – просто чтобы убедиться, что она уже не вздрагивает от его прикосновений, улыбнулся ей одними глазами... и вернулся из темноты шатра в реальный мир.

На горизонте виднелся столб черного дыма.

– Подготовить оружие, – тихо приказал он. – Едем.

Быстрый взгляд в сторону Дженны – она качает головой, касаясь затылка. Поясняет:

– Опасности не чувствую.

Что ж, он еще не был уверен, насколько точен ее дар, поэтому не позволит застать себя врасплох.

– Быстро.

И они понеслись галопом и зигзагами – настоящий вихрь. Так в них гораздо сложнее попасть стрелой. Но оказалось, что опасности действительно нет. Точнее, опасностью были они сами.

Горел стан. И горел давно. Остовы шатров, развороченные костровища, залитая кровью трава. Кохтэ.

Людей живых нет, только тела. Женские и детские.

Баяр спрыгнул с коня, присел рядом с одним из тел, перевернул, оглядел стрелу, торчащую из женской груди, и выдохнул сквозь зубы:

– Иштырцы. Это их стрелы.

Выпрямился и закричал:

– Мы – кохтэ! Из стана хана Тавегея! Есть кто живой?

Женька подумала, что Баяр сейчас врет. Но ему виднее.

Тлеющий остов одного из шатров зашевелился, и оттуда выглянула старая женщина. На лице у нее была кровь, левую, видимо, сломанную руку она держала правой – как младенца.

– Похож, – сказала старуха, прищурившись. – Свои, кохтэ.

– Что здесь случилось?

– Знамо что, иштырцы. Туча их налетела... а у нас мужчины в набег ушли. Кто остался – тех вырезали. Женщин самых красивых угнали. Детей убили тут же – им чужие дети не нужны. Оставили в живых старух... да тех, кого на месте употребили.

Женька, оглядываясь, сглотнула натужно. Ей не было дурно, когда она зарезала троих человек в лагере иштырцев, спасая Баяра. Она совершенно спокойно стреляла в людей. Но взгляд вдруг натолкнулся на неестественно вывернутое тельце малыша не старше двух лет – и девушка спрыгнула с коня и сложилась пополам: ее стошнило. Слезы текли по лицу, колени подгибались, несмотря на яркое солнце, по спине струился пот. Вот она какая – смерть.

Баяр поглядел на жену, но подходить к ней не стал. Кивнул друзьям:

– Надо совершить похоронный обряд. Собирайте тела.

Пока мужчины делали свою ужасную работу, он подошел к старухе, вокруг которой собрался с десятков женщин: молодых и старых. Все в окровавленных одеждах, с изуродованными побоями лицами. Стиснул зубы, вспоминая, что никогда кохтэ не воевали ни с детьми, ни с хозяйками шатров – это было просто постыдно. А здесь... это были не его люди, не его семья, но бросить их вот так он просто не мог.

– Что-то из припасов сохранилось?

Старуха, очевидно, признанная старшей, принялась нудно перечислять муку, крупу и сушеное мясо. С голоду женщины в ближайшее время не умрут.

Где-то внезапно раздался младенческий плач, и все вздрогнули.

– Это Найра, – пояснила старуха. – Она умная, спряталась с детьми в выгребной яме. Ее не нашли. И сама уцелела, и троих детей спасла. Но сейчас не выйдет, пытается детей отмыть.

– Сейчас мы поможем вам все убрать, – тихо сказал Баяр. – Оставим коня и... кто-то умеет стрелять из лука?

Понимал, что спросил что-то не то. Откуда? Второй Дженны во всей степи не сыскать. Внезапно подумал, что ее желание учиться себя защищать вовсе не глупость. Неожиданно две женщины средних лет кивнули, да еще старуха подтвердила:

– Умеем. И Найра умеет.

– Луки и стрелы тоже оставим. Идите в сторону Змеиной реки, вправо от восхода солнца. Там будут большие черные камни, их видно издалека. В стане хана Тавегея вас примут в шатры.

– А вы что же, не доведете нас? – задала неприятный вопрос старуха, и Баяру пришлось признаться:

– Меня из стана изгнали. За неподчинение хану.

– Никак сам хотел править? – хитро усмехнулась женщина.

– Что-то вроде того, – пожал плечами степняк. Рассказывать все в подробностях он не видел смысла.

– Молодой, да удалой, – вздохнула старуха. – Эх, какие твои годы...

Баяр кивнул и отошел к месту, куда его люди уже сложили тела. Куча получилась очень большая. Слишком большая, так быть не должно. Укрыли обрывками тканей, положили поверх несколько луков, пару ножей, бросили риса и муки, ложки, деревянные миски, несколько цветных поясов – Баяр узнал, мужчины сняли с себя. Пусть же на небесных лугах невинные жертвы иштырцев обретут покой!

Тела обложили сухой травой, обломками реек шатров, горючими камнями. Переглядывались – кто-то должен был зажечь костер, с дымом от которого души мертвых уйдут на небо.

Степняк оглянулся, нашел глазами Дженну, бледную, испуганную, прижавшуюся к своей лошади, махнул ей рукой. Она подошла, пошатываясь.

– Помнишь, ты просила научить тебя зажигать огонь? – тихо спросил он. – Попробуй. Я думаю, в тебе сил гораздо больше, чем во мне. Я так чувствую.

Жена поглядела на него с таким ужасом в глазах, что он снова вздохнул. Сам он умел зажигать огонь щелчком пальцев, но совсем небольшой. Здесь, впрочем, достаточно сухой травы и тряпок. Займется, никуда не денется.

Сложил пальцы по-особому, прошептал:

– Гал!

Словно огненная змейка скользнула по горе тел. Вспыхнуло вдруг разом, полыхнуло зарево. Хороший знак – духи умерших еще здесь, они подхватили пламя и теперь не дадут ему угаснуть, пока не уйдет последний из них.

Притянул к себе женщину, инстинктивно ища ту, что способна принести в этот мир новую жизнь, вдохнул запах ее волос – жадно, нервно. И отошел. Больше им тут делать было нечего.

Глава 26

Что есть будущее?

Обратно возвращались молча. Больше не было веселых разговоров, смеха, шуток. Баяр нервничал. Он понимал, что оставил женщин в тяжелом положении. Возможно, стоило взять их с собой – всех. Но он – не хан. Он просто не умеет им быть. Всего лишь сотник, военачальник. Впереди осень и зима. Нужно найти место, лучше всего – у реки. Решить вопрос с жилищами, ведь шатров на всех не хватает. Воины взяли свое – а многие ушли из родительского гэра. Найти припасы, продовольствие, оружие. Подумать о защите от иштырцев, в конце концов. И дети. Детей нужно было защищать, растить в тепле и сытости.

Да, что-то можно купить у угуров. Что-то будут добывать в бою. Но времени так мало, а дел так много! Из помощников у него только Наран. И, наверное, сестра. Она умница, шить умеет, готовить. Будет старшей над женщинами, ну не Дженну же ставить – толку от нее немного, а жаль.

Дженна ехала с ним на одной лошади, сидела за спиной, плотно прижавшись. Ее чалого забрал воин, оставивший своего коня в разграбленном стане. Жена обнимала его руками, вздыхала о чем-то своем. А он думал о том, что ему делать дальше.

Впервые в жизни Баяра стрела судьбы не упала, попав точно в цель, а полетела дальше. Впервые пришлось думать не только о том, что будет с ним. Там, за горизонтом степи, их с Дженной дорога шла к новым пределам. А за его спиной вот так же, как сейчас эта маленькая и такая сложная женщина, стоял весь его небольшой, но очень смелый и крепкий народ. Он теперь был их головой, а они – его телом.

Духи предков дарили ему испытания, закаляя и душу, и тело. Испытывая и награждая сполна. Полно в себе сомневаться! Все у него получается. Дикая кошка по ночам мурлыкает в его руках, сотня пошла за ним, а еще Листян и женщины. Ведь все равно нужны будут женщины, и много – столько молодых и горячих мужчин под его рукой! Кто-то должен и в шатрах оставаться, и шить, и готовить, и постель долгой зимней ночью согревать, и детей рожать – с этой

задачей его парни однозначно не справятся. А новый народ начинается с детей.

В том числе и с его детей.

Если так пойдет и дальше, то Дженна забеременеет очень скоро. Раньше Баяр и думать не хотел о детях, но он ведь и женат не был до недавних пор. Дженна не может не родить ему сына – настоящего воина. Она ведь сама – особенная, а уж ребенок их будет просто удивительным, Баяр знал это точно.

Уже подъезжая к стану, степняк вдруг вспомнил, как делал Аасор перед каким-то важным делом: несколько дней он не ел, пил только воду и с женщинами не спал (впрочем, Аасора в его возрасте женщины, кажется, и вовсе уже не интересовали), а потом курил специальную траву, которая позволяла увидеть будущее. Трава у Баяра с собой была. Ему сейчас нужны были ответы на многие вопросы. Что ж, обряд можно и нужно провести – хотя бы чтобы понять, в каком направлении ему двигаться дальше. Отчего бы не задать несколько вопросов духам предков?

Обратно приехали уже в темноте, усталые, злые, взволнованные. Баяр отмахнулся от Нарана, пообещав все рассказать завтра. Велел заняться разделкой добычи: как можно больше мяса закоптить и завялить. От еды тоже отказался. Смыл пот в ручье, упал на подушки в своем шатре, мысленно прикидывая, сколько запасов нужно сделать на зиму, сколько нужно денег, чтобы купить новые шатры, как бы найти жен своим воинам и... как объяснить Дженне, что пока он не будет с ней спать?

Она пришла, прильнула к его спине, робко прикоснувшись губами к позвонкам на шее – он даже не подозревал, сколько сил и мужества потребовалось Женьке, чтобы проявить инициативу – и степняка едва не подбросило от обжигающей волны, нахлынувшей на него. Такое простое, почти невинное прикосновение – но когда к тебе приходит желанная женщина, которая еще несколько дней назад шарахалась от тебя, есть от чего сходить с ума!

Повернулся, сжимая ее в объятиях, нашел губами мягкие губы, поймал участившееся дыхание и закрипел зубами. Да, Аасор говорил, что самая большая жертва духам предков – это воздержание. И сегодня эта жертва будет стоить ему больших трудов.

– Дженна, – он прижал жену щекой к своему плечу, – сегодня мы не будем заниматься любовью.

– Почему?

– Я хочу поговорить с предками, а для этого нужно три дня воздерживаться от удовольствий.

– А я – твое удовольствие? – мурлыкнула Дженна, осторожно лаская пальцами его бок.

– Самое сладкое, – признался Баяр, пряча лицо в ее мягких волосах. – А ты сомневалась?

– Ну...

– Три дня, сайхан. А потом я не выпущу тебя из своих рук всю ночь, обещаю.

– Мм... я буду ждать. И скучать.

– Я тоже. И кто бы мог подумать, что за маской волчонка скрывалась такая удивительная женщина? Знаешь, мы так хорошо подошли друг другу... а дети, зачатые в любви, рождаются сильными и здоровыми.

Женька замерла, затаила дыхание. Дети?

О боже, дети! Они ведь не предохранялись и вообще... как тут предохраняются? Вот уж к чему она точно не готова, так это к детям. Девять месяцев таскать в себе кусок мяса, блевать, выглядеть, как обожравшаяся корова – с уродливым пузом и опухшими ногами, а потом рожать в муках и антисанитарии! Здесь нет роддомов и акушерок, и УЗИ, и эпидуральной анестезии, и консультантов по грудному вскармливанию. Нет прививок и детских врачей. Роды в принципе процесс опасный – а тут, в степи, чистое самоубийство! Вон не так давно у хана наложница родами померла!

Даже если ей повезет и она родит и выживет – зачем ей ребенок? Женька детей терпеть не могла. Мелкие крикливые отродья, одни проблемы от них! Она и сама такой была – сколько раз ей твердили в детском доме, что она ущербное, никому не нужное и всем мешающее убожество? Даже родная мать ее в роддоме бросила, потому что... потому что Женька – сплошное разочарование для всех. И Баяр в ней тоже разочаруется рано или поздно, и ребенка своего она полюбить никогда не сможет, так зачем же рожать и обречь его на жизнь с такой матерью?

Словно наяву вдруг зазвучал в голове голос няньки: «Зачем вы только на свет появились, отродья пьяниц и наркоманов? Такие как вы никогда и никому не нужны, только деньги из государства сосете! Все равно сдохнете в подворотне, когда вас отсюда выпустят». Да, права оказалась нянька. Женька сдохла, как ей и предсказывали.

Слезы вдруг сами хлынули из глаз ручьем. Она так давно не плакала, а теперь вдруг (после слов Баяра о детях) поняла, что все зря, и мечты ее глупые – зря, и все мысли о любви. Баяр очень скоро поймет, какая она никудышная, неправильная, и не женщина вовсе, а подделка. Кроме первичных половых признаков и нет в ней ничего женского. Сжалась в комочек, дрожа, кусала пальцы, чтобы не завывать в голос и не разбудить мужа. Ни к чему ему видеть ее слабости. Сейчас она выплечется и снова упрямо схватит лук, научится стрелять, а потом вскочит на коня и полетит убивать иштырцев. Может, из нее не получится мать и жена, а вот воин – обязательно получится.

Женька думала, что утром ей станет легче. Не стало. В голове суматошно метались глупые мысли. Баяр сказал, что у них будут дети – но детей не будет, это она решила точно. Надо бы с ним поговорить, потому что такие дела в одиночку не решаются. Это просто нечестно по отношению к мужчине, который заслонил ее собой от гнева хана и взял всю ее вину на себя.

Да и просто: она ведь воин. А воины не бегают от неприятных разговоров и не лгут своим близким.

Поэтому она, дождавшись, когда муж закончит несомненно важный разговор с Нараном и раздаст указания – а Баяр решил остаться у ручья еще на пару дней, чтобы мясо достаточно просушилось – подошла к нему и попросила прогуляться с ней в степь. Ну хотя бы, чтобы лошадей проверить.

Он кивнул молча, все замечая: и бледность ее, и поджатые губы, и испуганный взгляд. Что снова натворила эта девочка? Он даже предположить не мог, но заранее готовился к неприятностям. Вряд ли она уводит его от чужих ушей, чтобы признаться в любви.

– Баяр, – тихо сказала Женька, уже измучившаяся от своих мыслей, – мне нужно с тобой поговорить. О важном.

– Говори.

– Понимаешь, я... не хочу детей. Не готова.

Она посмотрела ему в глаза, смело, прямо, даже не подозревая, какой удар наносит.

– Моих детей? Или просто – не хочешь?

Очень трудно было сдержать полыхнувшую злость. Не сорваться, не оттолкнуть от себя эту женщину. Самое тяжелое оскорбление для кохтэ – когда женщина говорит мужчине, что ей не нужны его дети. Вот тебе и мечты о будущем с ней.

– Ты дурак? – Дженна округлила глаза и подняла брови. – Если дети – то только с тобой! Мне другого и в голову бы не пришло!

Выдохнул. Тяжесть в груди начала растворяться.

– Просто... я ведь без семьи росла. Не знала родителей. Ну какая из меня мать? Я любить не умею – вообще, совершенно!

Что-то в глазах ее было еще. Слова, что она говорила, звучали логично и правильно, но она лгала. Себе, ему, он чутко чувствовал эту трусливую, детскую ложь.

– Это все?

Вот. Теперь он увидел и понял. Страх, ползучий, как змей, заставляющий задыхаться. В ней говорил этот страх.

Осторожно взял ее пальцами за подбородок. заставляя смотреть себе в глаза.

– Чего ты испугалась?

– Я? Я ничего не испугалась, – прищурилась зло, упрямо выставив подбородок. – Я вообще ничего не боюсь. Просто... не хочу. Детей. Совсем. Никогда.

Снова гнев полыхнул в его разуме. Никогда. Что она вообще знает об этом? «Никогда» может быть только у мертвых. Остановил себя. В ее глазах разливался уже не страх – просто ужас. Кто так изломал тебя, маленькая смелая женщина, кто так искалечил? Словно загнанная в угол зверушка готова была пустить в ход последние зубки. Нет, малышка, он не глупый волк и косточки твои ему совершенно без надобности.

Дженай была похожа на натянутый лук, дрожала, явно ожидая удара.

А он вдруг наклонился и нежно поцеловал ее губы.

– Боишься. Я не знаю, что за демоны сидят в твоём сердце, Дженай. Расскажи мне.

Она вдруг вырвалась из его рук, отскочила на шаг, сердито вытирая глаза, и закричала:

– Ты дурак, Баяр, совсем дурак! Ну зачем я тебе такая? Не выйдет из меня жены, отпусти лучше прямо сейчас, пока поздно не стало! Найди себе нормальную, которая все будет делать правильно, как положено!

Он вдруг ей улыбнулся. Светло, как-то даже нежно.

– А себя я куда отпущу?

– А? – вытаращила небесного цвета глаза, явно не понимая.

– Видишь, я тоже неправильный. Проросла ты в меня, как трава прорастает корнями сквозь камень. Неужели не видишь? Открой глаза, женщина-воин. Мне никто больше не нужен. Только ты и все твои демоны.

Она всхлипнула, а потом, сжавшись в комок, осела и заревела в голос – как маленькая девочка. Плакала, непотребно ругалась (к счастью, на русском, ругательств кохтэ она не знала совсем) и не могла остановиться. Зачем он ей так сказал, зачем? Разве может это быть правдой? И самой было от себя тошно, стыдно – что же она тут устроила? Наговорила ему гадостей, теперь воет, как шакал. Неужели и сейчас он не оттолкнет ее, такую слабую и никчемную?

Несколько минут он стоял молча и глядел на нее. Ребенок, какой же она еще малый ребенок. Конечно – не хочет детей. Как маленькая девочка может вдруг захотеть стать матерью? Ей просто страшно. И прошлое этой малышки бьет их обоих исподтишка, как в печень кинжалом. Но Баяр знает теперь, что со всем этим делать.

Подошел осторожно, подхватил ее, пару раз взбрыкнувшую и что-то ему прорычавшую, на руки. Нежно поцеловал в лоб.

– Сердце мое, моя жизнь. Ничего больше не бойся. Ты у меня за спиной, навеки, слышишь? Не бойся. Никогда. Дай слово, Дженна. Смелая моя жена.

Она молча кивнула. Он укачивал ее на руках, что-то тихонечко напевая, и нес прямо в степь. Как ребенка. А она прильнула к широкой груди и все думала: да, с таким отцом, как Баяр, можно ничего не бояться. Даже если мать никудышная, то отец у ее детей будет удивительным. Когда-нибудь... Не сейчас. Но может быть – потом.

Глава 27

Больше сотни

А в стане тем временем жизнь шла своим чередом. Никому не было дела до сына хана и его желаний. Ссорились женщины, визжали дети, громко спорили молодые мужчины, того и гляди готовые схватиться за кинжалы. Как все привычно! Те же самые волчата, только чуть старше, чем привык Баяр. Но управляться он с ними умел, и самая первая задача была – найти каждому занятие.

– Наран!

– Да, Баяр-ах?

– Собери мне старших воинов. Сейчас. Айрата, Тургэна, Ердена, Бата... Ну понял.

– Да, Баяр-ах.

– И женщин, – подумав, решил сын хана. – Дженну, Листян и эту... вдову.

– Понял.

Степняк понимал, что самого его на сотню человек – даже больше – просто не хватит. Хан, его отец, имел тысячников и сотников, с женщинами ему помогали мать и сестры, за тысячниками и сотниками следил побратим Нурхан-гуай. У хана имелся и Аасор, который приходился хану родным дядей и был местным лекарем. Его безоговорочно слушались все, даже самые вздорные женщины и несмышленные дети.

Что ж, Аасора у Баяра, к сожалению, не было, но помощников – предостаточно. Причем таких, которым он мог безоговорочно доверять.

Собрались быстро, все молодые, очень серьезные. Нарану всего двадцать, сестренке младшей – шестнадцать. Не слишком ли большую ношу он хочет на них возложить? Нет, им придется теперь расти и учиться вместе со своим ханом. Он ведь теперь – хан?

– Во-первых, я хочу спросить. – Баяр надеялся, что голос его звучит уверенно. – Все ли в стане согласны мне безоговорочно подчиняться? Готовы ли признать меня отцом, старшим братом,

пастухом, высшей властью, посланной духами предков? Будет ли слово мое самым тяжелым, а плеть – самой длинной?

– Баяр-ах, а кто, кроме тебя? – живо ответил Наран. – Согласно всем законам ты среди нас главный. К тому же мы признали тебя пастухом, когда ушли за тобой... из прежнего стада, ага, – усмехнулся вроде бы весело, но глаза остались серьезными, внимательными.

Баяр очень любил этого парня. Не зря его называли «Наран» – что значит «солнце». Не только за масть. Друг его был теплым, согревал, утешал, радовал и веселил близких людей, но при необходимости мог и обжечь. И убить мог без всякой жалости. Два самых близких ему воина в стане, те, кто, не раздумывая и не боясь наказания, бросились его спасать: Наран и Дженна.

– Наран, будешь сотником. Десятниками – остальные, кто сейчас тут.

– Баяр-ах, я не справлюсь, – растерялся Наран. – Я ведь...

– Давным-давно моя правая рука. Останешься ей и дальше. Нурхан-гуая обмануть смог, сотню из-под носа у хана увести смог – сам себе дорогу выбрал.

– Вай, Баяр, ты серьезно думаешь, что Нурхан-гуай ничего не знал? Да если бы он не позволил...

– Так он тебе и позволил, не кому-то другому. Гордись. Дальше. Листьян!

– Да, брат.

– Будешь главной над женщинами и детьми. Их пока немного, но это ненадолго. К зиме многие воины приведут жен в свои шатры, так правильно. Ты же знаешь всех и женские дела тоже все знаешь. Займи их делом.

– Да, Баяр-ах.

– Дженна, будешь моей левой рукой (кривая улыбка на губах его непокорной супруги). Я видел, что девушки хотят учиться защищать себя и своих детей. Теперь у нас нет шамана, который скроет стан от иштырцев. А что делают иштырцы с женщинами – знаем мы все. Поэтому учи всех, кто хочет учиться. Бери в помощь воинов – каждого, кто нужен. Все будут тебя слушаться, как меня и Нарана.

– Ох! – Глаза его маленькой жены вдруг засияли. – Спасибо!

– Ты... – Баяр взглянул на коротко стриженную вдову, мучительно пытаясь вспомнить ее имя.

– Гаюна.

– Да. Ты будешь отвечать за все запасы.

– Почему я?

– У тебя нет ни мужа, ни детей. Ты умная и упрямая. Вот и займись делом, которое достойно тебя. Командуй. Выберешь себе охотников и помощников, станешь следить за сохранностью продуктов.

– Но... кто будет меня слушать? – Гаюна явно не желала заниматься столь неинтересным делом, ей хотелось воевать, а не считать меры риса и куски мяса.

– Все. Потому что я так сказал. А если тебе что-то не нравится, можешь вернуться домой. Я никого силой не держу.

– Я справлюсь, Баяр-ах, – торопливо заверила его степнячка.

– Я рад. Наран, делите с десятниками людей, устанавливайте очередность обходов. Места здесь дикие, иштырцы бывают часто. Мы тут устроим им веселую жизнь, чтобы боялись даже нос сунуть. И Дженну в обходы берите, она врага далеко чует.

– Без тебя? – Наран изумленно вытаращил глаза.

– Она такой же воин, как и все мы, – спокойно ответил Баяр, улыбаясь глазами восторженно глядящей на него жене. – К тому же принесет пользу, уж ты-то не можешь не знать.

– Ну да.

– Сегодня ночуем здесь, а завтра с утра я буду разговаривать с предками. Если все получится, начнем искать постоянное место для стоянки, по крайней мере, до осени.

Баяр удовлетворенно кивнул. Собой он был доволен. Он и в самом деле много знал и умел, и теперь у него появился шанс показать всему миру, на что он способен. Да, его и раньше посещали мысли о том, что ханом он был бы куда лучшим, чем Карын (Иргану или Сулиму вообще подобное не светило), но отца Баяр уважал и скорой гибели ему не желал. Теперь же у него появился собственный почти народ, и это почти радовало. Только одно еще омрачало будущее.

Он быстрым шагом догнал Нарана, схватил за локоть, развернул и тихо сказал:

– К первому снегу Листян должна быть твоей женой. Если нет – освободишь ее от слова.

– Почему?

– Зима – холодное время. Лучше, чтобы было с кем согреться. К тому же у нас появится много шатров. И нужно бы найти жен для воинов, не то начнутся ссоры и драки. Мужчин молодых и горячих много, а женщин свободных сколько? Восемь? Не стоит доводить до братоубийства из-за соперничества за девушку.

– Угуры?

– И это тоже. Как только обустроимся, сразу поедем покупать женщин.

Да, Наран всегда был его главным помощником. Великие предки к нему милостивы. И жену подарили особую, и друга – лучшего из всех возможных.

День пролетел быстро, Баяр съездил на охоту с десятком (Дженну взял с собой), нашли целое поселение кусарок, стреляли в них из лука – азартно и с шутками. Конечно, мало кто попал, а потом вдруг маленькая коварная Дженна, усмехнувшись, предложила поджечь сухую траву и запахать в норки к неуловимым зверькам. Дым, как сказала она, выгонит кусарок наружу. Баяру идея понравилась, и почти час воины затыкали травой дырки в земле и поджигали траву. Сумели поймать больше двух десятков зверей, а потом Дженна сказала, что хватит, остальные пусть живут.

– Не стоит нарушать баланс, – с самым серьезным видом вещала она. – Кто ест кусарок?

– Кошки. Змеи, – наморщил лоб Баяр. – Птицы хищные.

– Вот. Если мы всех выловим, эти мышки не смогут принести потомство. Вымрут. А следом без еды останутся и остальные звери. Пищевая цепочка прервется. К тому же не стоит баловать угурцев. Если мы будем слишком часто приносить им хвостики, цена на них упадет.

– И то верно.

Воины посмотрели на Дженну с уважением, а Баяр демонстративно притянул ее к себе. Вот так! Такая разумная жена сделает честь любому хану!

У кохтэ не пропадало ничего. Из шкурок кусарок женщины сделают меховые воротники или шапки, а мясо будет скормлено псам.

Наутро Баяр поднялся еще до восхода солнца, взял с собой котелок и травы и ушел в степь. Дженна, проснувшись от его возни, наблюдала за ним через ресницы и поднялась, когда муж ушел. Быстро

оделась и тихонько, крадучись, последовала за ним в степь. Наблюдала, лежа в траве, как Баяр, присев, разводит костер, потом ставит на него котелок с водой и бросает туда какие-то травы. Интересно, что он задумал?

– Хватит прятаться, иди ко мне, – ровным голосом позвал степняк жену, которую, конечно, давно заметил. – Будешь рядом.

Женька, смущенно посмеиваясь, выползла из засады. Конечно, он же воин – заметил шпиона очень быстро.

– Чем ты занят?

– Буду разговаривать с предками.

– Наркота? Ты уверен? Это вообще-то адски вредно. – Женька вдруг вспомнила Костика, умершего от передоза, и содрогнулась. Ей стало страшно за Баяра. – Один мой друг, почти брат, от этого умер, Баяр.

Степняк бросил на нее острый взгляд. У Дженны был друг, который почти как брат? Интересно. Она впервые заговорила о своем прошлом. Жаль, что так не вовремя.

– Аасор когда-то меня учил, – спокойно пояснил он встревоженной жене. – Не волнуйся. Я умею.

Говорить о том, что ему тогда было лет десять от силы, Баяр не стал. Зачем? Вспомнил то время с легкой улыбкой. Он ведь первым из ханских сыновей прошел Тойрог. Тогда его еще только Аасор и мог открыть. Ни Карын, ни Ирган даже не собирались уподобляться детям воинов. Зачем? Не могут не быть великими сыновья хана, это даже сочли бы оскорблением – сражаться бок о бок с другими мальчишками, бегать с пыльными мешками на плечах и стрелять в бараньи шкуры, набитые сухой травой. Нет, у каждого из сынов хана был личный наставник, да и сам хан сажал их на своего коня.

Аасор не хотел его пускать, говорил – отец сильно ругаться станет. Но мальчишка был упрям, настоял на своем. Тогда шаман и велел спрашивать предков. Спросили – и Баяр увидел, как он сам потом этот Круг открывает. Он знал, что детей у него будут сотни. Тогда не понял, а потом время показало: правду сказали предки. Каждый из его воинов становился ему сыном. И внутреннего огня в Баяре было много, очень много.

Поэтому он не боялся. Совершенно спокойно погладил Женьку по плечу, зачерпнул чашей варево из котла и строго сказал девушке:

– Не вздумай пробовать. От этого зелья можно сойти с ума – навсегда. Я три дня для обряда очищался, и я взрослый мужчина. Обещай.

Как хорошо он ее знает! Или он сказал бы так любому мальчишке? Скорее – второе. Женька, даже если бы ей заплатили золотом, не прикоснулась бы к наркоте, а в том, что в котелке именно она, у нее сомнений не было. Слишком уж страшной была смерть Кости. Она смотрела на Баяра, судорожно сжимая руки, и вспоминала, как оказывать первую помощь при наркотическом отравлении. Что там? Следить за дыханием? Считать пульс? Будить?

Баяр опустился на землю и застыл, его глаза медленно стекленели. Женька наблюдала за ним с напряжением, но степняк вроде бы пока не собирался заваливаться на бок и пускать пену изо рта. И в судорогах не бился, и даже сознание не терял. Просто сидел и смотрел в никуда. Женька, зевая, придвигалась все ближе: она совершенно не выспалась. Под конец, сама не поняв как, примостилась с ним рядом, положила голову ему на колени и даже ухитрилась задремать. Кажется, он был в порядке.

А степняк вдруг расхохотался – громко и торжествующе, Женька аж вздрогнула. Заглянула ему в лицо – нет, глаза все еще дурные. Это он в своем угаре что-то увидел. Очень ей любопытно было – что. Но уж точно не настолько, чтобы рискнуть хотя бы понюхать это зелье.

Сколько прошло времени – она и не знала, а только очнулась уже от того, что Баяр осторожно тряс ее за плечо. Солнце стояло высоко, а она, вместо того чтобы охранять мужа, нагло и безответственно уснула. Какой позор!

Выглядел степняк неважно: бледный, с красными глазами, обрамленными черными кругами, к тому же у него заметно дрожали руки. Его шатало. Но улыбка на лице была просто сияющей, и выглядел он очень довольным.

– Расскажешь, что ты видел?

– Нет, – покачал он головой. – Но все будет хорошо.

– Ой, ну и подумаешь, – буркнула обиженно Женька. – Не больно-то и хотелось.

А степняк тихо рассмеялся, обнимая ее за плечи. Ну вот как этой стрекозе рассказать, что он видел и детей их – кажется, пятерых, – и внуков, и даже правнуков? И народ свой видел, многочисленный и

сильный. И победу над иштырцами, и бесчисленные стада овец и буйволов. Видел и болезни, и раны, и еще кое-что... что предпочел бы не видеть, но ведь это только прошлое нельзя изменить, а будущее – можно попробовать.

Когда они возвращались в стан, навстречу попался взъерошенный Наран, какой-то встревоженный и одновременно давящийся смехом.

– Ты, Баяр-ах, в следующий раз предупреждай, что уезжаешь, – выговорил он своему командиру. – Мы тебя потеряли. Хорошо, что и Дженна пропала – значит, по любви ушел, не насильно.

Смеется, шутник. Баяр кивнул серьезно: упрек справедлив. Забыл он совсем, что статус у него уже другой. Мало ли что в его отсутствие случится, а люди должны знать, где их хан.

– Так что там? – спросил он друга.

– Ты женщин хотел? Ну вот... они и пришли. Помнишь, те, из разграбленного стана хана Авегея? Они сказали, что молодой хан ничем не хуже старого, к тому же он был милостив к их мертвецам. Да и идти ближе, и заблудиться сложно.

Баяр фыркнул. Новость пришлась по душе. Ему все еще было беспокойно, он ощущал, что принял тогда неверное решение, оставив слабых женщин и детей без охраны. Теперь все правильно. Теперь его совесть чиста.

И обещания предков начали исполняться: у него под рукой уже куда больше сотни.

Глава 28

Первые шаги

До зимы оставалось еще довольно времени, но Баяр ясно видел: все непросто. Не выживут они, если не подготовятся. Нет ни шатров, ни запасов пищи, ни овец. И из этой непростой ситуации есть два выхода – торговля и набег. С первым было просто. Нужно отправляться к угурам и покупать рис, зерно, соль, бобы, возможно – теплые вещи. Листян и еще несколько женщин не зря появились в стане при полном параде. Сестра почти все свои украшения сразу же отдала Баяру со словами: «Мне пока ничего не нужно, а потом ты купишь новые, еще лучше и красивее». Остальные женщины тоже принесли ему все свои богатства, прося продать их и на эти деньги купить тканей и шерсти.

Баяр сразу решил – самому к угурам ехать нет смысла. На это имеется Наран. Парень даже снег зимой мог продать кому угодно, если кто и будет удачлив в торговле, то только он.

Но чтобы купить скотину и металл, ресурсов уже не хватало. И выменять не на что. Баяр понимал, что первый год будет самым сложным, а дальше станет проще. Его люди не только воины, нет. Каждый кохтэ еще и ремеслом владел. Многие умели делать войлок, ничего сложного в этом не было. Кто-то выделывал кожи, кто-то ковал ножи и кинжалы, кто-то резал по кости. Сам Баяр был кузнец, хоть и посредственный. Немного умел работать с кожей, помогал когда-то выделывать войлок. А еще он обладал толикой силы, и это ему тоже очень пригодится длинными зимними ночами.

А ведь у Дженны тоже дар, это хорошо. Самое время учить ее не только стрелять из лука (кстати, последнее с каждым днем получалось у нее все лучше), но и зажигать огонь и чують воду.

Увел ее в степь, нарвал сухой травы (которой было здесь уже много, дни стояли очень жаркие) и усадил рядом с собой:

– Смотри, пальцы складываю вот так. Давай помогу. И мысленно или вслух зови огонь: «Гал».

Дженна послушно вертела пальцами, досадливо жмурилась, прикусывала губу, да так соблазнительно, что Баяр замирал, глядя на

нее, забывая, что хотел сказать.

Напрасно он думал, что будет легче, если передать контроль над сотней Нарану, нет, легче не стало. Его по любому вопросу поднимали даже ночью – конь ли хромает, живот ли у воина прихватило, с припасами ли проблемы, змею ли поймали («Куда ее? А угурцы едят – и ничего!»), то шакалы слишком близко подошли к стану, то бабы подрались из-за одеяла – как будто без него все рухнуло бы. В последнюю ночь в шатер ворвался один из дозорных – как раз в тот момент, когда жена сладко стонала под Баяром. Шакалы проклятые совершенно обнаглели, пытались напасть на лошадей. Только при чем здесь Баяр – у дозорных что, луков нет или мечи заржавели? Для чего он их вообще оставлял?

Ему теперь почти не удавалось побыть наедине с Дженной – вот так, как сейчас, и он уже хотел бросить все глупости и прямо здесь закончить то, что не удалось завершить ночью, да только Дженна вдруг вскрикнула радостно и засияла глазами: трава под ее руками тихонько курилась.

– Получилось!

– Конечно, получилось, а ты в себе сомневалась, сайхан? Ты очень сильная и способная.

Дженна выдохнула порывисто и обвила гибкими руками его шею, потянулась за поцелуем: он уже знал, что она именно так реагирует на похвалу. Девочке его нужны добрые слова, нужны прикосновения и объятия, тогда у нее сразу появляются силы идти дальше.

Баяр так давно воспитывал молодняк, что знал много подходов к детям. Кому-то требовались жесткий хлыст и железная дисциплина, кого-то приходилось ломать силой, с кем-то стоило подолгу разговаривать и объяснять, а кого-то нужно было хвалить и ободрять. И совершенно не факт, что из мягких и ласковых детей не вырастут твердые и сильные воины. Скорее уж наоборот. Настоящий кохтэ не должен быть жестоким. Смелым – да. Бесстрашным – без сомнения. Однако яростный в бою мужчина должен уметь усмирять свой пыл с женщинами, детьми и безоружными пленниками. Нет никакой доблести в том, чтобы издеваться над теми, кто не может ответить. И тех, кто получал удовольствие от убийства, в сотне Баяра не было никогда.

А Дженна так сладко, так нежно целовала его шею, смело забираясь ему на колени, как прирученный котенок, что он и сам готов был мурлыкать с ней в унисон. Нырнул ладонями ей под рубаху, нашел грудь, лаская и дразня... и дернулся от раздавшегося совсем близко крика:

– Баяр-ах, дозорные обнаружили следы иштырцев! Совсем недалеко!

Впору было взвыть от разочарования. Какие уж тут мысли о детях, если ему совсем не позволяли остаться наедине с женой! Теперь вот – иштырцы. Он прямо сейчас поедет, уничтожит их отряд и на всю ночь уединится с Дженной в шатре. И никто больше не посмеет ему помешать, вот так-то!

Впрочем, о детях и мечтать пока не стоило. Дженна была не готова. Он и сам это понимал, да еще и Листян влезла с непрошеными советами.

Утром к нему подходила вся такая виноватая и встревоженная.

– Баяр, слушай. – Сестра пылала от смущения. Что натворила? Мало ему Дженны и ее страхов, еще и Листян. – Мне очень неловко, но... я должна тебе сказать.

– Да говори уже.

– Это про Дженну.

Он молча смотрел на нее, ожидая.

– Она спрашивала у меня, как можно сделать так, чтобы не было ребенка.

– И что ты сказала?

– Ну... про отвары. Врать не стала.

– Хорошо.

– Хорошо? – с возмущением переспросила Листян. – Ты вот так спокойно говоришь? Разве ты...

– Лис, – тихо перебил ее Баяр, – помолчи. Все, что происходит между мной и моей женой, вообще не касается никого.

– Но я твоя сестра, твоя семья!

– Да? Тогда, сестра, расскажи, когда у тебя с Нараном свадьба? А в постели он тебя устраивает? Не обижает?

– Баяр! – Девушка прижала ладони к пылающим от смущения щекам. – Мы с ним... ничего не было!

– Ах да. Он же мне рассказывал, что ты неприступна. Тебе не кажется, что это неправильно? Ты попросту парню голову морочишь, да? Некрасиво, Лис.

– Не твое дело!

– Вот как? – Баяр пристально на нее посмотрел. Просто посмотрел, но Листян все поняла, поджала пухлые губы и отвернулась недовольно.

– Я поняла. А с отварами-то что делать?

– Дай ей все, что она попросит.

– Но ведь...

– Это только наше с ней дело.

Листян закатила глаза и, бормоча про себя что-то явно для него нелестное, ушла. Вот же... кошка любопытная.

На следы иштырцев поехал смотреть сам, Дженну с собой взял – уж очень чутко она «слышала» врагов. Судя по вытоптанной земле, врагов было немного, но и не мало: ударный отряд в пять десятков голов. Что иштырцы – понятно сразу. Кони у них небольшие, неподкованные, очень быстрые. Тактика врага известна давно: налететь тучей, ухватить что-то и раствориться в пыли. Это – если во вражеском стане есть мужчины. А если они находят беззащитных женщин и детей – тут не спешат. Вырежут всех, кого смогут, утащат все, до последнего клочка ткани.

Вероятнее всего, этот отряд – тот самый, что давеча разграбил стан Бурута. Их явно заметили, но не полезли в бой. А значит, уставшие и с добычей. Самое время – догонять.

– Пять десятков коней, – сказал Баяр своим людям. – Их надо поить. Самим нужно как-то кормиться. Да еще много всего награбили: шатры у них, ткани, утварь всякая. И смотрите: следы овец, коз и буйволов, причем немало. Значит, медленно двигаются. Догоняем.

– Баяр-ах, да как мы найдем-то их теперь? По следу? Ты на небо посмотри! Тучи со вчерашнего дня ходят, да какие! Не дураки иштырцы, выбрали такое время. Того и гляди гроза начнется. И потом смотри: расходятся следы. Скотина в одну сторону, а кони в другую. Если скотину сложно упустить, то кони явно к реке направились, там по воде – и сгинули, след их давно остыл.

– А ты бы за кем пошел, Тугай?

– За стадом.

– Вот. Там нас и ждут. Явно в ловушку заманивают, помнишь – как у черных камней. Мы за конями поедем. Да, Дженна?

Женька, разглядывавшая следы и пытавшаяся представить масштаб добычи, удивленно подняла голову: а ее-то он зачем спрашивает? Но раз вопрос задан, нужно ответить.

Прислушалась к себе и кивнула:

– Мне кажется, они в одной точке должны сойтись. У нас кони свежие, сытые. Нам бы догнать этих вот стрельцов, что с женщинами воюют.

– Да. Скорее всего, следы стада овец приведут туда, где нас будет ждать куда больше пятидесяти воинов.

– Так и второй след тоже может вести в ловушку, – подал голос доселе молчавший Наран. – Возможно, они специально, зная твою славу, разделились. Дескать, куда б ни пошел – везде засада.

– Направо пойдешь – коня потеряешь, – пробормотала Дженна. – Налево пойдешь – голову потеряешь.

– А если они наших женщин вырежут, пока мы за ними гоняться будем? – внезапно спросил Тугай.

– А тут просто все, – вдруг ухмыльнулся Баяр. – У нас нет стана. Четыре шатра да два десятка женщин спрятать в траве гораздо проще, чем сотню коней. Наран сейчас пойдет и займется этим. А мы – в погоню за конными.

– А почему Наран? – возмутился молодой воин.

Женька едва удержалась от дразнилки «потому что ты рыжий».

– Потому что я знаю, что ты спрячешь всех так, что никто не найдет, – серьезно ответил Баяр. – Ты умеешь.

Женька вспомнила, как они вдвоем с Нараном ползали вокруг стана иштырцев, и согласилась: этот – умеет.

– По коням. Тугай, ты с Нараном берешь остальных и догоняешь нас. И тряпок возьми побольше.

Невысокий коренастый парень кивнул и очень быстро помчался в стан. Наран – следом.

А два десятка воинов не спеша поехали по четко видимому следу. Остаток сотни догнал их очень быстро. Дальше уже мчались, как ветер, до тех пор, пока Женька не закричала:

– Стойте!

К ее изумлению, сотня остановилась мгновенно. Послушались.

– Блиско, – тихо сказала Женька, тяжело дыша и ощупывая затылок. – И их много, больше полусотни.

– Прекрасно, – спокойно сказал Баяр. – Разделимся на три части. Тугай, Арсон, Келим – обходите справа. С луками. Есугай, Бат – вы налево. И Дженну с собой берите. Что делать – знаете, не первый раз. Они ждут нашу сотню, они нас получат.

– Почему я – налево? – на всякий случай уточнила Женька.

– Обычно лучники стреляют с левого бока. Но десятки Бата и Есугая научены наоборот. Стреляют с правой руки. Да еще придут позже, в самый тыл. Ты не высывайся, держись в середине. Твоя задача – вовремя дать команду. Бейте в спины. Не рискуйте зря. Убирайте отступающих. Ох, как давно я ждал этого момента!

Женька качнула головой, вместе с двумя десятками степняков забирая по крутой дуге влево. Про момент она не понимала, пока Бат не пояснил весело:

– У кохтэ некоторые мальчики лучше владеют левой рукой, чем правой. Баяр специально нас всех забирал и учил стрелять «не как принято». У нас и луки другие. Никто не ждет такого, не бывало раньше среди воинов леворуких.

– А, левши. – Женька только головой покачала. – Баяр – удивительный.

– Потому мы за ним хоть на смерть, – ровно ответил второй десятник, и все воины с серьезным видом кивнули.

Десятники никуда не спешили, кони шли ровным шагом, очень тихо. Кони у кохтэ – воспитанные. Женька сидела как на иголках: зуд в затылке был каким-то волнообразным. То усиливался, то совершенно стихал. И вроде бы – опасности явной не чувствовала. Их действительно не ждали с этой стороны.

Как всегда, боль пришла внезапно, остро, до потемнения в глазах. Все, что она успела, выдохнуть: «Стреляй!» И пригнуться.

Раздались крики, в небо полетели стрелы – кажется, из всех концов степи. Ржали кони – иштырские. Гортанно кричали люди. Женькины десятки вдруг сорвались с места, да так дружно – растягиваясь в цепочку и выпуская стрелы с такой скоростью, что у нее в глазах зарябило. Она и сама, кажется, стреляла: лук в ее пальцах и пел, и стонал.

Маленькие фигурки в черном бестолково метались, а между ними, словно ангелы смерти, сверкали саблями всадники Баяра. В стане врага царила паника.

Часть иштырцев, пытаясь бежать, выскочила прямо на Женькину сторону – и попала под беспощадные стрелы. Не ушел никто.

Громкий гул рога. Бат командует: отступаем, даже рукой машет для особо тупых – таких, как Женька. Разворачиваются, скачут обратно.

По ее ощущениям – ушли. Останавливаются, оглядывают себя: все целы. У одного только рукав распорол, еще у пары человек стрелы торчат из кожаных доспехов. Ничего серьезного. Понятно, почему Баяр ее отправил в тыл.

Проверяют стрелы, поправляют луки. Бат и Есугай пристально глядят в небо. Что они там хотят найти? Небо все плотнее затягивает черными тучами, с каждой минутой темнеет.

– Что дальше? – нервно спрашивает Женья.

– Сейчас снова атакуем, – сообщают ей. – Лук держи наготове. Иштырцы явно не ждут повторной атаки.

Женька в этом сомневается, но когда высоко в небе взлетает горящая стрела и раздается звук рога, вместе со всеми мчится на врага. Стреляет и кричит, срывая голос, и уклоняется от вражеских стрел. Воины вокруг выхватывают сабли, влетая наконец в толпу иштырцев, а у нее сабли нет, только лук, и все, на что ей хватает мозгов – это прыгнуть с коня и, упав в траву, наблюдать за боем со стороны. В самом деле – не с ножом же ей под сабли прыгать!

А потом она вспоминает уроки Баяра и тихо шепчет: «Гал». Результат неожиданный – полузатоптанные костры иштырцев вдруг взвиваются столбами пламени.

«Демоны! – разносится вопль по стану. – Это не кохтэ – это огненные демоны пришли за нами!»

И словно в ответ – рев рога, а потом – раскат грома, такой близкий и оглушающий.

Бой заканчивается.

Иштырцы бросают оружие, вопя от страха. А кохтэ останавливают своих коней, впрочем, не убирая сабель.

Первая капля дождя падает на нос Женьке. Одна, вторая... И вдруг небо буквально исторгает из себя потоки воды. Таких дождей

девушка не видела ни разу. Она словно ослепла и оглохла. Промокла насквозь мгновенно – как под водопадом оказалась. Сжалась в комок, инстинктивно закрывая руками голову, хватая губами воздух. Рядом вдруг оказались люди: она узнала Бата. Он накинул на нее свой доспех. Поздно, конечно, но ей вдруг стало совсем не страшно. Еще несколько кохтэ окружили ее, держась рядом, прикрывая своими телами от непогоды, от порывов ветра. И страх ушел совершенно – она была не одна.

Глава 29

Рюс?

Дождь закончился, кохтэ поднимались с земли, осматриваясь и собирая тела погибших. Из сотни Баяра погибли четверо, еще с десятков были ранены, но не смертельно. У иштырцев дела обстояли гораздо хуже. Убитых было очень много: раненых добили на месте. Относительно живыми оставили несколько человек, совсем еще мальчишек, не старше того же Охтыра. Они затравленно сверкали глазами, тоже насквозь мокрые, связанные, жалкие.

– Я с детьми не воюю, – веско сказал Баяр своим воинам. – Отрубим им мизинцы – и отпустим в их земли. Но – без коней и без оружия. Пусть рассказывают всем о великих кохтэ, которым повинуются и огонь, и вода.

– Они умрут без оружия, – тихо сказала Дженна, подбираясь к мужу. – Ты убьешь их... только по-другому.

– Что ты предлагаешь?

– Дай им нож. Один на всех. Этого хватит, чтобы найти пропитание.

– Согласен. – Он усмехнулся как-то недобро. – И недостаточно, чтобы вернуться нас убивать.

Задал мальчишкам несколько вопросов на незнакомом Дженне языке, выслушал сбивчивые ответы. Она внимательно рассматривала иштырцев. У одного были светлые волосы и серые глаза. Остальные – кудрявые, очень смуглые, тонкокостные.

– Этот – не иштырец, – указала она Баяру. – Похож на рюса.

– Бывает. Сын рабыни или похищенный в детстве ребенок. Но он пришел в земли кохтэ с оружием.

– И все же... – у Женьки вдруг отчаянно зачесался затылок. – Он другой. Осмотри его. Мало ли...

Баяр внимательно взглянул на жену. Он уже привык, что она видит чуть больше простых людей, чувствует по-другому. Чует опасность, вызывает огонь. Одни только огненные всполохи чего стоили – он, конечно, сразу понял, чьих это рук дело. Не удивился бы, если бы и грозу призвала она, но скорее, гроза – очень удачное для

него совпадение. И если Дженна просит обратить внимание на одного из пленников, ему вовсе не сложно ее послушать.

Повинуясь жесту командира, сероглазого мальчика оттащили в сторону и раздели догола – кажется, люди Баяра мечтали найти еще одну девочку. Увы, чуда не случилось. Самый настоящий мальчик: худой, ребра торчат, белокожий, с большим родимым пятном под лопаткой и шрамом от ожога на правой ноге. В левом ухе – серьга с голубым камнем. На бледном от страха лице веснушки.

– И что скажешь, жена?

– Возьмем его себе?

– Зачем? Чтобы он ночью нас зарезал? Или поджег твой шатер?

– Я... не знаю. Где-то есть земля, где живут такие, как он? Вдруг его кто-то ищет?

Баяр глубоко вздохнул... и вовремя себя остановил. Она права. Иштырцы никогда не забирали к себе детей. Никогда. А если рабыня рожала ребенка – мальчиков убивали сразу. Девочек оставляли. Даже если кто-то и пожалел своего сына – все равно его никогда не взяли бы в войско. Значит, не простой мальчишка.

В случайности третий сын хана давно не верил, а вот в направляющую руку великих предков – очень даже. Он уже получил от них не один подарок: сначала – жену, равной которой не найти, потом – свой народ. Теперь вот на его пути появился этот необычный мальчишка.

А парень вдруг зашипел как змея и плюнул в сторону кохтэ.

Баяр спокойно подошел к нему вплотную и ударил по губам – как когда-то Женьку.

Сказал ему на иштырском, который, разумеется, понимал:

– Еще одно слово о моей жене – и тебе вырвут язык, раб. Сейчас ты жив только благодаря ей. Она из рюсов и думает, что ты – ее соотечественник. Остальных – убьют сейчас возле реки. Принесут в жертву предкам.

Мальчишка побледнел еще больше и закричал:

– Меня убейте тоже! Лучше умереть воином, чем жить рабом!

– Слишком просто для тебя. Поедешь с нами.

– Я умру сам.

Дженна поглядела на его лицо, вздохнула и сказала Баяру:

– Спроси, чей он сын?

Спросил и получил ответ невозможный, просто немыслимый: сын кагана, то есть иштырского хана. Вот этот – светлоглазый и белокожий? Смешно. А мать кто?

Матери парень не знал, таких вот сынов у кагана было много и от разных женщин.

Все больше Баяр убеждался, что Дженна права. Мальчишку нужно брать с собой, пригодится когда-нибудь.

Короткий кивок головы. Отчаянно сопротивляющегося «каганенка» связывают, опутывают веревками буквально как колбасу и довольно бережно укладывают на землю отдыхать. Рот ему тоже затыкают. Остальных мальчишек уводят – отведут за реку, где начинаются «ничи» земли, да и отпустят. Видя лукавые ухмылки на лицах своих ребят, Баяр не сомневается, что они запугают иштырцев до дрожи в коленках. Наговорят всякого: что их приятеля будут долго и мучительно пытаться, а может, кастрируют и сделают вечным рабом – самая страшная участь для мужчины.

Каких только слухов не ходило о Баяре среди врагов: его почти заслуженно считали изувером, злодеем и убийцей. А еще – демоном. И все благодаря таким вот помилованным.

А на самом деле убивать мальчишек, едва научившихся держать в руках оружие, ему было стыдно. Ну какие из них воины? Борода и усы еще не растут, голос ломается. Дети совсем. Да, он знал, что из волчат вырастают волки, а из жеребят – кони. Вот только кони эти навсегда запомнят и пережитый ужас, и твердую руку врага и научатся его бояться. Да еще своим соплеменникам нарасказывают всякого: и что видели, и что не видели, да со страху почудилось.

А место для засады иштырцы выбрали великолепное. Река местами с крутым каменистым берегом, местами с оврагами, да и вообще – низина: издалека и шатры не увидишь. Рядом рошица, кусты ивовые. И берег противоположный как на ладони. Большой стан тут не разместить, зато сотни две-три прекрасно поместятся. А стадо овец да коз зимой можно в овраге от ветра укрыть. Пожалуй, и ехать больше никуда не нужно, здесь и останутся.

Десятники, уже оглядевшиеся и нашедшие упомянутых коз и овец в том самом овраге, охотно с ним согласились.

Солнце припекало вовсю, и только пар, шедший от земли, да лужи, да остатки вытоптанной травы, превратившиеся в грязевую

кашу, напоминали о пролетевшей над степью грозе. Под каменистым обрывом у реки и в овраге была найдена иштырская добыча: несколько аккуратно сложенных шатров, тюки с одеждой и тканями, посуда – причем не только кохтская, а вполне себе и угурская, немало мешков с овсом, рисом и сушеным горохом, из которого угуры варили прекрасную похлебку. На какое-то время им хватит точно, а дальше... Были еще маленькие угурские лошадки, кудрявые и коротконогие, почти такие же чудесные, как и у кохтэ. Лошади – это важно, прекрасно и замечательно. Лошадей своих кохтэ обожали. Каждый воин (во всяком случае, в сотне Баяра) своего четвероногого друга старался выбрать еще жеребенком, растил и дрессировал сам, прекрасно понимая, что от этого зависит его жизнь. Особенно хорош в деле воспитания коней был Наран, лошади его отчего-то любили, он мог уболтать самого строптивного жеребенка.

Нарана вообще любили и звери, и люди. Только сестра Баяра его не любила, что очень не нравилось молодому военачальнику.

Тела убитых врагов оттащили далеко в сторону и предали огню, десятки Бата и Есугая (как наименее пострадавшие) отправились за женщинами, а остальные споро устанавливали найденные шатры и потрошили тюки с тканями. Что делать с добычей, предстояло решить Баяру. Впору было хвататься за голову: он совершенно не представлял, как все это добро делить. Обернулся, посмотрел на Дженну, которая зачем-то помогла пленному мальчишке сесть, вынула у него изо рта кляп и поднесла к губам чашку с водой, усмехнулся. Женщины – у них есть право и на милосердие, и на сострадание. Все же они дают жизнь, а не отнимают ее, и этим так разительно отличаются от мужчин!

И Дженна – женщина, даже если ей так хочется быть мужчиной.

А Женьке мальчишка казался очень похожим на Костю – единственного ее друга детства. И она приглядывалась к нему и все пыталась задавать вопросы на русском: но он ее совершенно не понимал. Ничего, научится, значит, языку кохтэ. Жизнь заставит.

Баяр подошел к ней, она почувствовала его присутствие всем телом. Заколело не в затылке – по спине прошла волна дрожи.

Пальцы коснулись волос: она знала, что никто, кроме мужа, ее не тронет, просто не посмеет. Подняла взгляд, улыбнулась счастливо. Как же ей нравится этот мужчина! Ее мужчина.

– Мне нужен твой совет, жена.

Подскочила, как мячик, обрадовавшись – она так хотела быть ему полезной, нужной, и не только в постели.

– У нас есть ткани и одежда. Много, но на всех поделить не хватит. Как думаешь, что лучше сделать?

– Дарить на свадьбы, – неожиданно ляпнула Женька. – У тебя из ста воинов – восемьдесят холостых. Сам ведь говорил, что им нужны семьи. Вот и будет стимул.

– Великолепно.

Что, правда? Ему понравилось ее предложение? Женька с удивлением глядела на мужа, а он обхватил ее за плечи и поцеловал в висок.

– Иди выбери нам новый шатер. И отдыхай. Наверное, голодная?

– Да, я... костер разжечь? Приготовить? – встрепенулась Женька под тихий смех Баяра. – Ну что не так?

– Когда я говорю «отдыхай», я именно это и имею в виду. Еду приготовят воины, им не привыкать. Я распоряджусь, чтобы тебя покормили.

Но он не успел – Дженне уже несли миску с дымящимся супом. Она была не просто женой хана, а их соратником, одной из тех, кто защищал их спину в бою, кто стрелял в общего врага.

Своя.

И в то же время – женщина, а кохтэ всегда вначале наливали суп женщинам и детям.

Баяр только усмехнулся, глядя, как его воины стараются Дженне угодить: и миску красивую нашли, и ложку принесли серебряную, и лепешки горячие. А она смотрела и не верила своим глазам, краснея и смущаясь.

Глава 30

Главная

Отношение к Дженне неуловимо изменилось. После сражения с иштырцами в ней признали воина, а значит – она окончательно стала своей. До этого она и кохтэ-то не была, так – чужестранка, к тому же обманщица. И в довершение всего еще женщина. Но теперь войны из десятка Бата и Есугая шепотом рассказывали своим друзьям, как Дженна стреляла, как скакала вместе с ними, как зажгла огонь.

Кто она такая? Прошла Тойрог – смело, даже дерзко. Выучилась стрелять и ездить верхом – все помнили, сколько раз Дженай падал с лошади. И еще она была женой Баяра, а абы кто их обожаемому командиру точно не годился. Если уж сам Баяр-ах ее взял в свой шатер – она точно особенная.

Поэтому никто даже не возразил, когда молодой хан (а Баяра теперь только так между собой и называли) решил ехать торговать к угурам самолично, а за главную оставил в стане жену. Нет, а кого еще? Нарана разве что, но Нарана Баяр забрал с собой. Он и Дженну бы забрал, но кто-то должен следить тут за порядком, к тому же она прекрасно чувяла приближение врага.

Женька была далеко не так сильно уверена в своих силах. Она – и главная над мужчинами, над целой сотней? Смешно и нелепо. Но Баяр и ей был командиром – пришлось подчиниться.

– А что я делать-то должна? – шепотом спросила она мужа.

– Следи, чтобы без дела не шатались, – так же тихо ответил степняк. – Когда мальчишкам скучно, они начинают ссориться. Пусть овец проверяют, шатры ставят, охотятся. Ничего сложного.

И уехал, гад такой, да еще увез с собой Нарана и десяток Есугая.

И кто, скажите на милость, такие инструкции оставляет? Женька понятия не имела, чем этих «мальчишек» занять. Овцы? А сколько народу нужно, чтобы следить за их выпасом? На охоту – десяток посылать или больше? Их так много, они то и дело мелькают перед глазами, а она запомнила по именам только десятников, да и то – потому что с ними и раньше была ближе всех знакома.

Баяр уехал утром, а к вечеру уже пришлось разнимать почти драку. Хорошо еще мужчины постарше сами все решили, все же не одни юнцы были в сотне. Тому же Бату уже явно за тридцать, жена у него и два мальчишки. И Айдар вполне взрослый мужчина.

Громко споривших кохтэ Женька, немного подумав, отправила в наряд вне очереди – в смысле на ночное дежурство. Всех четверых – оптом. Пригрозила, что если услышит ночью хоть звук – ребятки будут до конца своей жизни работать при выгребных ямах: выкапывать, обустройства, закапывать. И снова выкапывать. Кажется, впечатлились. Сортиры убирать никто не любит, да?

В том, что парни ночью тихо подерутся, она не сомневалась. Что жаловаться не станут – тоже сомнений не было. Зато выяснят свои отношения и прекратят таить обиды.

Ночевать без Баяра было холодно и одиноко. Женька скучала, вздыхала и под утро придумала новую пакость: женщины, кажется, хотели учиться воевать? Вот и пусть учатся. Воинов много, хватит, чтобы приставить к каждой наставника. Тем более что вдовы были вполне еще молоды и достаточно привлекательны. Главное, воинов подобрать постарше – и не женатых.

Поговорила с Найрой – эта женщина с живыми глазами и ранней сединой в густых волосах чрезвычайно Женьке нравилась. Умная – сама спаслась в разграбленном стане и детей сберегла. Красивая – Женька видела, как на нее смотрят воины. Терпеливая и покладистая – как только пришла к ним, сразу взялась за работу. Ее чаще других видели у котлов, она ловко доила коз и всегда готова была присмотреть за детьми, своими и чужими. А еще она умела стрелять из лука.

– Найра, ты тоже хочешь мстить? – на всякий случай спросила у нее Дженна.

– Хочу, – свирепо сверкнула глазами красавица-степнячка. – Только дети у меня. Разве могу я их еще и без матери оставить?

– Я хочу собрать отряд женщин-воительниц. Встанешь десятником?

– Почему не Гаюна?

– Так она едва лук в руках держит. Хотя злости и упорства у нее побольше, чем у любого мужика. Только что с того, если она едва в край мишени попадает? Нет, пусть себе дальше злится.

– Зачем тебе женщины-воины, Дженна-аах?

– Чтобы в случае чего могли защитить себя и детей. Сама видела, что иштырцы делают с теми, кто слабее их.

Найра кивнула задумчиво и спросила:

– Говорят, Дженна-аах, ты ножом можешь научить драться?

– Могу и научу, – кивнула Женька. – Всех, кто захочет.

Ближе к вечеру она действительно собрала женщин и объявила, что готова научить защищаться от насильников каждую, кто захочет. Захотели все. Женька кликнула нескольких воинов, которым предстояло стать «болванами», и принялась показывать приемы.

Это было забавно: девочки, девушки и женщины краснели, ахали и хихикали, когда молодые полуголые мужчины хватили их за разные части тела, а парни, быстро сообразив, как им повезло, тоже старались вовсю. И если Гаюна и еще пара вдов расправлялись со своими «напарниками» хмуро и безжалостно, то та же Листян вовсю строила воинам глазки, а некоторые девицы, кажется, и вовсе не собирались сопротивляться. Да и пары как-то быстро перемешались. Видно, скоро будут свадьбы!

Напрасно Дженна боялась: все десятники слушались ее беспрекословно, и только если она отдавала совершенно глупые распоряжения, шепотом объясняли, почему так делать не стоит.

К примеру, овец резать сейчас самое время. Не всех, а увечных или слабых. А по осени пустят под нож козлов и баранов. Шкуры выделают, будет у кохтэ теплая одежда и одеяла на зиму.

Что делать с козьим молоком? Сыр, разумеется. Бат умеет, Айдар умеет, да много кто умеет. Вот Баяр-ах вернется, и сразу начнут.

– Курут делать будем, Дженна-аах, – охотно сообщил Бат. – Молока много теперь, много запасем, – и, улыбаясь ее недоумению, показывал маленькие, размером с яйцо куропатки, шарики.

Не то сыр, не то сушеный творог, Женька не поняла. Но раз кохтэ делают – пусть. На вкус так себе удовольствие, с голодухи сойдет.

Баяр отсутствовал почти неделю. Женька уже извелась, то и дело поглядывала в ту сторону, куда он уехал. Ждала, волновалась – а вдруг с ним что-то случится? А вдруг он не вернется вовсе? Иштырцы напали, змея укусила, заболел – или еще какая напасть? С фантазией у нее всегда было все в порядке. Гнала от себя эти мысли, уговаривала потерпеть, да только все видели ее напряжение, жалели и старались

подбодрить: лучшие кусочки за ужином подкладывали, подолгу с ней разговаривали, одну не оставляли, да еще напоминали: Баяр-ах – заговоренный. Его стрела не берет, зверь не трогает, конь под ним не спотыкается. К тому же с ним Наран, который за своего командира жизнь отдаст. Да, это утешало.

А вернулись просто, буднично: темнело уже, когда всадников заметили дозорные. Один в лагерь примчался – предупредить, чтобы баню подготовили и еду, остальные встречали.

Сердце у Женьки заколотилось так сильно, что даже в груди защемило. Хотелось вскочить на коня и мчаться навстречу мужу. Побоялась смешной показаться, навязчивой. Ничего, ночью никуда от нее не денется, она в этом была уверена.

Вот всадники, усталые и потные, спрыгнули с коней, огляделись, напились, принялись распрягать скакунов, попутно рассказывая о привезенных богатствах, хвастаясь еще и двумя большими пастушьими собаками, очень им сейчас нужными. И только тогда Женька посмела подойти.

Баяр искал ее глазами, про себя досадуя, что жена его не больно-то и ждала. Кошка дикая, значит, не скучала, не тревожилась. А он ведь не задержался, спешил домой, к ней. А Дженна светлые свои глаза прячет от него под ресницами и ничего не говорит, молчит. Обидно. Полюбит ли она его когда-нибудь? Баяру это было очень важно.

Что ж, раз она молчит, то и ему сказать нечего. Подарки, что он привез жене и сестре, отдаст утром, когда выспится. Пока же поест горячего, в бане быстро вымоется (жаль, что нельзя Дженну туда затащить – не один он провонял своим и конским потом за долгий путь), а потом – потом вся ночь у него впереди. Лишь бы жена не была против.

Против Женька точно не была, ждала его в шатре с нетерпением, остро сожалея, что ей не хватило смелости выйти и позвать его. Что же он медлит? Нашел дела важнее, чем ночь с ней? Как ей показать свое нетерпение, как найти слова? Может, лечь обнаженной на подушки? Или все же остаться в сорочке – тонкой, почти не скрывающей очертания тела?

Раздеться не решилась, стыдно. Нелепо. Пошло. Но когда он вошел – горячий, пахнувший дымом и свежестью, не утерпела, не

смогла, прильнула к нему всем телом, увлекая на постель. Он хотел ей что-то сказать, но она приложила палец к его губам, шепнув:

– Потом поговорим. Я так скучала, муж. Ждала тебя.

Баяр широко раскрыл глаза, удивляясь, а Дженна вдруг наклонилась, щекоча короткими прядями волос его шею, и коснулась губами плеча. Показалось ему? Нет. Еще и еще. Она его целовала, касалась языком, оставляя влажную дорожку вниз по груди, по ребрам. От острого быстрого укуса в бок его вдруг выгнуло. Сдавленно застонал, схватил ее двумя руками.

– Нет. – Она уперлась сильными ладонями в его ребра. – погоди. Просто позволь мне...

Сглотнул гулко, откидываясь на покрывало. Запрокинул голову, чтобы не смотреть на нее. Слишком велико искушение, нет, желание. Его уже трясло от нетерпения, а нежные губы, исследующие его живот, просто сводили с ума. Никогда с ним такого, кажется, не было. Даже в самый первый раз. Кохтэ рано знакомятся с этой стороной жизни, и он тоже... рано познал плотские радости. Слишком рано, толком и не понимал ничего, ему даже особо не понравилось. Потом, конечно, распробовал... Но вот такого, чтобы едва сдерживать стоны, когда еще не было ничего – с ним не случалось никогда.

А она мучила его, издевалась, облизывая со всех сторон, покусывая, впиваясь ногтями в покрывающуюся мурашками кожу. А потом... да. Он ощутил ее губы там, где и мечтал, но даже представить не мог, что она посмеет. Удовольствие пронзало, как копьё. Он уже не мог ни о чем думать – только принимать, только постанывать от горячих ее губ и пальцев в самом центре его возбуждения.

А Женька неожиданно для себя просто кайфовала. Какой он вкусный, как пахнет, как она скучала по нему и его худощавому мускулистому телу! Ей хотелось всего его попробовать, схватить, укусить, съесть, в конце концов! И стоны его тихие распалили так, что она увлеклась своей игрой. Собиралась ли она заходить так далеко? Ни в коем случае. Ей такие развлечения всегда были противны. Пробовала, приходилось – почти насильно. Теперь же она целовала его, ласкала, ловила его дрожь и возбуждалась сама: до головокружения, до мурашек, до сладких спазмов внизу живота.

Отдавала, наслаждаясь этим. Владела своим мужем – брала его. Губами, руками, языком. Он – ее добыча. Трофей. Как сладко!

А потом вдруг он напрягся, как натянутый лук, подскочил, схватил за плечи и опрокинул на землю, рывком сдирая сорочку. Она даже пикнуть не успела, как оказалась распята под ним. Первый же удар бедрами – острый, ошеломляющий – заставил ее оцепенеть. Словно все тело свело судорогой, похолодели даже пальцы ног. Еще, еще. И вот она впивается в его тело ногтями, крича протяжно и жалобно, как степная птица, а он замирает, утыкаясь лбом в ее плечо. Женя чувствует, как возле ее груди стучит его сердце. Очень громко и быстро.

Все, он все?

Нет. Дрожит, напряжен. Спина влажная, грудь ходит ходуном, тяжелое дыхание на ее губах, его глаза – почти дикие сейчас, с искрами безумия. Зажмурилась, вдруг осознав, как сильно он ее желает, едва ли не впервые полностью и абсолютно принимая свою сущность. Она – женщина. Может быть, и воин. Но женщина – его женщина. Рядом с ним – можно.

Почему остановился, чего ждет?

Потянулась губами к его плечу. Прикусила, лизнула. Подалась бедрами навстречу, широко раздвигая ноги. Он вдруг вышел, заставив ее жалобно и испуганно скулить. Это наказание такое за ее инициативу? За то, что посмела хоть немного, но быть главной?

– Баяр, я...

– Ш-ш-ш, – сильная ладонь зажимает рот.

Вторая рука рывком переворачивает на живот. Оглаживает спину и ягодицы, трогает, ласкает, рисует пальцами узоры. Теперь уже дрожит Женька. Выгибается, мычит в его ладонь, прижимается задом к его паху, пытаюсь поймать его жар и такое явное возбуждение.

Тихий, но очень довольный смех, он наполняет ее, как сосуд вином – сразу и до краев. Соприкосновение тел, словно небо и земля сошлись в одну неровную линию горизонта, совпадая всеми впадинами и выпуклостями. Неторопливые, такие глубокие и основательные движения!

Горячий воздух, которого так не хватает, вибрирующий рык над ухом. Нарастающее напряжение, вспотевшие виски, онемевшие пальцы. Настоящее безумие. Все быстрее, сильнее, ярче. Волна в ней

поднялась такая, что снесла все на своем пути, закружила, унесла прочь разум. Остался только он, его сила, его руки, его хриплый громкий стон, ее крик и ослепительное, ошеломительное наслаждение. Женька никогда даже не подозревала, что так бывает. Ей и раньше было с ним хорошо, но сейчас...

Она не чувствовала ни рук, ни ног. Ее качало, штормило, из глаз текли слезы. Не в силах пошевелиться, она распласталась на покрывале, заново учась дышать.

Баяр перевернул жену, замер, увидев ее слезы, испугался, что причинил ей боль, заглянул в глаза, пытаясь понять, что сделал не так. Напугал? Измучил в очередной раз? Был слишком груб? Кажется, он снова сорвался, как тогда, в брачную ночь. Взрослый мужчина, воин – разве можно так? А она смотрела доверчиво, нежно, и глаза сияли, словно... любила его.

Глава 31

Охтыр

С тех пор как сотня Баяра покинула стан, стало тихо. Молчали старые женщины, чьи сыновья ослушались хана. Шептались мужчины, пугливо оглядываясь и замолкая, если к ним приближался кто-то из сотников.

Карын расхаживал по стану с гордым видом, точно петух. Ему отсутствие младшего брата явно было на руку. Теперь-то не возникало сомнений, кого старый хан назначит наследником. Все знали, что Тавегей любил третьего сына больше всех остальных своих детей, ну разве что еще единственная дочь полностью владела сердцем отца, но это понятно.

Для Охтыра очень многое было непонятно и даже дико. Неужели ради какой-то девки, да еще и чужеземной, можно выгнать своего сына? Девку надо было убить, ну ладно – пусть не убить, достаточно кнутом выпороть. Баяр, пожалуй, не позволил бы убивать свою жену, не простил бы. А кнут что – только кожу попортит. К тому же, скорее всего, сам Баяр за нее спину под кнут и подставил бы.

Нет, так тоже нехорошо. Унижения своего командира сотня бы не простила. Взбунтовалась бы и все равно ушла.

Что же это получается, хан нашел единственно верное решение?

За ответами Охтыр пошел к Аасору, вывалил ему все свои сомнения и с надеждой уставился на старика.

– И что ты от меня хочешь, мальчик? – с насмешкой спросил шаман, сунув Охтыру в руки деревянную ступку с пестом. – Растирай осторожно до самой мелкой пыли.

– Хочу ответов. – Мальчишка отставил ступку в сторону, не собираясь заниматься какой-то ерундой.

– А зачем тебе ответы? – Аасор снова впихнул ему в руки ступку.

– Хочу разобраться, что происходит. – Охтыр понял, что придется терпеть, и неохотно, лениво заработал пестом. – Мне все это не нравится.

– А мне очень нравится, – неожиданно сказал Аасор. – Все идет так, как и должно идти. Баяру давно пора было повзрослеть. Теперь –

придется.

– А Карын?

– Карын... – Старик помолчал немного и грустно сказал: – В Карыне сидит демон, и имя ему – гордыня. Он очень похож на своего отца, только Тавегей со своими демонами сладил. Орха помогла, да... Я думал, что Илгыз сможет усмирить Карына, но она не справилась. Вот так-то. Знаешь, чем страшна гордыня?

– Нет, – почти испуганно прошептал Охтыр, не веря, что он вот так запросто может слушать крамольные речи о хане.

– Гордыня – она как нить, на которую нанизываются черные бусины: ненависть, презрение, зависть, а потом – и ложь, и жестокость, и самые злые мысли и мечты. Как ты считаешь, Карын – хороший воин?

– Один из лучших.

– А победил бы он Баяра один на один?

– Не знаю. – Охтыр задумался, представив себе братьев рядом. – Карын сильный, с тяжелым палахом. Может убить одним ударом. А Баяр – гибкий, ловкий. Не знаю.

– А Карын знает. Оттого он брата ненавидит и боится.

– Боится? Карын бесстрашен!

– Боится. Тех, кого не боятся – не ненавидят, поверь.

– А теперь Баяра нет, и Карын успокоился?

– Нет. Он умный. Очень умный. Баяр – есть. И у него есть его сотня, которую хан отпустил за сыном. Это Карына страшно бесит. Он как дикий зверь стал, на людей бросается. Не попадайся ему под ноги, вспомнит, что ты тоже в сотню был взят – пришибет ведь.

– Да как же это – отпустил? – оторопел Охтыр. – Когда они сами ушли?

– А ты думаешь, Нурхан-гуай просто так себя связать позволил? Шум не поднял, Нарана на месте не прибил и вообще лежал смирно, отдыхал, да? А ведь Нурхан – побратим Тавегея, помнишь? Эти двое всегда вместе все дела обсуждают.

Охтыр молчал подавленно. Он все еще многого не понимал, но картина в его голове вырисовывалась странная, неправильная. Ведь по всему выходило, что хан Тавегей на сына не так уж и злится, и не такое уж страшное это наказание. Даже, пожалуй, и не наказание вовсе, а испытание. Или – награда?

Сложно.

Поблагодарил шамана за науку, поклонился и вышел, задумавшись.

Сначала Охтыр очень злился и обижался, что Наран его с собой не взял, потом понял, что не мог – Наран ему не отец и не брат. Мать бы, наверное, расстроилась, что сын ушел. Да и не воин он пока, хотя на лошади скакать может хоть до заката солнца, и стрелы его всегда попадали в цель. Но и сам знал, что сил в руках мало, да и убивать не выучен, и все же очень хотел сейчас быть рядом со своей сотней.

Теперь-то что? Оставалось ждать четырнадцати лет и идти в тысячу отца простым воином. Обидно. А еще мать заявила, что раз Охтыр теперь свободен, так пусть делом занимается: вон стирать на речку пусть идет. Прополоскать одежды и ребенок может, работа хоть и утомительная, но несложная. Пришлось идти со всеми вместе к реке и работать, а мог бы сейчас скакать на коне, охотиться и биться с иштырцами. И невдомек ему было, что все войско Баяра сейчас занималось не менее тяжелой работой.

В стане же на реке были лишь женщины и дети, к которым отправили и Охтыра. Кто-то стирал, кто-то мыл посуду, а кто-то валял небольшие куски войлока тонкой работы: для одежды, для обуви, для украшения гэров. Работа эта кропотливая, утомительная. Тут же войлок и окрашивали. В шерсть добавляли сыворотку, чтобы процесс шел быстрее.

Крупные же полотнища для покрытия шатров испокон веков делали мужчины, всадники. Зашивали шерсть в сырую буйволиную шкуру, привязывали веревки к стременам коня и катали по ровному травяному полю, пока войлок не сваляется. Со стороны это казалось почти игрой, весельем, и Охтыр завидовал тем, кто сейчас скачет, весело перекрикиваясь, а не мнет комки овечьей шерсти покрасневшими озябшими руками.

Рядом с ним на корточках молча сидела первая красавица стана – Илгыз. Охтыр, да и все остальные знали, что она была подругой Баяра, а потом ушла в шатер к его старшему брату. Мальчишка сопел и гневно на нее косился: вот если бы она не ушла, то ничего бы этого не было. Не взял бы Баяр в жены чумную девку, которая всех обманула, ну зачем она ему нужна была бы – с такой-то женщиной рядом? И тогда бы его не выгнали прочь, как приبلудившегося пса.

– Что ты тут забыла, женщина? – раздается над головами валяльщиков громкий густой голос. – Ты разве не должна смиренно ждать мужа в шатре?

Илгыз тяжело вздыхает и поднимается на ноги, являя всему миру уже довольно заметный живот.

– Я работаю, Карын, – четко и холодно отвечает она. – Мне нужны новые одежды на зиму. И для ребенка своего хочу сшить покрывало.

– Ты – моя жена. Ты не должна работать с остальными.

– Да ну? Они чем-то хуже меня? – Женщина гордо вскидывает голову. – Моя мать, мои сестры, подруги – они должны за меня трудиться?

Охтыр с опасением, искоса разглядывает ханского первенца. Ох и хорош он собой, истинный воин! Не такой высокий, как Баяр, зато широкоплечий, с могучими руками и ногами, коренастый, с круглым лицом, узкими яростными глазами и черной короткой бородкой. Одет очень богато: сапоги, шелковыми узорами расшитые, халат роскошный из алого шелка, золотым поясом подвязанный. Сразу видно, что человек перед ними уважаемый и из хорошей семьи.

Вот только взгляд его мальчишке совершенно не нравится. Захотелось вступить за Илгыз. Только, конечно, он даже не пошевелился, старательно разминая свой ком шерсти и делая вид, что вовсе не слушает семейную беседу.

– Будущая ханша должна сидеть у ног мужа и помогать ему во всем.

– А что, у нас хан Тавегей заболел? Или ослаб? Или уже сказал свое последнее слово?

Ох и зря женщина задала эти вопросы Карыну. Он, кажется, считал, что отец его одной ногой уже на небесах. А Илгыз, прекрасно понимая, что ее слушают все женщины вокруг, насмешливо напомнила мужу:

– У хана недавно сын родился. Кто знает, может, звезды именно ему предназначили стать следующим отцом кохтэ.

– Младенцы – они такие слабые, – отмахнулся небрежно Карын. – Не каждый доживает до зрелых лет. Наследником хана стану я, это не обсуждается. Больше некому. Сулим – хром, Ирган во всем мне послушен...

– Есть еще Баяр.

От этого имени лицо Карына перекоилось.

– Какое тебе дело до выродка шакала? Он больше мне не брат и моему отцу не сын! Или скучаешь по своему дружку? Так он давно уже подох где-то в пустыне со своей неправильной девкой.

Мужчина шагнул к жене, сжимая кулаки и полыхая ноздрями, и Охтыр, не выдержав, звучно и веско сказал:

– Сложно сгинуть в пустыне великому воину, особенно если у тебя есть целая сотня верных друзей.

Да, он прекрасно знал, что немедленно получит за свою смелость. Но в глазах от сильного пинка в бок все равно потемнело. Второй пинок опрокинул его на землю, мальчишка сжался в комок, закрывая руками голову, но третьего удара не случилось.

– Какой ты смелый с детьми, муж мой! Верно, ты тоже – великий воин? Как и Баяр?

Ох, дура баба! Зря, что ли, Охтыр отвлекал на себя гнев Карына?

Впрочем, ударить Илгыз мужчина не посмел, просто плюнул на землю и прорычал очень тихо, но услышали его все:

– Хуже нет жены, чем та, которая вздыхает о другом. Если уж тебе так люб Баяр, зачем ко мне в шатер пришла? Не потому ли, что ни ты, ни ребенок его не нужны стали, когда ведьма светловолосая появилась?

– Да ты с ума сошел, Карын! – искренне удивилась женщина. – Какой его ребенок? Что ты говоришь? Да и Дженна в стане появилась уже тогда, когда я тебе женой стала. Ни разу я в сторону Баяра не поглядела, когда стала твоей.

– Ни разу, говоришь? – Карын прищурился и задумался на мгновенье. – А ну, бросай свой войлок. Иди лучше еду мне приготовь.

– Хорошо, муж.

Охтыр распрямылся. Ой, как не понравилось ему то, что он увидел на лице Карына! Старший сын хана явно замыслил недоброе, и мальчишке очень хотелось узнать, что именно!

Улизнул с реки так быстро, как мог – и спрятался в тени шатра ханского сына. Слушал. Охтыр оказался прав: Карын никак не мог унять свою ненависть к старшему брату, а Илгыз... Зря он эту женщину пытался защитить! Эти двое друг друга стоили – шакал со своей шакалихой! Она тоже Баяра не любила и добра ему не желала.

И теперь Охтыру предстояло решать, что ему со всем услышанным делать.

Глава 32

Жены и дети

Дни летели стремительно – один за другим. Стан Баяра обзавелся несколькими новыми шатрами. Поголовье овец и коз пополнялось на глазах: прекрасно выученная сотня на бойких лошадях, да в огромной степи, была почти неуловима. Быстрые как вихрь, как ураган, «дети огня» появлялись в станах иштырцев, куманов, тирахов – убивали мужчин, захватывали добычу, какую могли увезти: посуду, ткани, сдергивали без всякой жалости золотые украшения с женщин и мужчин. Хохоча, прямо на скаку свешиваясь со своих диких коней и немислимо изгибаясь, двумя руками подхватывали в седло молодых девушек – и если они не слишком сильно вырывались, их тоже забирали с собой. Угоняли овец, буйволов и коз – не всех, только часть стада. Уводили по реке, и отчего-то желания их догонять ни у кого не возникло.

Может быть, если бы кохтэ забрали всю скотину, те же иштырцы волей-неволей пускались бы по их следу. Потому что иначе зимой им – верная гибель. Но урон был не смертелен, до зимы еще оставалось время, и, ругаясь, иштырцы и куманы поднимали опрокинутые шатры и усиливали дозоры.

«Детьми огня» кохтэ называли потому, что каждое их появление сопровождалось мощными огненными столбами.

А что, эффектно, красиво и главное – Дженне это давалось совсем не сложно. Зато их боялись до головокружения. Стоило взметнуться огню – и женщины с визгом разбежались, а мужчины хватались за оружие, но как-то неубедительно. Они быстро сообразили, что если не сопротивляться, то кохтэ особо не зверствуют – так, немного порезвятся, девок самых красивых пощупают, дань свою соберут да исчезнут вдали.

Дженна хохотала в голос, когда во время очередного «визита вежливости», ради разнообразия – к тирахам, их встретили безо всякой суеты, не пытаясь даже взяться за оружие.

Седобородый каган низко поклонился Баяру и предложил обсудить условия мира.

– Длинного лета тебе, Баяр-ах, теплой зимы. Пусть кони твои не спотыкаются, а шатер будет полон детского смеха. Не губи, прежде выслушай меня.

Молодой хан опешил от такого поворота событий, но виду не подал. Молча глядел на старика, сдерживая нетерпеливого коня. Женька с восторгом думала, что сейчас на ее глазах происходит нечто невысказанное.

– Не тирахам воевать с демонами, – сказал тем временем старик. – К чему вам наши жизни, огнеликий? Прими же наши дары, и останемся друзьями.

– Каковы же твои подарки, мудрый?

– Овец десятков, пять коз... Золотых украшений два жина...

– Два больших шатра и три красивых девушки. Пару котлов риса. – Баяр решил брать все, что дадут.

– Нет у нас девушек, огнеликий. Помилуй, откуда? Все сосватаны, а сам знаешь, разбивать браки – невысказанное преступление.

– А вдовы есть? – встряла Женька. – Молодые?

– Есть, как не быть. Только детные все. Негоже мать от детей отрывать.

– А с детьми еще и лучше, – сверкнул глазами Баяр. – Значит, не бесплодные. К тому же дети – это свято. Показывай своих вдов.

Старик закатил глаза, но махнул рукой, и через несколько минут перед кохтэ предстал целый ряд женщин: все как одна – оборванные, чумазные и уже в возрасте. Некоторые и вовсе старухи.

– Не пойдет, – снова бойко влезла Женька, которой озадаченное молчание Баяра ясно дало понять, что он не против ее вмешательства. – Зачем нам ваши старухи? Шерсть прясть и коз доить? Нашим воинам жены нужны, а не мамки.

– Жены? – удивился старик. – Не рабыни, не наложницы бесправные?

Женька усмехнулась и качнула головой:

– Нанэ, покажись!

Вперед выехала красивая молодая женщина на ладной рыжей лошадке. Черные косы, смеющиеся глаза, широкая кожаная лента на лбу, лук под грудью, легкая сабля на бедре – специально для нее выковал Айрат, трепетно ухаживающий за воительницей.

– Десятница наша. Чтоб вы понимали: женщина у кохтэ никогда не была и не будет бессловесной скотиной. Ни одному мужчине я не позволю взять рабыню. Только – жену.

– Ишь, грозная. Кто такая?

Женька прищурилась и рукой в сторону костров махнула, проделывая свой любимый фокус. Вот вам – огонь пожирающий. Поглядите, красота какая!

Тирахы взвыли, бросаясь тушить вспыхнувшую траву, а Женька самодовольно заявила:

– Я – жена Баяр-аха.

– Если жена у него такова, то каков же молодой хан? – уважительно склонил голову старик. – Ай, прости неразумного, сейчас поправлю дело. И с такими великими воинами – воевать, да еще по осени? Сберегли нас мудрые предки, сам отец-солнце руки наши от сабель да луков отвел!

Суматошно размахивая руками, старик разогнал свой престарелый курятник, а затем сам лично за руку привел с десятков дев, причем, кажется, не только вдов.

– Вот, внучка моя, – гордо толкнул хорошенькую девчушку в спину. – Разве не красавица? Кто из доблестных воинов готов ее взять женой?

«Если бы в этом мире были евреи, этот дед явно бы относился к ним, – весело подумала Женька. – Вот же жук навозный. То у него баб нет, то внучку свою сватает!»

– Разве твоя внучка успела овдоветь?

– Как есть жених погиб у нее, – не моргнув глазом, соврал старик. – А сам Баяр-ах вторую жену взять не хочет?

– Не хочет, – мгновенно нахмурилась Женька. – Ему и одной более чем достаточно.

Баяр фыркнул тихо, спрыгивая с коня. Женька мгновенно заткнулась.

– Мы берем трех вдов с детьми, – сообщил молодой хан. – Внучку твою – разве что довеском. Да и то – если сама согласится. Ты согласна, девочка?

Та испуганно покачала головой. Эх, будь у него побольше времени, Баяр бы ее уговорил – его воины такую девчушку на руках бы носили по очереди, да к тому же породниться с этим станом вовсе

не помешало бы, но сейчас разговаривать совсем некогда. И без того неожиданные переговоры его сильно напрягли. В следующий раз лучше Нарана высылать вперед – он тот еще болтун. Пусть договаривается о дани, и тогда кохтэ объедут стороной своих данников.

Трех вдов выбрали быстро, овец и коз пригнали мигом, золотые украшения, видимо, были стариком приготовлены заранее.

Женька, тоже уже спрыгнувшая с коня, подошла к мужу и тихонько сказала:

– Надо бы знак им какой оставить. Чтобы ненароком их в следующий раз не задеть.

– Верно, – кивнул он. – Придумаем, – а старику бросил: – Через несколько дней посланник мой придет, вон тот – рыжий. Привезет вам знак от меня, что вы теперь в безопасности. Больше не тронем.

– В этот год, – уточнила Женька.

– В этот год, – усмехнулся Баяр.

– А в следующем году мы еще дары подготовим, – понимающе закивал старик. – Славно, славно.

Женька фыркнула. Воины, посмеиваясь, пообещали на следующий год внучку старика непременно забрать с собой, если дождется, а Баяр, окинув взглядом явно богатый стан, пытался понять – почему столько здоровых сильных мужчин предпочли принести унижительную дань, а не сражаться.

Да, Баярова сотня нанесла бы немалый ущерб. Многие воины простились бы с жизнью, были бы и раненые. Возможно, пострадали бы и женщины, хотя кохтэ очень старались ни женщин, ни детей не трогать. Но все это – обычная жизнь обычного народа. Неужели лучше выглядеть в глазах врага трусами?

– А они хорошо придумали, – откликнулась Женька в ответ на его мысли. – Убили двух зайцев сразу. И добро сберегли, и свой народ спасли от смертей и разрушений.

– Сберегли? – наморщил лоб Баяр.

– Ну да. Мы бы явно больше забрали. И потоптали бы. И поломали. А тут – малой кровью отделались. Знаешь, Баяр, а это мысль: перед набегом засылать в стан к врагу хоть Нарана. И предлагать – или откуп, или ждите нас в гости.

– За что ты так не любишь моего друга? Его убьют еще при подходе. А если и не убьют – к нашему приходу все ценное попрячут и встретят нас тучей стрел.

– М-да, дикари, – вздохнула Женька. – Ну, тогда после набега. Сказать: ребята, мы придем еще. И еще. Вам оно надо? Можем предложить сделку. Вы нам дань, а мы – ярлык, что вы наши данники. Трогать не будем, все целы, все довольны.

– Не знаю, что такое ярлык, но мысль неплохая. Только не с сотней. На месте этих данников я бы объединил пару станов и пошел следом за врагом. Догнал, ярлык этот засунул... тому, кто жив останется. Чтобы требовать дань на постоянной основе, мне нужно гораздо больше людей. Сотней тут не управиться. Это сейчас на нашей стороне сама степь, да еще холода скоро начнутся. Не до набегов станет. А в следующее лето нас уже будут встречать гораздо суровее, поверь.

Женька задумалась. Так далеко она не заглядывала. Жить одним днем куда проще.

Все ведь было так славно: стремительные дни, жаркие ночи, богатая добыча, ветер в волосах. Люди, которых она смело могла считать своими друзьями. И муж, который вообще ни в чем ее не ограничивал. Позволял говорить любые слова, спорить, не требовал от нее, чтобы она стирала рубашки или готовила.

Именно о такой жизни Женька и мечтала, когда выдавала себя за воина. Только сейчас было еще лучше. У нее даже десяток теперь был свой, женский. И Найра была, которую с легкой руки Женьки все уже называли нанэ – «матушка». Нанэ была старше Женьки на добрый десяток лет, ей во всем помогала, советы умные давала, и вообще стала так же близка, как Листян.

Одно лишь теперь терзало Женьку: она знала, что муж ее хочет детей. После того безобразного разговора он молчал, но Женька-то видела, как ловко он управляется с малышкой. Может и на руки подхватить упавшего сына Найры, и рассказать возле костра сказку облепившей его детворе, может дать совет мальчишкам постарше или запросто подхватить тяжелый котел из рук восьмилетней дочери Бата. Каким бы он был прекрасным отцом, если бы кто-то родил ему ребенка! Кто-то, но уж точно не Женька. Она-то не забывала пить приносимые Листян отвары – каждое утро. Баяр это видел и снова

молчал, а Женька, наверное, уже хотела бы завести тот самый разговор снова. Пусть бы он приказал, запретил, решил за нее – но она уже знала, что ее муж никогда так не поступит.

К своему стану возвратились уже к вечеру. Дни становились все короче, ночи – все холоднее. Шли дожди, небо все чаще затягивало тучами, но лето еще не кончилось, хотя в привычных кожаных доспехах воины уже не потели.

Их ждали. Женька знала, что к их возвращению будет натоплена баня, куда они с Баяром пойдут последними уже глубокой ночью. Горят костры, а котлы полны мяса.

Но в этот раз было и другое. Неожиданное и не самое приятное.

Возле их шатра стояла женщина – и такую красавицу Женька видела здесь впервые. Тонкое правильное лицо, оленьи глаза, раскосые и влажные, пухлые алые губы. Высокая, как мужчина, но очень женственная. Толстые черные косы, хрупкие плечи, пышная грудь. И живот – вполне себе выдающийся. Месяц этак пятый, а может, и больше.

– Баяр, я прошу тебя принять меня в свой гэр. Меня и дитя.

И как это у нее так получилось? Не просительно, но и не приказательно. Она вроде и с уважением, и кротко, и смиренно, но... отказать невыносимо.

– Илгыз. – Баяр осмотрел женщину с ног до головы, задержав взгляд на животе и пытаясь сосчитать, может ли она носить его ребенка. – Откуда ты здесь?

Глава 33

Любовь

Илгыз. Так вот она какая – та, которую Баяр любил до Дженны. Да, даже думать нечего: Женька такой женщине и в подметки не годится. И никогда не будет годиться. Таких она видела когда-то: изумительные, знающие себе цену, бесконечно уверенные в себе. Фламинго против воробья Женьки. Ну, или орлица. Да, вот такая достойна стоять рядом с Баяром. Женька даже не ревновала – смешно. Ну как можно ревновать к той, кто выше тебя на голову, и не только в буквальном смысле слова?

Баяр прекрасен – и эта женщина ему достойная пара. Вот и все. К тому же она беременна. Не кричит, как Женька: «Я рожать не буду никогда!» Не устраивает истерик на ровном месте.

А про детей Женька отлично помнила все, когда-то ей сказанное: если мужчина принимает женщину в свой шатер, то это теперь его ребенок. Сглотнула, широко раскрыв глаза. На миг в голове мелькнула мысль раскричаться и зубами выгрызть своего мужчину у всего мира, но тут же пропала. Выставить себя дурой она могла и умела. Но, кажется, от Баяра заразилась молчаливостью и внешней невозмутимостью. Вздернула подбородок, расправила плечи, даже не подозревая, что муж наблюдает за ней с явным восхищением, и оттого не спешит ее спасать, и мягко заговорила с этой самой сучкой Илгыз.

– Мой муж задал вопрос. Хотелось бы услышать на него ответ.

Та нехотя прекратила пожирать Баяра глазами и перевела взгляд на мелкое недоразумение, вставшее у нее на пути (так, во всяком случае, Женька себя ощущала).

– Пришла. Приехала верхом.

– Крайне неосмотрительно в вашем положении.

– Это мой выбор. Баяр-ах, я хочу войти в ваш род.

– А муж за вами не приедет?

– Да сохранят меня от этого предки. – В глазах женщины мелькнули страх и отвращение. – Не думаю, что ему это нужно.

– Что он сделал? – подал голос Баяр.

– Не важно. Этот человек для меня умер, а о мертвецах не стоит разговаривать.

О как. Уже за одно это Женька ее зауважала. Не ноет, не жалуется, а просто так – выкидывает мужа из своей жизни. Наверное, такая женщина вполне бы могла стать женой молодого хана... вот только Баяр не спешил ее принимать. Женька покосилась на него и по плотно сжатым губам и подрагивающим ноздрям поняла: он злится, и очень. На кого – непонятно. Не то на женщину свою бывшую, не то на ее мужа, не то на нее, Женьку, что сейчас встала на пути его семейного счастья.

Илгыз смотрела вопросительно, уже начиная волноваться, а Баяр все молчал.

– Баяр-ах?

– Спрашивай мою жену, – наконец сказал молодой хан. – Как она скажет, так и будет.

Женька вздрогнула, а потом сказала то, что хотела. Не станет она прогибаться и свое не отдаст, вот так-то!

– Ты можешь остаться в нашем стане, но в род иди другой. У нас слишком много молодых неженатых мужчин, чтобы в одном шатре жили две женщины. Выбирай любого, Илгыз, каждый сочтет за честь взять тебя и ребенка в семью.

Баяр тихо фыркнул и привлек жену к себе. Да, он в ней не ошибся. Умная и жесткая, то, что нужно, чтобы не прогнуться, не спасовать перед сложностями. Хорошо она сказала, правильно. И не прогнала соперницу, и на место поставила достойно, обозначив свой статус. Единственное, что смущало в этой ситуации, – это срок беременности Илгыз. Если это дитя Баяра – тогда все не так просто.

Илгыз вдруг растерялась, опустила плечи. Убрала неловко волосы с лица.

– До рождения ребенка найди ему отца, – сказал Баяр твердо. – Иди. Отыщи Листян, она тебе поможет разместиться, накормит тебя и даст теплую одежду.

Женщина кивнула и отошла в сторону. Кажется, она ожидала совсем другого приема. Возможно, планировала стать его женой, совершенно не принимая Дженну в расчет. Была в Илгыз такая скверная черта: она вообще никогда не считалась ни с кем и ни с чем, кроме себя и своих желаний. И даже когда приходила по ночам в его

шатер, постоянно пыталась командовать и учить его, как следует себя вести в совете и разговаривать с ханом. Ему было с ней хорошо, она была красивая, горячая в любви, а днем он ее и не видел совсем. Но в жены брать столь сварливую и эгоистичную женщину ему совершенно не хотелось, поэтому, когда она заявила, что выйдет замуж за его брата, Баяр только плечами пожал и не думал даже отговаривать, чего она, кажется, ожидала.

Теперь вот такая же гордая, как и раньше, Илгыз не просила – требовала взять ее в шатер. Дженна очень достойно поставила ее на место.

– Красивая женщина, – неожиданно заметила его жена, сумрачно вздыхая.

– Ты краше, – мгновенно, даже не задумываясь, ответил Баяр.

Она поглядела на него удивленно и слабо улыбнулась. Не поверила. Но он и в самом деле так считал! С мягкими светлыми волосами и огромными глазами, отражающими свет неба, Дженна казалась ему просто совершенством.

– Баяр, это может быть твой ребенок? – прямо спросила жена, и он досадливо вздохнул.

– Я не знаю. Наверное, может.

– Мы можем это как-то узнать?

– Зачем?

– Не знаю. Забрать его? Если это твой сын, разве ты не захочешь его воспитывать сам?

– Захочу. Но забирать ребенка у матери просто невыносимо. К тому же моей жене это может не понравиться.

– Твоя жена никогда не будет препятствовать твоему общению с сыном, – тихо сказала Женька. – Я знаю, что такое быть сиротой. Ни один ребенок... никому не пожелаю. У детей должны быть родители.

Баяр обнял ее и поцеловал в светлую макушку.

А Женька крепко задумалась. Она, конечно, поступила правильно, в этом ни тени сомнения не было. Но Илгыз ей вдруг стало жалко. Она как-то интуитивно почувствовала ее растерянность и страх. Эта женщина не просто так оставила шатер своего супруга и на большом сроке беременности отправилась невесть куда искать спасения. Наверняка Карын, про которого Женька особо ничего не знала, сделал что-то плохое. Может быть, бил жену. Или обижал, унижал.

Надо поговорить.

Еще месяц назад ей бы даже в голову не пришло кого-то утешать, даже думать не стала бы она ни о ком, кроме себя. Но Баяр был с ней терпелив и милосерден. И не только с ней. Он вообще был удивительным, Женя даже не знала, что люди такими бывают. И ей хотелось стать на него похожей. Она училась у него не только стрелять из лука или вызывать огонь, но и поступать, как положено жене хана.

Илгыз нашлась возле одного из костров. Она больше не выглядела гордой и красивой. Ссутулившись и пряча большой живот, завернувшись в одеяло, она неспешно прихлебывала чай под строгим взглядом Листян, которая никогда не скрывала своей неприязни к женщине Баяра и сейчас явно говорила не ободряющие слова.

– Лис, оставь нас, – попросила Женька. – Хочу поговорить с Илгыз наедине.

– У тебя от меня секреты, сестра? – тут же вскинулась Листян, и Женька с усмешкой подумала, что рано или поздно жизнь и эту девочку обломает. Слишком уж она стала важной птицей, начала задирать нос. Таких жизнь бьет больно, иногда – ногами.

Посмотрела на нее строго, молча – не подозревая, что Листян увидела в ее взгляде взгляд своего брата. Да, Женька становилась все больше похожа на мужа, даром что женственность свою прятать перестала и даже иногда надевала женское платье. Фыркнула возмущенно, развернулась на пятках и отошла недалеко, наблюдая и прислушиваясь.

Илгыз посмотрела на Женьку затравленно, сощурила глаза, сжала чашку так, что пальцы побелели – явно готовясь защищаться и огрызаться.

– Я тебе не враг, – сразу обозначила свою позицию Женька. – Не нужно меня бояться. Скажи мне, женщина, чей у тебя в животе ребенок?

– А если Баяра, то что? – с вызовом посмотрела на нее степнячка. – Убьешь меня? Или задушишь ночью младенца, когда я рожу?

– Зачем младенца? Нет, тебя – еще понятно. А ребенок в чем виноват?

– Он – первенец. Будет наследником, твоих детей может обойти.

– Не думаю, что лев родит шакала, – усмехнулась Женька. – Сыновья моего мужа не станут грызть друг друга.

Женщина посмотрела на нее удивленно и даже уважительно:

– Но Карын и Баяр вечно воюют. А они – братья.

– Разве? Что-то я не заметила, чтобы Баяр кого-то ненавидел. Ты знаешь его гораздо дольше, чем я. Кто кого грызет, Илгыз?

– Карын, – согласилась степнячка. – Он брата ненавидит, а когда Баяр ушел из стана и стало понятно, что Карын примет власть у отца, мой муж как с ума сошел. И я ему стала не нужна. И ребенок. Он ведь тоже спрашивал, чей сын.

– Так чей?

– Карына, чей же еще. Я не обманывала его.

Женька выдохнула с облегчением.

– Только мой ребенок все равно Баяру не чужой! Он сын его брата.

– Я и не спорю, Илгыз. Никто и никогда твоего сына не обидит. Но решение мое неизменно: ищи себе мужа. Ты слишком красива, чтобы оставаться одной. Нам споры и распри в стане ни к чему. Да и ребенку нужен отец. Смотри, у твоих ног почти сотня отборных бойцов!

– Юные. Почти дети, – поморщилась Илгыз.

– Эти дети – все сплошь львы. Смелые, горячие, сильные. Лучшие из всех кохтэ. Потому что их Баяр вырастил.

– Ты его любишь, – неожиданно улыбнулась женщина. – Я рада. Я так его не любила, мне нужно было другое.

– Люблю.

Женька впервые в жизни сказала это слово – о человеке. Она любила ножи, любила сосиски, любила дождь, а людей только терпела. И использовала.

А теперь знала – за Баяра она жизнь отдаст, не задумываясь, не сожалея ни мгновения. И это было очень странное ощущение. Ошеломляющее. Невероятное. Она – любит.

Словно панцирь с сердца сняли, словно стены вокруг рухнули. Мир перевернулся, небо упало на землю. Теперь понятно, почему про это неизвестное ей ранее чувство спето столько песен и рассказано столько сказок. И самое главное – Женька вдруг почувствовала себя сильной. Как будто крылья выросли за спиной. Нет, напрасно она

боялась любви. Не ослабела, признавшись себе, не сделалась глупее. Не потеряла себя, а нашла. Как же это удивительно!

Молча кивнула Илгыз, задумчиво приняла миску с едой. Что в ней – так и не поняла, вкуса еды совершенно не почувствовала. Все ее мысли были в темном шатре, наполненном паром. Еще немного – и придет их с Баяром черед мыться. Женька уже знала, каким волшебным это немудреное действие становится между супругами. Когда мыльные пальцы скользят по покрытой каплями воды коже, и рядом – два обнаженных тела, разгоряченные и пышущие жаром, и дыхание такое тяжелое, и вожделенное так близко, что утерпеть и не стать единым невозможно.

И... так ли страшно – родить ребенка любимому мужчине, если он этого хочет?

Глава 34

Сулим

Сулим, четвертый сын хана Тавегея, с рождения был хром. Говорят, что роды у его матери пошли как-то не так, что младенец шел вперед ногами, и повивальная бабка, вытягивая его, повредила ножку мальчику. А может, он изначально таким и был – неправильным, ущербным?

Ему нравилось ощущать себя особенным, и даже хромота была скорее преимуществом, чем недостатком. В самом деле: его почти не замечали сверстники. Как сын хана он был неприкосновенен, а в игры его не втягивали как раз потому, что увечный. Сулима вообще никто не трогал, а ему только это и нужно было. Очень наблюдательный и спокойный, он был любимцем матери – постоянно при ней, не убежал никуда, не попадал в неприятности, как его братья, не приползал в гэр с окровавленным лицом или рассеченными тетивой пальцами, или покусанный собаками, или с переломанными после гонки на лошадях ногами.

Добрый Баяр брата любил, старался о нем заботиться. Карын, напротив, постоянно Сулима задирает, обзывает и говорит, что хромой лев хуже здоровой собаки. Сулим не уточнял, действительно ли старший считает себя псом, а его львом, хоть и увечным, прекрасно понимая, что ответом на этот вопрос будут очередные побои, но про себя усмеялся.

Да, вот такой он – хромой лев.

На том самом совете Сулим чуть не умер со смеха, наблюдая за тем, каким дураком выставил себя Карын, якобы оправдывая непокорного брата. «Хромой лев» прекрасно понимал, чего хочет отец: Баяра нужно было изгнать. Зачем? А ответ на этот вопрос Сулим обдумывал уже давно.

О, разумеется, он прекрасно знал, что сотня Баяра помчится за ним следом. Братец его любил играть в «воинов», каждого из своих бойцов знал по имени, берег их, словно родных детей. Сущая глупость, конечно, потому что, если беречь воинов, больших побед не

одержишь. Надо быть выше, отстраненнее. Доброта – очень опасное качество для хана.

Сулим добр не был. Он был расчетлив, холоден как змея и коварен как шакал. Пожалуй, даже Карын не сравнился бы с братом в искусстве лицемерия. Больше всех детей он был похож этим на свою мать.

И именно к Сулиму примчался обеспокоенный Охтыр за советом, когда совсем уже извелся от своих мыслей и вопросов, – он ведь знал, как любил младшего брата Баяр.

Задыхаясь от волнения, мальчишка начал рассказывать:

– Сулим-гуай, там... Карын зло задумал против Баяра, черное зло!

Вот как! Для пацана Сулим – Сулим-гуай, уважаемый, почитаемый мудрец, а Карын, теперь уже его будущий хан – просто Карын. С довольным видом Сулим пригладил бороду и поощряюще улыбнулся мальчику:

– Ты правильно сделал, что пришел ко мне, сын славного отца. Рассказывай скорее.

– Я подслушивал, – сразу признался Охтыр. – Карын хочет, чтобы его жена поехала к Баяру и вывела оттуда Дженну. Карын решил ее украсть, чтобы Баяр бросился ей на помощь.

– И убить Баяра? – нахмурился Сулим. – Неразумно даже для Карына. Зачем? Баяра отец прогнал, очень уж на него зол. Молодым ханом уж точно Карын будет.

– Хан знал, что Дженай – девочка, – внезапно заявил Охтыр. – Не так уж, наверное, и зол. Аасор сказал, что хан позволил... чтобы все так получилось.

Сулим оцепенел. Если отец знал... тогда это меняло дело полностью.

Не раз и не два «хромой лев» слышал, как сокрушается мать, что Баяр – легкомысленный и совершенно ни к чему не стремится. Что нет у третьего сына хана ни честолюбия, ни желания возвыситься. С одной стороны, это очень неплохо – он не будет втягивать кохтэ в безнадежные войны, не станет стремиться к победам ради побед, а с другой – а справится ли Баяр с чем-то более серьезным, чем воспитание мальчишек?

Вот, значит, как выходило. Все же мать делала ставку на третьего сына! Она давно уже уговаривала отца передать власть, говорила –

стоит старому волку хоть раз промахнуться на охоте, и его загрызут. Лучше уж самому красиво и с достоинством уйти. К тому же Тавегей не может не слышать возмущенных голосов молодых бойцов, все чаще и чаще звучащих за его спиной: что кохтэ погрязли в заботах, что заржавели их сабли, а острые стрелы разят лишь кусарок да ланей.

Старики еще помнили сокрушительное поражение в последней войне с угурами, но стариков становилось все меньше, а молодые хотели славных побед и новых богатств. И Карын, конечно, им это обещал. И тихо шептал самым нетерпеливым, что у Тавегея-де затупились зубы, ослабели руки, ум уже не остр: вон, поглядите, сына родного выгнал из-за девки чужеземной.

А ведь Карын, в отличие от его вечного спутника, второго брата Иргана, тоже умен. Выходит, он как-то понял планы отца и решил Баяра уничтожить.

Очень хитро... и совершенно невыгодно Сулиму. Ну уж нет, ему такой расклад не по душе. Понятно ведь, что Карын сейчас хромого не трогает, потому что отец и мать его защищают. А станет он ханом – ох и отыграется братец за все!

– А ведь Илгыз несколько дней как ушла от Карына, – задумчиво произнес четвертый сын хана. – Говорили люди, что ребенок ее – от Баяра. Что Карын не стерпел, ударил ее, обидел сильно. Илгыз гордая, терпеть не стала. Ушла... к Баяру и уехала.

– Что же нам делать? – встрепнулся Охтыр.

– Я думаю, надо спасти Баяра и Дженну. Потихоньку соберусь и поеду его искать. Ты со мной, мальчик?

– Конечно, о чем речь!

Женька держала в руках кубок с отваром. Каждое утро Листян приносила его в шатер. Молча. Осуждающе. Каждое утро Женька, морщась и кривляясь, выпивала это горькое зелье. Наверное, можно было подсластить медом или ягодами, но лекарство должно быть горьким. Почти символично – так девушка понимала, что делает что-то... пожалуй, неправильное. Она словно наказывала саму себя отвратительным вкусом отвара.

Сейчас же руки ее дрожали. Вчера еще она была уверена, что решение принято. Она хочет родить Баяру сына. Все женщины рожают, вон некоторые – и по шестеро детей. Ничего страшного в

этом, наверное, нет. Для кохтэ очень важны дети, ведь правда? И Баяр, она точно знала – об этом мечтает.

Медленно перевернула кубок, сглотнув натужно. Отвар вылился на землю. Вот так. Пусть никто не знает о ее решении, ни к чему. Она и сама пока не поняла, что натворила, а уж остальным и подавно не нужно знать.

Поставила возле шатра кубок, огляделась. Со стороны «обеденной зоны», как она иронично называла места, где устанавливались котлы для воинов, как обычно, раздавались крики.

Ссорились Найра и Гаюна, они вообще готовы были сцепиться по любому поводу. Обе – вдовы, сильные, красивые, обе – Женькины подруги.

– Дженна-аах, – накинулись они на Женьку, едва завидев ее. – Да что нам делать с этим мальчишкой?

– Каким мальчишкой?

– Мором!

Морами тут называли северян, они жили вдоль морского побережья. Женька назвала бы их рюсами. Судя по рассказам, моры были крупными бородатыми мужчинами, добывающими на севере драгоценные меха, живущими в деревянных теплых домах. Почему женщины решили, что пленный мальчишка – мор, Женька так и не поняла. Видимо, из-за светлых вьющихся волос и голубых глаз.

– Не ест ничего, проклятый! А теперь еще и от воды стал отказываться!

– Я и говорю – не ест, так и не давать ему еды. И вообще, пусть заживо сгниет в своих нечистотах, падаль иштырская!

Гаюна иштырцев ненавидела смертельно, ее лицо перекашивалось от одного их упоминания. Найра была более мягкой, хотя и ее дети остались сиротами.

Женька досадливо вздохнула – мор действительно доставлял всем кучу хлопот. Непонятно было, зачем его оставили в живых, если он так хотел умереть.

Сходила, поглядела на мальчишку. Сидел он возле шатра с веревочной петлей на шее. Как пес. Руки связаны, лицо осунулось.

– Эй, Олыг, ты еще не помер?

– Уже скоро, потерпи, женщина, – не открывая глаз, ответил мальчик.

Спустя несколько дней вдруг выяснилось, что на кохтском он разговаривает довольно сносно. И даже имя свое знает. Ольг – вот совершенно не иштырское имя. Кто он все-таки такой?

– Воды хоть выпей.

– Не буду.

Она опустила на землю рядом с Ольгом и принялась его разглядывать. Как приручить такого звереныша? И главное, зачем ей это нужно?

– Знаешь, зачем тебя догола раздели? – с усмешкой спросила она. Тот не ответил, но ей почудился под ресницами влажный блеск глаз. – Думали, ты девчонка. Тоже.

Вздрыгнул, покосился на нее, облизнул сухие воспаленные губы.

– Я так же к кохтэ попала. Меня в поле нашли, истекающую кровью. В мужской одежде. Принесли к шаману, мы с ним поговорили... и он позволил мне остаться мальчиком. Я сирота, Ольг. Жила... не помню, где жила. Знаю только, что все время пряталась и убегала. Мальчиком было проще.

– Врешь ты все, – прохрипел мор. – Невозможно прятаться. Первый же поход отлить тебя выдал бы.

– Так он и выдал, – хмыкнула она. – Разоблачили меня. Хотели убить или воинам отдать на потеху, но Баяр женой взял.

– Глупо. Чтобы шаман – да скрыл от всего стана столь важное? Да позволил всем думать, что ты мальчик? Нарушая все традиции, оскорбляя войско? Он бессмертный или просто рехнулся от старости?

Женька удивленно поглядела на оживившегося Ольга. Действительно, с такой точки зрения она не рассматривала ситуацию. А ведь верно! Чем так важен был для Аасора мальчишка-рюс, если он предпочел рискнуть? А рисковал ли? Правда ли, что совсем никто не знал?

Додумать не успела: снова в стане началась какая-то суматоха. Ну правильно – Баяр и еще три десятка воинов еще затемно уехали в обход, заодно собирались найти логово шакалов, повадившихся нападать на овец. И конечно, без твердой руки хана сразу начались какие-то неприятности.

– Пей, – быстро сказала Женька мору, придвигая чашку с водой. – Сдохнешь ведь как собака, я лично прослежу, чтобы тебя не сожгли, а с псами в землю закопали.

– Прекрасно, – согласился мальчишка. – Из меня трава вырастет. Ядовитая. Козы ваши ее сожрут и дадут ядовитое молоко. И вы умрете.

– Я тебя в пустыне закопаю. В песочек. Так еще проще.

– Дженна-аах!

Ну, уж если сам Наран ее зовет, то дело и в самом деле пахнет керосином. Или, как бы сказали кохтэ – навозом запахло.

Стойкое предчувствие неприятностей не оставляло Женьку до того самого момента, когда она увидела причину беспорядка. Снова – новоприбывшие.

На этот раз – знакомые и почти родные.

– Охтыр! – засияла Женька. – Бурсул! Вы как здесь, зачем?

– К своим присоединиться решили, – мягко улыбнулся когда-то спасенный Дженной воин. – Как только я поправился, так сразу и рванул... за своим ханом.

Третий всадник ей был незнаком, ну и ладно – двоих вполне достаточно.

Между тем Сулим, а это, конечно, был он, разглядывал стан с явным удовольствием, а вот Дженну – с брезгливым недоумением. Разве же это женщина? Сущий подросток. Штаны нелепые, рубашка потертая, копна светлых волос, едва достающих до плеч. Ни груди, ни бедер. И Баяр вот на это поменял красавицу Илгыз? Да, правильно Сулим подозревал: не отличался его братец ни умом особым, ни разборчивостью. Только и всего у него было – везение невероятное да толика внутреннего огня.

Зато стан был хорош: шатры большие, мясом пахнет, и женщины уже есть, и дети бегают. Лают собаки, вдалеке пасутся кони. И спокойные все, нет печати обреченности и страха на лицах. Выходит, у Баяра тут уже свой народ. Сотня воинов – это всего лишь сотня воинов. А когда шатры, дети и собаки – это совсем другое.

– А что, у вас и овцы есть? – небрежно спросил Сулим у Нарана.

– Да, несколько сотен голов. И козы. И буйволы.

Четвертый сын хана с довольным видом качнул головой. Он так и думал – удача снова пребывала на стороне Баяра, как и всегда.

Глава 35

Наговоры

Баяр брату обрадовался. Велел всем звать его Сулим-гуай, выделил шатер и даже предложил приглядеть себе жену из свободных женщин. Сулим смеялся и говорил, что ему рано жениться. Он вообще очень повеселел в стане Баяра, ловко и быстро, несмотря на свою хромоту, обежал всю территорию, дал несколько дельных советов по обустройству и тут же занялся сортировкой припасов, освободив от этого неблагоприятного дела счастливую Гаюну.

Сулим любил поесть, он был довольно полным, холеным, даже изнеженным – как женщина, но зато и в мясе разбирался отменно, и в крупах знал толк, и сыр варить умел. Под его руководством немедленно соорудили коптильню, а еще развесили сушиться тонкие полоски мяса под отверстиями в крышах шатров – так быстрее всего можно было их завялить. Ловили рыбу, тоже – вялили. Птицу били, а Женька посоветовала пухом и мелкими перьями набивать подушки.

Ночи были уже ощутимо холодными, все чаще шли дожди. Днем еще можно было носить такой удобный мужской костюм, а к вечеру Женька мерзла. Немного посомневавшись, пошла к Листян и попросила что-то более... соответствующее ее статусу. Мужчины надевали уже свои халаты, такие... шерстяные, серые или коричневые. Редко – с вышивкой или какими-то украшениями. Тоненькой Женьке они были попросту не по размеру. Другое дело – женская одежда! У Листян халат был тоже шерстяной, только красный, расшитый шелковыми узорами – зелеными и желтыми, подвязанный поясом, сплетенным из тонких шелковых шнуров. А какие чудесные были у степнячки сапожки – из мягкой кожи, с загнутыми кверху носами и вышивкой по голенищу. Под них надевался высокий войлочный чулок, и ноге было удобно и тепло.

Имелся, конечно, у Женьки тот самый изумрудный угурский наряд, но слишком уж он был роскошен для повседневной носки, она его жалела, иногда доставала из мешка, гладила узелки вышивки и прятала обратно.

Листян, в последние дни сильно зазнавшаяся – еще бы, она, незамужняя девица, да считалась старшей над всеми женщинами стана – Женьку смерила надменным взглядом. Женька сделала вид, что не заметила – пока. Сначала она получит у этой хитрой Лисы все, что ей нужно, а потом уж выскажет кое-что неприятное.

– Неужели Дженай все же женщина? – закатила глаза маленькая степнячка. – Вот уж не верю. Такой был красивый мальчик, такой славный воин! А как же ты на лошадь вот в этом сядешь?

Она достала из своих припасов алую шелковую рубашку с широкой желтой полосой по подолу, потом тонкие шерстяные шаровары. И халат, конечно, тоже – алый с золотом.

– А побледнее нет? – растерянно спросила Женька, представив, как она будет в этих ярких тряпках выглядеть. – Синее, зеленое, черное, наконец?

– Алый – цвет хана, – веско заявила Листян. – Никто больше не имеет права его носить. Только члены семьи.

Ага, так вот для чего девочка надевает красные халаты! Это не просто дорого-богато, а еще и статусно! Ну, конечно, вдруг еще не все в этом стане в курсе, кто такая Листян!

– Черный давай, – потребовала Женька. – Красный для гостей оставь или для праздников. Как будто никто не знает, чья я жена! Как павлин ходить не стану.

Снова девочка поджала недовольно губки, копаясь в своих богатствах. Выудила черный шелк, приложила к Женькиным плечам, щелкнула языком.

– Подойти должно. Примерь.

Женька накинула. Хорошая вещь, добротная, почти не ношенная. Чуть обтрепаны рукава и подол, но это не страшно. По черному шелку темно-синей нитью вышиты какие-то знаки, не то фигуры зверей, не то руны – в полутьме шатра не разглядеть. Сам халат подбит тонким войлоком, теплый, удобный, немаркий. То, что Женька и хотела. А рубашку нижнюю и шаровары пришлось взять красные, ну и ладно, все равно не видно под халатом. И сапожки тоже черные – с алой и золотой вышивкой. Ох уж эта степная мода!

– Раз уж ты у нас женщина, я могу тебе отвар для роста волос сделать, – предложила Листян снисходительно. – Косы будем заплетать, ленту вплетем с монетками.

– Может, мне еще и уши проткнуть? – отмахнулась Женька. – Не смехи меня, какие еще косы?

– И серьги, – обрадовалась подруга. – И наручи. Баяр теперь – хан. И жена у него должна быть самая красивая.

– Для этого ему стоило Илгыз взять, – хмыкнула Женька, выходя из шатра в новом наряде и щурясь от солнца. – Вот она – красавица.

– И не бесплодная, – поддела ее Листян. – И ласковая, и все умеет: шить, вышивать, песни петь и хорхог варить. Гляди, вспомнит мой брат прежние времена, задумается...

– А и вперед, – огрызнулась Женька, вновь остро ощутив свою ущербность. – Воин, который назад оглядывается, добычи не найдет. А ты бы, Листян, придержала язык. Матери рядом нет – и ты голову высоко стала держать. Гляди, споткнешься, упадешь больно.

– Вот как ты заговорила, Дженна-аах, – прошипела сестра Баяра. – Завидуешь, что меня в стане больше тебя уважают?

– Я тебе зла не желаю, Листян, – тихо ответила Женька. – Но и оскорблять себя не позволю, ясно?

Не слушая больше пыхтения девушки, Женька отправилась взглянуть на пленного мора, с которым чувствовала неуловимое родство. И ничуть не удивилась, найдя там Охтыра, вылавливающего прямо пальцами крупные куски мяса из миски и с аппетитом его пожирающего.

– Ты, Ольг, не понимаешь, – с набитым ртом вещал мальчишка, не замечая (а может, и замечая), как жадно сглатывает пленник. – Как тебе повезло к Баяру попасть. Он такой, ох какой! Лучше и храбрее его в целой степи нет!

– Ага, храбрый твой Баяр братьев моих и друзей связанными убил... и собакам скормил, я-то видел.

– Да брось, отпустили их домой, – фыркнула Дженна, с любопытством заглядывая в опустевшую миску Охтыра и бесцеремонно ее вырывая. – На вот, бульон выпей. Это и не еда почти.

Ошалевший Ольг безропотно послушался.

– Мальчишкам мизинцы отрубили, дали нож – один на всех – и отпустили, ну.

– А зачем отрубили? – вытаращил глаза Ольг.

– Знак. Они – проигравшие. Практически мертвецы. Живут лишь по милости Баяра. – Женька на самом деле понятия не имела, почему

именно мизинцы, она бы большие пальцы рубила, чтобы уж точно ни копья, ни лука в сторону кохтэ эти будущие воины направить не могли.

– А еще увечных в войско не возьмут, дурной знак, – подсказал Охтыр, забирая свою опустевшую миску. – Вон Сулим даже и не пытался в руках оружие держать, никто и не позволил бы.

При имени брата Баяра Женька чуть поморщилась. Тот ей не нравился. Не внешне, нет. Сулим, на ее взгляд, был довольно приятным мужчиной с выразительными глазами, круглым сытым лицом, короткой бородкой и мягкой улыбкой. Легкая полнота ему даже шла. Но взгляды она на себе ловила недобрые. Нет-нет, да кололо затылок, когда «братец» был где-то неподалеку. Она даже говорила об этом Баяру, но тот очень твердо сказал, что они с братом всегда были очень дружны. Зла Сулим ей не желает. Но все же обещал с младшим поговорить, раз Дженну это тревожит.

– Мне в отхожее место надо, – нехотя пробормотал Олыг, пытаясь потянуться. – Можно?

– Я отведу, – встрепенулся Охтыр.

Женька внимательно посмотрела на него, заметив и нож за поясом, и озорную улыбку. Что ж, хотелось бы верить, что мальчишка понимает, чем рискует. На взрослого мужчину пленник не посмел бы напасть, а на сверстника... Далеко не убежит, конечно, Охтыра убить не сможет – ослаб за последние дни сильно. Но если так уж хочется попробовать – вперед!

Кивнула, отходя в сторону. Поймала за рукав пробегающего мимо Бата и шепотом попросила тихонько за мальчишками понаблюдать. Бат мгновенно понял, усмехнулся совершенно как она. Когда Охтыр отвязал пленника и на веревке, словно барана, повел к яме, Бат, пригнувшись, пошел следом.

– Ты уверен, брат, что поступил правильно? – Сулим всегда говорил тихо, вкрадчиво, напевно. – Всем пожертвовав ради женщины...

– Обрел куда больше, чем рассчитывал, – спокойно отвечал Баяр, насмешливо щура глаза. – Подругу, соратника, воина.

– Воин из нее... прости уж... не особо, – трагически вздохнул младший. – Это ж надо додуматься – отпустить пленника с одним только Охтыром!

Баяр хмыкнул. Да, шуму пленный мор наделал знатного. Нож у Охтыра все же сумел отобрать, махать начал, сбежать пытался. Хорошо, что Бат вовремя подоспел. Но пользы от всей этой истории было больше, чем вреда. И Охтыр, и Ольг получили несколько ударов плетью – один за глупость и невнимательность, другой – за попытку побега. Охтыр злился, Ольг хохотал и наконец-то позволил себя накормить. С голоду мальчишка умирать передумал, дерзко пообещав все-таки сбежать.

Баяр не сомневался отчего-то, что Дженна знала, что так и будет. Его жена гораздо умнее, чем думает тот же Сулим.

– Да и женщина из нее... не вышла, – закончил неожиданно свою тираду брат.

– Что ты имеешь в виду?

– Сколько уже времени прошло? Две луны, почти три. А Дженна твоя так и не понесла. Вон Илгыз сразу же забрюхатела. Может, Дженна твоя и вовсе не способна родить наследника?

– Может, и не способна, – легко согласился Баяр, пряча злость. – Это как великие предки позволяют. Знать, неважный из меня хан, если они мне не подарят потомства.

– Да при чем здесь ты! – рассердился Сулим. – Вон Илгыз... Я уверен, что это твой ребенок, Баяр! Считать умею и глаза не ослепли еще. Да стал бы ее Карын выгонять, если бы она его сына носила, сам посуди?

Молодой хан молчал. В словах брата была истина, и не самая приглядная. Может ли стать так, что ребенок Илгыз станет его единственным наследником? Даже если – не его. Даже если это сын Карына и племянник Баяра. Дженна пока не готова даже к разговору о детях, и когда будет готова – непонятно.

Баяр умел терпеть и ждать. Он был еще молод и полон сил, да и жена у него юная. Глупости говорит Сулим, завидует, наверное, что Баяр гораздо больше времени проводит с женой, совсем позабыв о брате.

– Что скажешь, Сулим-гуай, запасов нам надолго хватит? – спросил мирно степняк, словно и не было никакого разговора.

– Достаточно, Баяр-ах, – охотно подхватил Сулим. – Еще ведь по первому снегу баранов резать будем и козлов, а к весне ягнята

народятся. Разве что рису и круп еще купить, и чаю. Кстати, как тебе мой напиток? Бодрит и успокаивает сердце, верно?

Сулим подал в руки брату чашу с травяным чаем. Баяр попробовал и кивнул. Да, вкусно и немного горчит, все, как он любит.

Хорошо, пожалуй, что Сулим здесь. Следить за припасами у него получается куда лучше, чем у женщин, а хану можно и не вникать в такие дела.

Глава 36

Слабости

– Баяр-ах, там... – Наран, казалось, едва сдерживает смех. Истерический, судя по всему.

– Что?

– Ты должен это увидеть сам. Я правда не знаю, что делать.

Вернувшийся из обхода сотник выглядел озадаченным, но, как всегда – веселился. И вот что странно – из двух десятков воинов в стан вернулась лишь половина.

– Наран, а можно без загадок? – Баяр раздраженно потер виски. Вот уже несколько дней его не отпускала мучительно-навязчивая головная боль. Для него, никогда не болевшего и ни разу не раненного в бою, состояние было странным.

– Боюсь, что нельзя, – сверкнул зубами сотник. – Дженна-аах, ты бы тоже с нами, а?

Женька вздохнула. Она чувствовала себя немногим лучше мужа. Голова кружилась, ее подташнивало. Нет, она в принципе догадывалась, что выносить ребенка не так просто, как кажется со стороны, но отчего-то была уверена, что уж ее токсикоз точно минует. Счастье еще, что недомогание к полудню почти проходило.

Никому она ничего не сказала, боялась. Стыдно было отчего-то, словно она совершила какой-то дурной поступок, словно... да, теперь все будут точно знать, чем она с Баяром по ночам занималась. Как будто никто не знал!

Даже заставляли их несколько раз на самом интересном месте. Баяр после третьего такого случая демонстративно вешал у входа в шатер кнут, заявляя: следующий, кто войдет, когда этот кнут висит – им же по спине и получит. Помогло, больше не вламывались.

Она все еще была не готова, не верила даже самой себе. Так быстро, просто мгновенно! Надо было еще подождать, ну хоть зиму пережить. Зачем она в это ввязалась? Совершенно не понимала.

Наран настаивал. Наран смеялся. Наран привел им лошадей, пытался даже посадить Дженну в седло, но был остановлен ее презрительным взглядом. Хотя в женском наряде ехать оказалось

крайне неудобно, привыкла она по-мужски сидеть. По-женски – практически не умела, но пришлось.

Ехали довольно далеко, Женька извертелась от нетерпения. Наконец увидели оставшийся десяток воинов, которые прямо в чистом поле... сидели на земле в окружении детей. Женька даже глаза протерла – не мерещится ли ей? Дети? Тут? Да откуда? Немыслимо, невероятно!

Баяр фыркнул недоверчиво, коротко спросил Нарана:

– Угуры?

– Да.

– Что, у них нынче неурожай?

– Не знаю. Видимо, мы слишком близко к ним поселились, вот они и проделали эту шутку снова.

– Какую шутку? – тут же спросила Женька. – Откуда тут дети?

– Видишь ли, сайхан, всем известно, как трепетно кохтэ относятся к детям. А у угуров их, кажется, слишком много... лишних...

– Детей? – моргнула Женька.

– Да. Девать некуда.

– Детей?!

– Ну да. Вот они и решили... вывели в поле, показали, куда идти.

– Это сироты? – все никак не могла понять девушка. Она всякие дикости видела в прошлой жизни, но это уж совсем не укладывалось в голове.

– Кто-то, наверное, и сирота. Но обычно – просто лишние рты в семье.

– И что теперь? – жалобно спросила Женька.

– Заберем к себе. Не бросать же их тут. Или ты думаешь по-другому?

– А... конечно, не бросать, – с этим пунктом Женька была совершенно согласна. – Но что с ними делать?

– Растить. Были угурцы, будут наши дети. Да, Наран? Возьмешь себе в шатер одного?

– Если твоя сестра станет моей женой, – живо отозвался рыжеволосый. – Хоть всех возьму.

Женька спрыгнула с лошади, разглядывая новое пополнение их народа. Мелкие, грязные, наверняка – вшивые. Младшему на вид не

больше двух, двум старшим девочкам – лет десять. Всего детей два десятка. Ну как так-то?

Баяр тоже подошел. Один из малышей, кажется, его испугался, зарыдал в голос, а ее невозможный муж опустился перед ним на колени и, взяв за плечи, что-то начал тихо шептать ему на угурском. Успокоил, осторожно утер слезы с чумазных щек.

Женька застыла, широко распахнув глаза. На какое-то мгновение она словно вернулась в свое прошлое. Дети, воспитатели, прогулки на огороженной высоким забором территории – будто в клетках зоопарка. А Баяра уже окружила детвора, что-то ему рассказывая. Он же подхватил на руки самого маленького и подошел к Дженне. Та глядела на него... странно. Впрочем, он и не ждал, что она вдруг воспылает желанием взять в их шатер ребенка.

– Посадишь перед собой на лошадь, – равнодушно велел степняк.

– Баяр, я...

– Не спорь.

Ладно, что делать. Дети есть дети, тем более что Женька сама такая же – брошенная и никому не нужная. Молча забралась на коня, затравленно сверкая глазами, взяла малыша, осторожно прижала его к себе. Тот дрожал. Да ладно, парень, теперь все будет хорошо, папа Баяр вас всех не бросит.

Каждый всадник посадил перед собой ребенка, Наран ухитрился даже двоих взять.

И все же, все же... Не было у нее никогда к детям любви какой-то особенной. Ну и что, что они такие же, как она? Люди и люди, только маленькие.

А ведь она совершенно ничего не знает о детях. И младенцев ни разу на руках не держала. Не чувствовала никакого трепета, не знала нежности. И так будет и дальше – родит она ребенка и захочет сбежать, как ее мать. В ней гены кукушки, как же глупо было предполагать, что она может стать матерью!

Ребенок перед ней сидел тихо, Женьке приходилось его придерживать, волей-неволей прижимая к себе. Не так уж это оказалось и страшно, хотя... Жалко как-то, даже болезненно. Как котенка. Наверняка – вшивый. Одет совершенно не по погоде: в какую-то тонкую рубашонку с прорехами, ноги босые. Очень грязный, просто

немыслимо. Волосы черные слиплись сосульками. На щеках – светлые дорожки от слез.

Она злилась. Несмотря на всю нелюбовь к этим... человеческим личинкам, с ними так нельзя обращаться! Зверенышам намного легче. В измученном теле щенка не бьется пламень разума. Душа не стонет от отчаяния и полной беспомощности. Она-то все это помнила, до зубовного скрежета, до острой боли. Страх. Усталость. Голод. И – безнадежность, беспомощность. Дети – абсолютно беззащитные. Их просто предали, как ее саму, как Костика, как всех тех, кто рядом с ней засыпал, мечтая о семье.

Как можно было бросить их одних в поле? А если бы шакалы пришли раньше? А если бы кто-то наступил на змею? А если бы их просто не заметили?

Люди – твари. Даже дикий зверь не выкинет своего детеныша вот так.

И вдруг Женька внезапно поняла, почему не могла, не хотела, боялась стать матерью. В каждом этом ребенке жила ее личная боль. Она была одной из них и опять сиротела. Это ее сейчас бросили посреди степи. Это она сидела в седле рядом с ханшей, боясь даже дышать. Больно, как же ей стало больно!

Она мучительно прикидывала в уме, сколько уже у них в стане семей. Найдутся ли для детей родители? Захотят ли их взять в свои шатры другие женщины? Или Баяр все же скажет: «Дженна, вот это наш сын!» Хоть бы нашлись. Женька и сама не знала, что ответит мужу. Подбирала в голове слова, спорила, возражала ему – и отчаянно трусила. Потому что понимала – если кому-то родителей не хватит, она возьмет их всех. Только бы они больше не боялись. Не дрожали в одиночестве и холоде. Они все были – ее младшие братья и сестры. Женька все еще – одна из них. Маленькая одинокая птичка, нашедшая свое гнездо. И своего... мужа? Отца? Старшего брата? Как-то незаметно Баяр стал для нее всем. Целым миром. Ее настоящей семьей.

И она совсем не хотела с ним ссориться – никогда. Ей слишком важно было то хрупкое еще взаимопонимание, установившееся между ними.

Уже потом, забирая у нее из онемевших рук уснувшего малыша, Баяр тихо спросил:

– Страшно было, сайхан?

– Очень страшно, – честно ответила она. – Я не смогу стать им матерью. Я...

Он кивнул, явно опечаленный. Слова ей больше не сказал, отошел, а Женьке отчего-то захотелось броситься за ним следом и закричать: «Делай, что хочешь, только больше на меня так не смотри!»

Остановила себя: будет только хуже. Не раз и не два она говорила мужу, что нормальной женщины из нее не выйдет, а он каждый раз уверял, что она ему нужна именно такой, какая есть. Она подождет немного, посмотрит, что и как. И решит. Может, и не понадобится вмешиваться.

Мрачно наблюдала она, как суетившиеся женщины кохтэ подхватили этих несчастных детей, потащили их кормить и отправили мужчин немедленно готовить баню. Не утерпела, велела всех (ну мальчишек, так точно!) брить налысо: волосы отрастут, никуда не денутся, зато вшей не будет. Покивала головой: прекрасно справлялись и без нее, даже и волноваться не стоило.

И тогда она отправилась к пленнику, который тоже глядел на творившееся в стане безобразия широко раскрытыми глазами.

– Дженна-аах, а дети откуда? – спросил Ольг изумленно.

– Да вот, в степи нашли, – мрачно ответила она.

– Чьи?

– Кажется, угурские.

– А зачем вы их сюда притащили?

– Так дети же. Не бросать же их. Теперь это – наши дети.

Пленный мальчик задумался очень глубоко, а потом тихо сказал:

– А иштырцы убивают своих детей, если от рабыни. Я видел, как мой... отец... новорожденного младенца взял за ноги...

Женька позеленела.

– Не надо, – выкрикнула она, борясь с тошнотой.

– Не буду. Дженна-аах, развяжите меня. Я не хочу больше к иштырцам. Я много думал... Лучше буду кохтэ.

– Ты уже не ребенок, Ольг, – грустно ответила Женька. – Все не так просто. К тому же ты пытался прирезать Охтыра.

– Хотел бы – прирезал бы, – фыркнул парнишка. – Пожалел дурачка.

Она только глаза закатила в ответ на такую самоуверенность.

Весь день Баяр занимался свалившимся на его голову неожиданным благословением. Он действительно был рад. Дети – это награда. Великие предки уходят на небо, а когда им там становится скучно – возвращаются на землю младенцами. Чем больше детей рождается в семье, тем лучше. Бесплодные женщины – всегда горе.

К вечеру без родителей не остался ни один малыш. Даже суровая Гаюна выразила желание стать матерью двум девочкам-близняшкам, но Баяр твердо сказал ей, что у ребенка должны быть отец и мать. И тогда Гаюна решительно направилась к Айрату, который давно ходил за ней хвостом, и потребовала, чтобы тот немедленно взял ее в жены. Айрат, страшно довольный таким поворотом событий, сопротивляться не стал.

Все это Женька наблюдала будто со стороны, вновь чувствуя себя чужой в степном народе. Двое их тут было чужаков – она и Ольг. Оба светловолосые и светлоглазые, как брат и сестра. Ольг будто бы тоже чувствовал это родство, принимал пищу и воду только из рук жены хана. И разговаривал охотно только с ней, да иногда еще с Нараном, который даже камень мог разговорить.

– Если ты меня развяжешь, я тебя точно убью, – буднично сообщил Женьке Ольг. – По-моему, это будет прекрасно. Хан ваш очень расстроится и вообще... Отличная месть.

– Не убьешь, – так же равнодушно ответила Женька. – Ты же мужчина. Мужчины беременных баб не убивают.

– Ты что, беременная?

– Кажется, да.

– Почему вокруг тебя не водят хороводы?

– Я еще никому не говорила.

– А мне за что такая честь?

– Я, наверное, все же собираюсь тебя развязать. Не сегодня. Но развяжу. Бежать тут некуда, твои тебя просто убьют. Не поверят, что ты смог сбежать. Готова спорить, тебе и без того постоянно за масть доставалось, а братья без мизинцев еще и наговорили всякого. Тебя дома не ждут, Ольг. Прими это.

А к вечеру закатили пир, празднуя и обретение детей, и свадьбу Айрата с Гаюной. Пели, жгли костры, пили какую-то дрянь из перебродивших ягод, кричали, кажется, даже танцевали. Баяра

постоянно окружала толпа, все от него что-то хотели, что-то рассказывали, хлопали по плечам – словно это он был женихом. Мелькали подола юбок, разноцветные шали, остро пахло жареным мясом и кислым потом. Звуки бубна и низкое вибрирующее пение выворачивали душу, заставляя сомневаться в собственном разуме. Дым обволакивал стан. Женьке казалось, что она попала не просто в другой мир, а в какую-то нереальность. Все было ненастоящим: и люди эти, веселые, красивые, сильные, и запахи, и небо над головой – пронзительно-звездное. Такое черное и словно обрызганное молоком. Серебряный звон монист, женский смех – томный, завлекающий.

Ей вдруг сделалось дурно, от запахов затошнило. Она встала, покачиваясь, отошла в сторону. Ее вырвало.

Утерев злые слезы, умылась и ушла в свой шатер. Возвращаться было невыносимо.

– Твоя жена нас не уважает, – сказал брату Сулим. – Не поделила с нами праздничную трапезу. Не села возле нашего костра. Чужеземка.

– Да. Ты правильно сказал: она не знает традиций, а я оставил ее одну. Пойду к ней.

– Твоя жена важнее всего народа? Ты – хан теперь, Баяр. Не смей. Люди не поймут.

Баяр промолчал, потирая виски. У него кружилась голова, его мутило. Соображал плохо.

– Выпей, Баяр-ах, – к нему подскочила Илгыз, такая красивая, раскрасневшаяся от танцев, сияющая, с чашей, полной кумыса.

Он с легкой улыбкой принял чашу, чуть наклонив голову.

– Ты счастлива здесь, Илгыз?

– Я здесь свободна, – тряхнула она косами. – Хожу как хочу, говорю как хочу, смотрю, куда хочу. Свобода – высшая ценность, Баяр-ах.

– Свобода... – эхом откликнулся молодой хан. – Я устал. Пойду спать, пожалуй.

Глотнул кумыса, поморщился и украдкой вылил содержимое чаши в костер. Поднялся, покачнувшись, оперся на плечо брата и направился в сторону своего шатра, где его ждала Дженна.

Темно. Душно. Войлочные стены плохо пропускают звуки. В шатре пахнет костром, овчиной, немного – сеном. Все чаще тут разводится очаг – чтобы согреть это простое жильё. А еще Баяр привез

от угуров настоящий сундук – деревянный, красивый, покрытый черным лаком и расписанный диковинными цветами и птицами. Там теперь лежали Женькины вещи: белье, ее богатый халат, войлочные сапоги, меховая шапка, прочая одежда. Еще вчера беглецы и нищие, с каждым днем они обрастали вещами, словно лисы – зимней шерстью. У Женьки имелись теперь даже браслеты кованые, широкие – золотые. Зачем? Она не знала. Некуда их надевать. Куда ценнее для нее был лук, прочный, гибкий, небольшой – в самый раз для ее роста. Вот лук она свой просто обожала, а золото... Нет, пусть будет, конечно. Это ведь деньги в первую очередь. В черные дни можно продать.

Зашелестел полог шатра, и Женька замерла, прикусив губу. Неужели пришел? Оставил праздник? Не злится на нее? Зажмурилась, прислушиваясь к движению воздуха и почти неслышным шагам, угадывая его действия. Вот Баяр стягивает стеганый халат, кидает в сторону. Скидывает сапоги – они тяжело падают на ковер. Снимает теплые штаны. Вот развязывает шнурок на исподнем. И совершенно голый опускается на подушки рядом с ней.

Женька боится даже пошевелиться. Горячее тело так близко! Его кожа будто пылает, обжигая. Короткий поцелуй в шею бьет, как удар кнута. Тихий смешок в затылок – он явно ощущает под пальцами мурашки, слышит изменившееся дыхание. Читает ее, как открытую книгу. Баяр оглаживает ягодицы, притягивает к себе – и, не тратя время на прелюдии, осторожно проникает в нее. Растягивает, наполняет – мучительно медленно и так нежно. Словно волна накатывает и ускользает.

Она не двигается, не помогает ему вовсе, только прогибается послушно под его руками, принимая все глубже и полнее, расслабляясь, наслаждаясь этой неспешной лаской. И вдруг – удар, быстрый, яростный. Еще и еще. И острые зубы, вцепившиеся в мочку уха. Женька больше не может сдерживать стоны. Кричат и рычат – вдвоем, вместе, захлебываясь друг другом.

Потом она обвивает его лозою, прижимается всем телом и шепчет:

– Люблю тебя.

Шепчет по-русски, так, чтобы он не понял.

А Баяр вдруг снова тихо смеется.

– Сайхан, я твой лук, ты – моя тетива. Я ветер, ты степь. Я конь – ты моя упряжь, Дженна. Обуздала меня, стреножила – и как только сумела, скажи?

А вот так и сумела. Она прижимается к нему еще плотнее, впиваясь ногтями во влажную смуглую кожу. Слизывает горький пот с плеча, вдыхает его запах. Сердце просто разрывается от любви. Нет, она ни о чем не жалеет, ни минуты, ни секунды. Для него – что угодно. Хоть звезду с неба, хоть ребенка, и даже не одного. Жизни не пожалеет – только бы любил ее.

Глава 37

Падение

Спал Баяр плохо. Бессонница и головные боли уже вторую неделю были его верными спутниками, а в последние дни к ним добавилась еще и слабость в руках. Он взглянул на мирно сопящую Женьку и с трудом поднялся, надеясь, что холодный ночной воздух прояснит туман в голове. Все крепко спали, только дозорные тихо шатались вокруг стана да Сулим отчего-то сидел у одинокого ночного костра.

– Не спится, – коротко ответил брат в ответ на вопросительный взгляд.

– И мне.

Баяр сел рядом.

– Я заварю тебе чаю, – встрепенулся Сулим. – Погоди, я быстро.

Да, чай у Сулима был отменный, молодой хан не стал даже возражать.

– Я вот все думаю, зачем отец так поступил, – вздохнул младший брат. – Что теперь будет дальше?

– Видимо, у меня будет свой народ, – невозмутимо ответил Баяр. Несмотря на слабость и головокружение, он был доволен собой.

– Маленький.

– Моя сотня стоит тысячи иштырцев. И нас все больше. Подожди, брат, через десять лет я завоюю всю степь. Уже сейчас мой стан богаче, чем угурская деревня, а воинов боятся все племена. Есть у меня пара мыслей, как сделать войско сильнее...

Хвастался, конечно, но Сулиму – можно.

– Завидую тебе, брат, – неожиданно сказал Сулим. – Тебя удача любит. Богатство и слава сами в руки плывут.

– Не завидуй, это глупо. Ты же со мной, а значит: все мое – твое.

Сулим кивнул с кривой усмешкой.

– Спать иди, великий хан. Жена, наверное, замерзла одна. Греет хоть тебя?

– Греет? Нет. Обжигает, – улыбнулся уголками губ Баяр. – Ты прав. Пойду к Дженне.

А наутро Баяр едва смог подняться на ноги. Его вдруг затошнило, виски прострелило болью. Он вышел из шатра, яркое солнце ударило его глаза. Попытался закрыть рукой и упал.

Наран, увидевший это, бросился к нему, следом за ним – и остальные. Рыжеволосый заглянул в мертвецки-бледное лицо хана и прошипел:

– Его убили?

– Его отравили, – сквозь зубы процедила полураздетая Женька, выскочившая на шум. Приподняла веко, оценив крошечный зрачок и голубоватый белок. Кожа у Баяра была холодной и липкой, дыхание очень слабым. Симптомы интоксикации налицо. – Видимо, вчера на свадебном пиру.

– Никто не посмел бы...

– Илгыз, – быстро сказал Сулим. – Она приносила что-то Баяру, я видел. Ему потом стало плохо, и он ушел.

– Я тоже видел, – подтвердил Охтыр.

– И я, – сказал кто-то еще.

Женька прищурилась и скомандовала:

– Наран, готовь баню. И принеси побольше воды.

Уж в чем в чем, а в оказании первой помощи при отравлении Женька была профи. Сколько раз она вытаскивала Костика – и сама не помнила. Яд здесь явно применили растительный, а значит – не слишком сильный, во всяком случае, она на это искренне надеялась. Несколько дней назад Баяр обронил, что у него болит голова. Вчера утром споткнулся и едва не упал, еще смеялся над своей неловкостью – это она помнила точно. Илгыз? Все может быть. До ее появления у Баяра все было в порядке. Она могла – из ревности, из мести, еще зачем-то.

– Отведите Илгыз в ее шатер и приставьте воина, – уверенно скомандовала Женька, даже не задумываясь над тем, имеет ли право приказывать. – Разберемся. Все равно она беременна, обижать ее нельзя. Бат, распорядись.

Бат кивнул и исчез.

– Есугай, Айрат, помогите отнести Баяра в баню.

– Зачем в баню, Дженна, – вмешался Сулим. – Его, наверное, вообще трогать нельзя! Что, если он умрет теперь?

– Значит, умрет чистым, – с удовольствием огрызнулась Женька на этого неприятного человека. – Ну, взяли.

– Не трогайте!

Айрат и Есугай переглянулись и подхватили хана на руки. Сулим громко скрипнул зубами.

Отравить Баяра мог только кто-то свой, кто близок к нему, это Женька понимала превосходно. Кому она могла тут доверять? Только Нарану, кажется. И еще – мору, который уж точно не имел к произошедшему никакого отношения. А что до остальных – могли и по глупости, не со злости.

Мужчины занесли Баяра в шатер, заполненный паром, опустили на циновку.

– Останется только Наран, – сказала Дженна, быстро раздеваясь до исподнего. – И Ольга мне приведите, будет помогать.

– Зачем мор? – недовольно спросил тоже раздевшийся Наран.

– Он точно не мог отравить Баяра, – пояснила Дженна. – А тебе недосуг тут торчать. Ты теперь – главный.

Остро и больно кольнуло в затылке, и девушка вскинула голову.

– Я принес лечебный чай, – пробормотал у входа Сулим.

– Поставь и уходи. Здесь будет смерть.

Своим предчувствиям Женька доверяла давно и безоговорочно. Что брат мужа ее ненавидит – она подозревала и раньше. Теперь убедилась.

– Наран, вылей то, что он принес. Кроме чистой воды Баяру вообще ничего не давать, понял? И ни на шаг не отходить от него.

– Эй, я еще жив, – слабо прошептал хан.

– Это ненадолго, – свирепо пообещала Женька. – Я сама лично тебя задушю, когда ты придешь в себя. Пей как можно больше.

Наран придерживал друга за плечи. Баяр пытался пить. Вода из кувшина переливалась ему на шею и грудь. Он едва дышал, глотал с трудом, а потом упал на бок, и его вырвало.

– Очень неплохо, – хмыкнула девушка. – Пей еще.

– Не могу.

– Через не могу.

Он хмыкнул и снова потерял сознание.

– Оберни его в мокрую ткань, – приказала Женька Нарану.

В шатер втолкнули испуганного Ольга.

– Раздевайся до исподнего, будешь мне помогать. И имей в виду – умрет он, умрешь и ты. Только куда более мучительно.

– На кол посадим, – закивал Наран. Женька поглядела на него с уважением. – Голого.

Рыжеволосый, как видно, знал толк в пытках.

– А что с ним? – с любопытством спросил мор.

– Отравили. Наран, ты иди, ты нужен воинам. Только знаешь что... скажи, что Баяр прям совсем при смерти. Ну, наври чего-нибудь, тебе не привыкать. И следи за людьми, ладно?

– Понял, Дженна-аах.

– Сюда никого не пускать. Совсем никого.

– А Листян и Сулима?

– Совершенно никого, – рявкнула Женька. – Чего непонятного?

Пожалуй, от Листян был бы толк, но тогда ей пришлось бы объяснять, что она имеет против Сулима, а никаких доказательств, что он может быть причастен к отравлению, у Женьки конечно же не было.

Наран кивнул и ушел, оставив ее наедине с отчаянием и диким первобытным ужасом. Только теперь, когда никто не видел (мор не в счет), Женька позволила себе заскулить. Если Баяр умрет – а он был очень и очень плох, – что будет с ней? Как его вытащить в мире, где нет ни капельниц, ни гемодиализа, ни даже каких-то сорбентов? Она догадывалась, что активированный уголь – это совсем не то, что оставалось тут в кострах, тем более что в костер шло все, что горело, чаще – сушеный навоз.

– Не вой, – неожиданно подал голос Ольг. – Надо поить, лучше горячим. И чтобы потел.

– Сама знаю.

– И обтирать.

– Знаю. Не дура.

– Кто его? За что? Нормальный же хан.

Женька фыркнула. Ольг как-то сумел привести ее в чувство.

– Я думаю, это Сулим, – тихо сказала она. – Может, Илгыз. Или вдвоем, что тоже вполне вероятно. А вот зачем... этот вопрос я непременно задам им позже.

Баяр вдруг застонал, захрипел, выгнулся, судорожно сжимая кулаки.

– На бок его и быстро, – подскочила Женька. – Чтобы не захлебнулся рвотой и язык не завалился. Давай, заливаем в него воду, хоть что-то внутрь да попадет.

Спустя несколько мучительно-бесконечных часов Баяр приоткрыл глаза. Все тело у него ломило, во рту был чуть ли не песок. Он вдруг ощутил дыхание смерти на своем лице и позвал ту, что стала ему за последнее время дороже всего.

– Дженна...

– Я здесь, любимый.

– Я... умру?

– Обязательно. Но не сегодня и не завтра. Я не отпущу тебя.

– Сайхан... если я умру, ты встанешь во главе стана. Я так хочу.

– И что мне делать с твоим станом?

– Ты сможешь. Проживете зиму, а там... еще одно лето и снова зиму... Ты справишься, в тебе – дух воина.

– Только попробуй мне тут умереть и не взять на руки нашего ребенка, – рыкнула Дженна, хватая его за плечи. – Я не смогу его вырастить, слышишь? Я вообще понятия не имею, что делать с младенцами!

Аргумент, конечно, сомнительный, сама Женька после такого заявления предпочла бы умереть, но Баяр вдруг округлил глаза и даже попытался приподняться.

– Ребенка? Но ты...

– Я беременна, точно говорю. Отвары эти я давно выливаю.

– Я не умру, – твердо заявил Баяр, ощутив вдруг страшную жажду жизни. – Что мне нужно делать?

– Пить и потеть. И это... чтобы жидкость выходила.

– Дай воды.

Женька поднесла к его губам кувшин, стараясь, чтобы он не увидел ее дрожащих рук. Неужели – сработало? Она верила, что если человек хочет жить – шансов победить смерть больше, чем у того, кто сдался.

Сколько часов она сидела над мужем? Приходил Наран, пытался заставить ее поесть или поспать – бесполезно. Женька мотала головой и снова вливала в Баяра горячую воду. Олыг держал хана за плечи, когда того рвало, выносил тряпки, помогал обтирать тело. Наверное, только к утру следующего дня засыпающая на ходу Женька поняла:

Баяр жить будет. Его уже не рвало, не было больше судорог. Заснул, забылся в тяжелом сне. И только тогда она позволила себе вылезти из «банного» шатра.

Наран отнес ее на руках к женщинам. Те быстро переодели Дженну, напоили бульоном, и она уснула мгновенно. Проснулась через пару часов и побежала к мужу.

Хан дышал спокойно. Кожа была теплой на ощупь, уже нормального цвета. Мальчишка-мор спал у него в ногах, Наран дремал у входа в шатер – охранял. Встрепенулся, увидев Дженну, виновато заморгал глазами и вдруг выдал ей очень тихо:

– Дженна-аах, что теперь? Кто ханом будет?

– Что? – не поняла она.

– Баяр... ночью скончался. Нужно объявить народу.

– Но... – Женька растерялась. Она только что заглядывала в шатер – муж ее был жив. Как это – скончался? – Ты что несешь, Наран? Головой повредился?

– Его последней волей было, чтобы войско поклялось тебе в верности.

Зарычала, ныряя в шатер. Кто-то из них двоих сошел с ума, это факт. Баяр все еще был там, теплый и абсолютно живой. Приоткрыл глаза, глядя ей в лицо, попытался улыбнуться.

– Что ты задумал, муж? – Ей сейчас хотелось хорошенько его треснуть. И Нарана тоже. – Ты когда умереть успел? Я что, зря вокруг тебя прыгала?

– Сайхан, так нужно. Пусть думают, что меня больше нет. И пусть принесут тебе клятву, это важно.

– Но зачем?

– Тот, кому я мешаю так сильно... для него это будет ударом. А для тебя – защитой. У тебя появится своя сотня, которая никогда не предаст.

Глава 38

Кровь и золото

– Охтыр, ты расскажи Дженне, что слышал про Карына и Илгыз.

Женька, оцепенев, молча сидит на земле и смотрит в пламя костра. Женщины воют в стороне. Мужчины чего-то ждут.

– Я расскажу. – Мальчишка дрожит. – Карын... я подслушивал, Дженай, потому что боялся, что Карын убьет жену свою... Так вот, он велел ей ехать сюда и отравить тебя. Сказал, что знает много трав. А если тебя не будет, Баяр вернется к отцу. Или не вернется, но уж точно – ослабнет. И тогда Карын убьет его.

– Зачем? Зачем его убивать? – всхлипывает Листян. – Баяр ушел, он ему больше не соперник.

Она сидит в стороне от Дженны. Когда Наран сказал, что молодой хан умер, Листян хотела броситься в объятия к подруге, разрыдаться на ее груди, но наткнулась на такой взгляд... В общем, плакала Лис в объятиях брата Сулима.

– Карын хотел стать ханом. А хан хотел назначить Баяра своим преемником.

– И поэтому прогнал его прочь?

– И поэтому тоже, – мягко заговорил Сулим. – Это урок, ценный урок. Баяр должен был окрепнуть и научиться выживать в дикой степи. И ему это почти удалось. Я уверен, по весне отец позвал бы своего сына обратно. И Карын все понял.

Женька тяжело дышала. Она сейчас ощущала себя полной дурой. Понять все их подковерные интриги было невыносимо. Наверное, Баяр во всем разобрался бы... Если бы у него имелось на это время.

– Хан еще крепок и полон сил, – напомнила она всем. – Недавно у него сын родился. Зачем ему отдавать власть?

– Сегодня он молод и силен, а завтра ему подольют яду. – Сулим прищурился с недовольным видом. – Значит, недостаточно силен. Великие предки отмерили каждому свой путь.

– Значит, в его шатре завелась змея, – парировала Женька. – А змей надо убивать.

– Ты убьешь Илгыз? – Сулим спрашивал с явным любопытством.

– Конечно. Но не сейчас. Пусть родит и выкормит. Потом умрет. Успеется.

– А если... если Баяра больше нет, нам нужно выбрать нового хана, – неожиданно напомнил Наран.

– Да, – оживился хромой. – Я – брат Баяра, его наследник. Я думаю...

– Баяр сказал, что править будет Дженна.

– Что? – Сулим вскочил на ноги, покраснел. – Женщина? Чужеземка? Бесплодная? Невозможно!

– Дженна – такой же воин, как и все мы, – строго ответил Бат. – Она с нами билась, пила из одной чаши, ела из одного котла. Конечно, Дженна, а не... – Он смерил Сулима взглядом. – Не тот, кто из лука не способен попасть в летящую птицу.

– Дженна, – громко подтвердил Айрат.

– Почему не Сулим? – спросила Листян. – Он, может, и не воин, но воинов у нас достаточно. А вот тех, кто сможет позаботиться о припасах, кто знает, когда впору стричь овец, кто понимает все обычаи, кроме него, нет – он один. К тому же он сын своего отца, брат Баяра и мужчина.

– Я и сам знаю, когда стричь овец, – фыркнул Наран, пристально глядя на свою любимую. – Мне нужен хан, который рядом со мной пойдет в поход, закроет меня от летящей стрелы, а если меня возьмут в плен, то бросится мне на помощь.

Сулим отчетливо скрипнул зубами.

Как, женщина – и во главе стана? Правильно их всех выгнали – полоумные, безумцы! Надо было раньше взять Баяра за горло: если его воины такие, каков он сам? Чему учил столько лет? Неужели отец этого не знал, не видел?

– Пусть каждый воин скажет свое слово, – процедил Сулим. – Я – или женщина-чужеземка.

Женька глядела на него насмешливо. Будь вместо Сулима, допустим, Наран, можно было еще сомневаться в выборе мужчин. Но сейчас... она знала, что брата Баяра здесь не любят и не уважают. И сама думала так же: ну подумаешь, нога! Вон у Бурсула в груди дыра была. Легкое пробито. Он теперь долго ходить, быстро бегать и размахивать саблей не может, задыхается. И что с того? Верхом ему это скакать не мешает и целиться из лука тоже. А у Сулима обе руки на

месте, но он не желает быть воином. Так что нечего даже и думать, что кто-то захочет такого хана.

– Женщины тоже скажут слово, – на всякий случай уточнила Женька. – Они тоже – кохтэ.

– Женщины – не воины.

– Неужели? Нанэ, Гаюна – покажите свои луки и кинжалы! Нанэ у нас – десятник, и у Гаюны скоро свой десяток будет. Мы ведь не иштырцы, которые своих женщин могут продать, избить или прогнать прочь. И не угуры, которые детей отправляют умирать в степь. Мы – народ сильный, даже женщины у нас могут себя защитить. Ведь только такие достойны родить сыновей кохтэ, верно?

– Негоже воинам за женскую юбку держаться, – злился хромоногий.

– А кто держится? Разве что ты, Сулим, годами жил в материнском шатре. А здесь каждый – муж свободный и сильный.

Это было абсолютное поражение. Сулим понимал, что проиграл эту битву вчистую. Никто не пойдет за ним. Может быть, эта девчонка погубит стан, да, скорее всего, так оно и будет, только мальчишкам Баяра важнее воинская доблесть и умение стрелять, чем здравый смысл. Что ж, их право.

Он поднял руки ладонями вверх и мирно сказал:

– Дженна так Дженна. В конце концов, она – жена Баяр-аха. Мой брат желал оставить ее после себя, так? Но говорил ли он, что его брат совершенно бесполезен? Нет? Так может, я буду направлять руки молодой ханши, давать ей советы, прикрывать ее спину холодной зимой? Или вы погоните меня прочь?

– Что ты, Сулим-гуай, – тут же встрепенулся Наран. – Ты теперь – родич Дженны-аах. Будешь ее старшим братом, ее отцом, ее помощником. Твоя мудрость нам нужна.

Сулим кивнул, усмехаясь, а зубами уже заскрипела Дженна. Будь ее воля – она бы этого змея прямо тут и придушила. Ох, как он ей не нравился, как она его ненавидела! Но никто отчего-то не замечал этой гнили, этого смрада... ей же казалось, что Сулим просто источает душевное зловоние. Именно он отравил Баяра, только кто ей поверит?

Во многом он в общем-то прав. Она все еще чужачка, которая мало в чем разбирается, мало что понимает в хозяйственных вопросах. А еще она слабая, уязвимая и довольно-таки неуверенная в себе. Если

бы ей и в самом деле пришлось стать ханшей, она бы орала от ужаса. Но, к счастью, Баяр там, в шатре, под присмотром Ольга дышал спокойно и ровно, даже начал понемногу, глотками, пить бульон. Жутко исхудавший, бледный и слабый, он жил. И жить будет, если, конечно, дать ему немного времени разобраться в происходящем.

– Дженна-аах, нужно решить вопрос с телом.

Она вздрогнула и дико поглядела на Найру.

– Я понимаю, что тебе трудно. Очень трудно, милая. Но Баяра нужно отправить к предкам. Так он сможет вернуться к нам, когда пожелает.

Ох, сколько нецензурных слов промелькнуло в голове у Женьки!

– Сначала войско принесет клятвы Дженне-аах, – выручил Женьку Наран. – А потом мы окажем Баяру все полагающиеся ему почести.

Клятвы! Почести! Обряды! Вот уж что она терпеть не могла – так это всякие торжественные мероприятия. И в центре внимания находиться Женька тоже не любила. Но в этот раз пришлось. Она не понимала, что задумал Баяр, то есть немного понимала, конечно, но это казалось ей глупым и странным. Тем не менее Женька покорно позволила себя переодеть (от алого халата все равно отказалась наотрез, потребовав принести ей тот, изумрудный угурский), заплести волосы в короткие куцы косички и прикрыть их рогатой шапкой.

Найра сажей подвела Женьке брови, уверяя, что так будет красивее, надела на пальцы медные и золотые кольца. Счастье еще, что у Женьки уши не проколоты, не пришлось вдевать тяжелые серьги. Хотя Листян слабо намекнула, что можно проколоть прямо сейчас.

Листян теперь Женьку вообще раздражала невероятно. Не так, как Сулим, но выдрать эту пигалицу очень хотелось. Нарану она до сих пор внятного ответа не дала, не отпуская парня, но и не принимая своим мужчиной. Командовать начала в стане, Сулима поддержала, хотя, откровенно говоря, Сулим ее брат родной, а Женька – так, недавняя подруга. За это Листян упрекать сложно, но Женька все равно запомнила. Если бы она не была твердо уверена, что Лиска любит Баяра больше всех на свете, Женька даже могла бы ее подозревать, но нет – какой бы капризной и глупенькой ни была эта девочка, на откровенную подлость она не способна.

Дженна вышла к воинам, совершенно не зная, что ей делать и что говорить. Надеялась только на Нарана.

К ее изумлению и даже ужасу, посередине стана вбили кол и привязали к нему молодого буйвола. Рядом лежали мечи и кинжалы и стояла золотая чаша. Выстроились в ряд все десятники, нарядные, в самых лучших своих одеждах, в полном вооружении, и Найра тоже была среди них.

– Перед великими предками клянемся мы в верности тебе, Дженна-аах, – громко сказал Наран, занося кинжал над мычащим буйволом. – И если предадим тебя, то станем скотиною бессмысленной и бессловесной.

Один за другим десятники вонзили в ревущего буйвола свои кинжалы, а затем Наран ловким движением перерезал несчастному животному горло и быстро подставил золотую чашу, наполнив ее горячей алой кровью.

Подал Женьке.

Она искренне надеялась, что ей не придется это пить.

– Поклянись на золоте и крови.

– А что говорить-то? – прошептала еле слышно. Поняв, что ответа не дождется, мучительно вспоминала когда-то виденную церемонию инаугурации президента. Ничего не помнила совершенно. – Клянусь... быть вам верною сестрою, матерью и соратником. Клянусь защищать вас всей жизнью своею. Э... клянусь не замышлять зла против своего народа...

– Да будет кровь и золото свидетелем нашей клятвы, – закончил Наран и перевернул чашу, выливая кровь на землю. – Земля предков приняла кровь. Народ кохтэ принял клятву.

Женька выдохнула судорожно, пряча дрожащие руки в рукава. Кажется, она справилась!

– А теперь – пир, – заявил Наран, весело ей подмигнув. – Пройди на почетное место, наша госпожа. Сейчас буйвола освежаем и жарим, не пропадать же добру. Каждому достанется кусок, а тебе – сердце. Как нашему... матери нашей, да.

– Мозг Сулиму отдайте, ему пригодится, – пробурчала Женька недовольно. Она бы предпочла сейчас ускользнуть в шатер к Баяру и убедиться, что с ним все в порядке.

– Сделаем, – хмыкнул рыжеволосый. – Хотя я бы мозг лучше Листян отдал. Ей тоже не помешает.

Они переглянулись, довольные друг другом.

Разводили костры, споро разделывали тушу буйвола. К Дженне подсел навязчиво-дружелюбный Сулим, немедленно принялся рассказывать о необходимости приобретения нескольких новых шатров, ведь теперь семей стало больше, а войлок свежий будет только весной, летняя шерсть для валяния не годится, из шкур можно сшить тулупы и сделать одеяла, а шатры – никак нельзя. И еще хорошо бы поставить соленый сыр, для этого тоже нужны шкуры, их накрепко зашьют, зальют туда молоко...

Женька не слушала. Рядом с Сулимом голова просто трещала. Не зря она не доверяла этому человеку, чувствовала исходящую от него опасность. Да еще воины галдели, дети отчего-то развеселились, а она практически не спала две ночи подряд. От запаха жареного мяса ее замутило. Извинилась, отошла в сторону за шатры, согнулась пополам. Ох уж эта беременность, какая тяжелая ноша! А ведь это только начало!

Здесь, за шатрами, в слезах и холодном поту, и нашел Дженну Охтыр.

Глава 39

Предательство

- Тебе плохо, Дженна-аах? Ты плачешь?
- Чего тебе, Охтыр? – устало спросила она, утирая слезы.
- Не прячься, – неожиданно погладил ее по плечу мальчишка. –

Плакать не стыдно. Мы все... тоже оплакиваем Баяра.

- Я вижу, – буркнула зло Женька. – Пир у них.
- Так это в честь тебя!
- Мне не нужно. Я хочу просто спрятаться от всех и побыть в одиночестве.

– Слушай... я ведь не просто так тебя искал.

– Говори.

– Я... за станом кое-что интересное нашел. Посмотрела бы, а?

Пойдем погуляем.

– Далеко?

Если бы не Женькина невыносимая усталость, если бы не мучившая ее головная боль, если бы это был кто-то другой, а не Охтыр... Если бы она вовремя вспомнила, что он приехал сюда вместе с Сулимом – никогда бы не сотворила такую невероятную глупость: не ушла бы за стан одна, никого не предупредив. Охтыр уверял, что тут рядом, что он только покажет кое-что и они сразу вернутся назад, и Женька кивала тупо и медленно моргала.

Трое мужчин, чужих, не из ее стана, появились перед ней из кустов неожиданно. Двое ухватили ее за локти – крепко, не вырваться. Третий схватил за плечи Охтыра.

– Погодите, но вы говорили... Сулим обещал... – пискнул мальчишка и замолчал навеки: лезвие ножа полоснуло его по шее. Кровь широкой лентой выплеснулась на землю.

Широко раскрыв глаза, побелев от ужаса, Дженна смотрела, как кохтэ – а это точно был кохтэ – невозмутимо и легко отбросил тело мальчишки, словно сломанную куклу, вытер нож о штаны и заткнул его за пояс.

– Ну что, Дженай, – спокойно и тихо сказал он. – Хан наш велел тебя привести в его шатер. Холодно ему по ночам спать. Будешь греть

его.

– Хан? – переспросила Женька недоуменно. – Тавегей? Но зачем ему отбирать жену у сына?

– Хан Карын, – веско ответил мужчина и махнул рукой. Женьку потащили вперед. Кричать она не решилась, понимая, что беречь ее Карын, скорее всего, не приказал. А ей сейчас нужно быть очень и очень осторожной.

Сулим ненавидел Карына еще больше, чем Баяра. Если Баяра он просто презирал за его мягкотелость и отсутствие стремления к власти, то Карын был для младшего брата опасен, и хромоногий это понимал. Но чего у самого старшего было не отнять, так это ума. И когда Сулим пришел к брату, тот не прогнал его сразу, а выслушал и даже согласился с его выводами.

Они говорили очень долго, почти всю ночь. Да, время Тавегея истекло. Да, он ослаб, размяк, стал слишком осторожен. Кроме того, за все время, пока Тавегей стоял во главе стана, кохтэ не завоевали ничего стоящего, ограничившись короткими стычками с недружелюбными соседями. Подумаешь, проиграли они угурам сто лет назад! Будут впредь умнее, для начала – завоюют земли иштырцев, которые совершенно обнаглели. Потом – прочие племена. И вообще, настало время объединить весь народ под сильную руку, собрать невиданное доселе войско и завоевать весь мир, и иштырцев, и угуров, и тех же моров на севере.

Уж точно старый хан не сделает этого. Станом давно правит не он, а мать. Недаром и наложницу ему подложила, и убила ее потом, когда та родила сына.

– Баяр похож на отца, – со смешком говорил Сулим. – Больше всех нас похож. И жену себе нашел под стать – чужестранку и воительницу. Гляди, Карын, быть Баяру ханом. А жена его станет им как конем управлять, взнуздав его и упряжь в рот вставив.

– Не бывать этому, – твердо отвечал старший сын. – Я жену отправил... – и замолк, вдруг смутившись.

– Илгыз? – Сулим понимающе усмехнулся. – Глупо. Она уж точно Баяра не изведет, она с ним несколько лет спала, просто рука не поднимется. Кстати, а ребенок у нее под сердцем чей – твой или Баяра?

– Да какая разница, – отмахнулся Карын. – Все равно она мне не нужна. Думаешь, не справится? А как все хорошо могло бы быть: она убьет Баяра, ее казнят... Или, если не убьет – хоть смуту наведет, с женой Баяра рассорит.

– Не думай, что Дженна – простая чужестранка. Ты же видел, как она околдовала всех: и Аасора, и Тавегея, и Баяра, и людей его. И даже Нурхан-гуар пал ее жертвой. И Тойрог прошла, как мужчина, как воин. Если она и не демон – то дух огня в ней точно есть.

Карын кивнул задумчиво. Сулим был прав, Сулим вообще очень часто бывает прав, за это его Карын и ненавидит. И, конечно, став ханом, он его убьет первым, но пока стоит выждать, пока брат может быть полезен.

Сулим покинул стан на рассвете, захватив с собой глупого мальчишку Охтыра и Бурсула, который бродил неприкаянным по стану, явно тоскуя по своей сотне. Бурсул опытный воин, с ним безопаснее.

Все у Сулима было просчитано: Карын, конечно, уже сговорился с тысячниками и сотниками, хана он убрать сможет. А если не сможет – туда ему, дураку, и дорога. Но он, Сулим, окажется совершенно ни при чем, его и близко не будет. Он займется Баяром и его непокорной женой.

И все же Сулим знал Карына недостаточно хорошо. В отличие от хитрого и изворотливого брата, старший юлить не собирался и даже скрываться особо не хотел. Кохтэ уважали силу – не важно какую. И когда через несколько дней стан проснулся от горестного крика ханши, обнаружившей своего мужа убитым в постели, только зло усмехнулся и заявил:

– Нож в животе у хана Тавегея – иштырский. Как допустили воины, что враг проник в стан? Как Аасор, славный шаман, не углядел чужака? Казнить весь патруль. И Аасора бы казнить, да нет ему замены. Но с этого дня шаману одному ходить запрещается, рядом с ним будет воин. Старый стал Аасор, рассеянный. Пусть готовит себе замену, да побыстрее.

Тысячники и сотники молчали, а воины, переговариваясь, очень тихо говорили друг другу, что иштырцев в их землях не было с тех пор, как сотня Баяра поставила свой стан далеко у реки. Зато все

знали, что Карын свиреп и нетерпелив. Знали – и не произносили этого вслух.

– Хан должен быть сильным, – заявляли тысячники. – Смерть во сне – позорнее не придумаешь. Хан должен умирать в бою, тогда великие предки почтят его дух и примут в свои объятия. А теперь...

А теперь старая мать Карына, в одночасье одряхлевшая и ослабевшая, не выходила из шатра, где, обряженное в пунцовые одежды, лежало тело прежнего хана. К ней робко жалась молоденькая кормилица с последним из сыновей Тавегея на руках. Боялась, что Карын не пощадит младшего брата. Младенцы так легко умирают от всяких младенческих хворей!

Нурхан-гуай, побратим хана, из стана исчез незаметно, никто не понял как. Не иначе лисом обратился.

Младшие братья, быстро сообразив, что они могут покинуть этот мир следом за отцом, принесли Карыну клятву верности на золоте и крови, а следом и тысячники, и сотники, и все войско признало в Карыне своего хана.

И не хватало ему до триумфа только двух вещей: самой лучшей, самой дерзкой, самой удачливой сотни, которую обещал ему привести Сулим еще до первого снега, и – женщины Баяра. Той самой, с духом воина в груди. И когда его воины, которых он отправил следом за Сулимом, принесли весть, что духи предков милостивы к нему, Баяр мертв, а женщина уже в его шатре, он понял: все у него получилось.

Второго такого хана не видел белый свет. Будет его имя нагонять страх на всю степь и окрестные земли. Начнет Карын, пожалуй, с моров, что на севере построили себе богатые города и приезжают торговать важные, в драгоценных мехах и с мешками золота. Разжирели моры за своими каменными стенами, ослабели, обрюзгли. К тому же испокон веков войска у них были пешими, коней в стране лесов и болот не так уж много, да и верхом ездили только важные люди. Стремительные и смелые кохтэ, привыкшие к невзгодам, должны были одержать славную победу над неповоротливыми морями. А нападать на их земли стоило весной, чтобы поля потоптать, не дать засеять. Чтобы ослабли они еще больше и потом смиренно платили дань мехами и золотом, вздрагивая от одной только тени всадника.

Да, много планов было у Карына, пока же за зиму стоило подготовиться к большому военному походу.

А в шатре его ждала женщина со светлыми глазами и волосами, вдова его брата, которая теперь по праву принадлежала победителю. Славное развлечение, сладкая его награда. И даже не важно, что ему всегда нравились высокие и статные, с большой грудью и длинными черными косами. Женщина Баяра – вот что было важно. Пусть он убил брата чужими руками, но отомстит он ему сам.

Глава 40

Прозрение

За себя Женька, охваченная одной только мыслью – Баяр сейчас совершенно беззащитен! – почти не волновалась. Ослабленный, едва выживший, под присмотром одного Ольга. Рядом с Сулимом.

Одна надежда на Нарана.

Как скоро ее хватятся? Да очень быстро – не пройдет и получаса. Найдут тело Охтыра (ах, как жалко парня, глупо погиб, нелепо, и это в копилку Сулима запишем!), ринутся по следу... до реки, разумеется. Там ее похитители постарались – скакали по воде, замечая следы, пару раз спугнули стадо антилоп. Кохтэ же, причем опытные воины, уже в возрасте.

С Женькой обращались подчеркнуто аккуратно, все же среди ее (да, теперь – ее) народа не принято издеваться над женщинами. Хотя... детей убивать тоже не принято, а у убийцы Охтыра рука не дрогнула.

В любом случае состояние у нее было... просто никакое. В голове сплошной туман, да еще тошнит и глаза словно песком засыпаны. Как ее везли, она не помнила – кажется, она ухитрилась заснуть в дороге. Вот и славно, пусть все думают, какая она смелая и мужественная. Дух воина, да.

Ранним утром ее привезли в стан – стан Тавегея, точнее, уже Карына. Запихнули в какой-то шатер, где Женька, наплевав на все, напилась воды из кувшина и нахально завалилась на подушки. Гори оно все огнем, ей плохо и тошно. Умереть она еще успеет, а сейчас просто поспать бы нормально. Благо, что в туалет ей все же в дороге позволяли сходить. Карын, пришедший в свой шатер, долго смотрел на спящую девушку, которая неожиданно совсем не была похожа на того Дженая, которого он пару раз видел.

Нет, здесь спала красивая молодая женщина в роскошной одежде. Спутанные светлые волосы, бледная кожа, тонкие черты лица, чуть приоткрытые розовые губы. Сколько нужно смелости, чтобы вот так спокойно спать в логове врага? Следа слез на ее лице нет. Воины его (доверенные, самые близкие, те, что пойдут за ним даже в огонь) сказали, что эта девочка теперь – ханша. Что вся сотня Баярова успела

ей клятву принести на золоте и крови. Это было даже хорошо. Карын может взять ее женой – и тогда сотня будет его. Только Илгыз нужно убрать, убрать совсем. Надо дать знать Сулиму – пусть решит эту проблему. Пока же к Дженне хан будет относиться с лаской и подчеркнутым уважением.

Вышел тихо, приказав:

– Принесите самые лучшие одежды. И золотые украшения. И поесть приготовьте, куропаток там, что-то понежнее, в общем.

Шум в стане, крики, бряцание оружия подняли бы и покойника. Во всяком случае, Баяр себя так и ощущал: словно проснулся после долгого сна, а то и вовсе встал прямо с погребального костра. Еще несколько минут назад он слышал рев буйвола: его воины приносили клятву. Потом закрыл глаза – и распахнул, понимая, что случилось что-то дурное. На стан напали? Он давно ждал чего-то подобного. Самое время – отравить хана и напасть.

– Сходи узнай, что случилось, – приказал мальчишке-пленнику, который третий день не отходил от него.

– Ага, побежал, – огрызнулся щенок. – Чтобы меня пришибли ненароком? Я тут – чужак.

– Помоги мне подняться.

– Дженна сказала, чтобы ты лежал. Вот и лежи.

– Убью, – прохрипел хан. – Поверь, сил хватит.

– Дождешься от вас, – пробормотал Ольг, подхватывая Баяра за плечи и помогая сесть. – Штаны дать, или так и пойдешь голым, великий каган?

– Штаны.

Проклиная собственную слабость, тяжело дыша, Баяр поминал великих предков. Одеться самостоятельно он не смог, штаны натягивал пленный мор. Опираясь на его плечи, Баяр сделал несколько шагов. Остановился, утирая пот. Снова шагнул. В глазах стремительно темнело, но холодный воздух, хлестнувший его по лицу и голым плечам, немного привел в себя.

В стане царила неразбериха. Кричали и плакали женщины, бегали взволнованные воины, ржали лошади. Баяру хотелось громким голосом призвать к ответу своих людей, но сил заговорить не было.

Его вдруг заметили. Сначала один воин вытаращил глаза и замер, как ледяная глыба. Второй замер, натолкнувшись на первого. Потом третий. Смолкли женские вопли. Наступила вдруг такая оглушительная тишина, что слышно было, как завывает ветер и шумит вдалеке река.

– Что происходит? – очень тихо спросил Баяр. И его все услышали.

Где-то заплакал ребенок.

– Баяр! – закричала Листян, расталкивая всех и птицей устремясь к нему. Натолкнулась на тяжелый взгляд, остановилась. – Ты... умер.

– Духи предков решили, что полет моей стрелы еще не закончен. Отправили меня обратно, – равнодушно соврал он.

– Великий шаман, – сказал кто-то сдавленно. Кажется, Наран? Или Бурсул, хан не понял, не угадал, да и не до того было.

– Что за суматоха?

И поскольку все суеверно молчали, снова заговорила сестра:

– Дженну украли. Охтыра убили.

– Кто?

– Судя по следам копыт – кохтэ, – неожиданно ответил Наран. – Не смотри на меня так, оживший мой хан. Я тоже не верил. Но, судя по следам – это наши лошади. У иштырцев они так не выучены. Идут след в след. Я думаю, их было три или четыре. Возможно, пять. Ушли к реке, а там, сам знаешь, не найти уже.

– Дайте мне одежду... – Баяра трясло от холода и слабости. – Я должен сам.

Наран мгновенно сдернул с себя халат, накинул на плечи друга и шепнул очень тихо:

– Рехнулся? Что тут устроил? Лежал бы себе!

– Сколько лежать? Пока меня не сожгут?

– Великие предки милостивы к нам, – громко заговорил, обернувшись к воинам, Наран. – Это не дух, не мертвец – наш теплый и живой хан.

– Если ты был на небе, скажи, кто убил тебя, брат? – Сулим смотрел на Баяра, прекрасно понимая, что его обвели вокруг пальца, словно ребенка. Выходила его ведьма, спасла. Этого надо было ожидать. Она да мальчишка с такими же светлыми глазами, знать, все

же демоны, как и говорил Карын. Потому что никто из тех, кого неделю поили черной травой, еще не смог выжить.

– Этого предки мне не сказали. – Баяр был страшно бледен, чувствовал, что еще немного – и пелена перед глазами окончательно сгустится. – Наран. Дай мне воды.

– Чаю, брат?

– Только воду буду пить. И только из рук Нарана. Бурсул, твой десяток – по следам.

Пошатнулся, вовремя подхваченный другом, опираясь на него, дошел до своего шатра, где и потерял сознание, успев сказать:

– Никого, совсем никого ко мне не пускай. Мор пусть будет рядом со мной.

Десяток Бурсула, как и предполагал Наран, дошел до реки, проехался по берегу, но никаких следов не нашел. Тело Охтыра привезли в стан, завернули в шелк, положили на камне.

Наран, любивший дерзкого мальчишку как младшего брата, вспомнил вдруг, с кем тот приехал в стан. В Бурсуле он был уверен – Дженна тому жизнь спасла, да и клялся он ей в верности одним из первых. К тому же Бурсул был из доверенного круга Баяра, с детства рос рядом с ним. Нет, Бурсул не мог отравить хана, не тот он человек. Да и не воинское это оружие – яд. Клинок в печень или перерезанное горло куда надежнее. Вот и оставались только женщина... и Сулим.

Сотник хорошенько тряхнул пленного мора, и тот вдруг заявил: да, Дженна про Сулима говорила недоброе и все время трогала шею, затылок.

Очнувшийся Баяр мучительно вспоминал, как младший, самый любимый его брат, которого он всегда защищал, поил его своим вкусным чаем. Илгыз? Да он из ее рук чашу принял лишь однажды и сделал один глоток. В то время как из рук брата ел и пил, не подозревая ни о чем.

Но почему? Черная змея боли и непонимания душила Баяра. Для чего Сулиму все это? Ханом ему не стать никогда. Карын ему жизни не дал бы. А самое непонятное – где Дженна?

– Сулима взять, – приказал хан. – Привязать к тому колу, у которого сидел пленник. И... я сам его спрошу.

– Он твой брат, Баяр, – напомнил Наран. – И сын хана. Нельзя проливать его кровь, мы клялись Тавегею... Позволь мне взять

проклятье на себя.

– Кто сказал про кровь? – зло ухмыльнулся Баяр. – Раскаленное железо ничуть не хуже развязывает язык, чем нож.

Он был очень зол. Никогда в жизни, кажется, Баяр еще не подходил к тому пределу, за которым заканчивается человек и начинается демон. Если бы дело касалось только его, он никогда не переступил бы черту. Но они забрали его Дженну. И что еще хуже – его ребенка, зреющего в ее чреве. Забрали его мечту, его кровь, то, ради чего стоило жить. Он понимал сейчас, что готов убить брата самым жестоким образом и ни на мгновение не пожалеет о его смерти.

Сулим что-то вопил, пытался сопротивляться, но кто его слушал? Для своих воинов Баяр был не просто ханом, он был отцом и божеством. Он заслонил бы их от стрелы в бою, и они сделали бы для него то же самое. Что мог сказать им какой-то там Сулим?

Пошатываясь и закусывая губы от слабости, обливаясь холодным потом, Баяр вышел из шатра – в самом ярком своем наряде, в меховой шапке, скрывающей мокрый лоб. Сел напротив дрожащего брата, проведя ладонью над серым ноздреватым камнем, что кохтэ использовали как топливо, шепнул одними губами: «Гал». Вспыхнул огонь.

Сулим, никогда прежде не видевший, чтобы хан колдовал, даже не подозревавший об этом его умении, стал хватать губами воздух, словно рыба, вытасченная из воды.

– Скажи мне, любимый младший брат, – вкрадчиво начал Баяр, краем глаза замечая, как рядом и за спиной на землю опускаются его десятники. – Где моя жена?

– Да откуда я знаю, Баяр-ах, – захлебываясь страхом, отвечал Сулим. – Разве я ей сторож? Может, она сама сбежала от тебя?

– Наран, дай мне мой кинжал.

Верный сотник немедленно протянул кинжал своему хану. Баяр рассек лезвием клинка веселое пламя, неспешно вертя оружие в огне. Он очень хорошо знал своего брата.

– Для чего ты приехал сюда, Сулим?

– Я... бежал от Карына.

– Это ложь, – неожиданно подал голос Бурсул. – Я сам видел однажды, как Сулим и Карын разговаривали вполне мирно. Да и мне

Сулим сказал не так. Сказал, будто хочет убедиться, что с братом его любимым все в порядке, что он не погибнет суровой зимой.

– Очень хорошо. – Баяр достал из пламени раскаленный докрасна кинжал и вдруг резким движением прижал его лезвие к бедру Сулима. Мужчина завопил истошно – как тот буйвол давеча. От этого крика у Баяра виски прострелило болью, пришлось прикусить губу до металлического вкуса. Он и не знал, как был страшен в этот миг. Худой, бледный, с ввалившимися глазами, сверкающими, как пламя, с каплями крови, стекающими по подбородку.

– Я... я все скажу, – визжал Сулим, сотрясаясь, как от судорог. – Все скажу! Карын... он забрал Дженну, его люди!

– Зачем? – Баяр усмехнулся, убирая кинжал. На толстых замшевых штанах брата зияла черная прореха, а кожа под ней была невредима. Хан был очень аккуратен. Но Сулиму этого оказалось достаточно.

– Дженна твоя – демон. Она убьет Карына, я точно знаю, я... мать видела это. Она мне рассказала.

– А мать-то здесь при чем?

– Она брала у Аасора траву... когда еще нашли этого мальчишку, истекающего кровью. И спрашивала про него предков.

От изумления Баяр едва не выронил нож.

– О чем ты говоришь? Мать знала, что Дженай – девушка?

– Конечно, знала. И отец знал, – раздраженно ответил Сулим. Исследовав свою ногу, он вдруг обнаружил, что невредим, и в его груди вспыхнула надежда. Это же Баяр – его старший брат, всегда любивший его! Еще не поздно искусно соврать и выйти из этой неприятной ситуации. – Или ты думаешь, что можно не заметить, что она – девчонка? Или считаешь, Аасор посмел бы нарушить традиции? Они знали... в матери силен дух огня. Она спрашивала предков, и они сказали, что Дженна убьет Карына и будет твоей женой.

Сулим вдруг вспомнил, как прибежал к матери после разговора с Карыном. Он всегда советовался с ней. Они были очень близки, мать и сын. Именно он утешал ее, когда отец развлекался с юной наложницей, именно он помог матери решить эту небольшую проблему. А теперь он спрашивал, как лучше поступить.

– Так зачем же был этот суд? – гневно спросил Баяр.

– Чтобы ты ушел. И познал мудрость. И стал наконец мужчиной и вождем своего народа. Я пошел за тобой, брат, мать отправила меня тебе на помощь. А Карын... Карын тоже все это понял и пожелал тебя убить. И послал Илгыз...

– Это правда, – неожиданно раздался глубокий женский голос. – Карын мне так и сказал. И я согласилась и пошла. Вот только слушаться я его не захотела. Зачем мне убивать Баяра, если я могу остаться в его шатрах и никогда больше не возвращаться к человеку, которому я не нужна?

Баяр вздохнул. И кому верить?

– Где Дженна? – повторил он свой первый вопрос.

– У Карына, – быстро ответил Сулим. – Она ему нужна...

– Чтобы отомстить Баяру за все. Не важно, живому или мертвому, – закончила сурово Илгыз.

Еще несколько минут назад Баяр думал, что испытал все на свете. Он познал гнев, туманящий рассудок. Он попробовал на вкус боль, которую могли причинить только самые близкие и любимые. Он чуял дыхание смерти на своем лице, вкусил спокойствие и безмятежность последних мыслей. Знал счастье, страсть и любовь к женщине.

А теперь его охватил страх – кажется, впервые в жизни. Удушающий, липкий, как паутина, холодный, как зимняя полынья, выбивающий дыхание, как удар лошадиным копытом в грудь. До этого момента он все-таки надеялся, что Дженна у иштырцев или у тирахов. Это был бы болезненный удар, но он знал – ее бы не тронули. Она бы стала оружием, которым можно ударить по его народу. Но Карын... Баяр прекрасно понимал, на что способен его старший брат.

Сулиму он не верил совершенно, впрочем, Илгыз тоже. А сам сейчас был слишком слаб, чтобы сесть на коня и мчаться следом за любимой.

Время утекало, как песок сквозь пальцы. Одна надежда была на то, что отец или мать не позволят Карыну натворить что-то непоправимое. И еще – Дженна сильная. Она... наверное, она сможет пережить и пытки, и насилие. Она настоящий воин.

Глава 41

Диверсантка

Женька молчала. Утром ее разбудили женщины, немолодые уже, с узловатыми коричневыми руками, пустыми узкими глазами и волосами, заплетенными в две косы. Она знала: знак замужества. Те, кто свободен, часто плетут себе много тонких косичек, или одну, или вовсе ничего не плетут – но это редко. В степи с распущенными волосами неудобно, мешают.

Она молчала, когда ее мыли, терли мочалками из овечьей шерсти. Молчала, когда одевали в роскошные одежды: шелковые черные панталоны и сорочку, алый халат, поверх – отороченный густым серым мехом жилет. На ноги – сапоги с войлочным носком, на голову – шапку с мехом. На запястья надели звенящие браслеты, поахали, что уши у Дженны не проколоты. Хотели тут же проколоть, но она посмотрела на них так, что женщины шарахнулись и вытаращили глаза, шепча: «Шулам, шулам»^[15].

Молчала, когда ее вывели из шатра на белый свет, только чуть прищурилась от ярких лучей солнца.

Стан совершенно не изменился с тех пор, как она его покинула. Те же шатры – одни серые, унылые, другие разноцветно-нарядные, те же собаки, те же дети, носящиеся с криками туда-сюда. Сухая осенняя степь с жесткой щетиной травы, холмы на горизонте, пронзительно-высокое небо, всегда ее завораживавшее.

– Ты очень красивая, Дженна, – неожиданно раздался мужской голос совсем рядом.

Она быстро обернулась.

Судя по богатой одежде и высокой шапке, перед ней новый хан, старший брат Баяра. Как его там, Карын? Да, Карын. Она рассматривала его очень внимательно. Широкое обветренное лицо истинного воина – это не изнеженный Сулим, привыкший к полутьме шатров. Карын явно другой. У него сильные руки и широкие плечи. Он выглядит как человек, немало времени проводящий в седле. Взгляд надменный, уверенный. Черная бородка обрамляет узкие злые губы. Красивый мужчина, не отнять, все они – сыновья Тавегея – красивые.

Породистые даже. Неудивительно – Женька видела их мать. В молодости она была не менее красива, чем Илгыз.

Карын походил на Баяра и не походил одновременно. Тот же прищур глаз, тот же нос, точно такие же брови – ровные и прямые. Лицо, пожалуй, шире, более округлое, но так он и сам шире брата. Как зрелый степной конь против трехлетнего жеребца.

Во взгляде Карына нельзя прочесть совершенно ничего. Он не злится, не радуется, не думает, кажется, ни о чем. Просто смотрит. И даже интуиция ее молчит, и голова больше не болит, и в затылке не свербит совершенно. Что ему нужно от нее?

– Ты голодная?

Прислушалась к себе, кивнула. Горло по-прежнему перехватывало от ужаса.

Карын взял ее безвольные ледяные пальцы и повел куда-то. Она покорно шла, ощущая себя овечкой, которую ведут на убой.

Нет, не овечкой. Она – хищный зверь. Просто сейчас ей некуда бежать и сделать ничего нельзя – только осматриваться и строить планы. Она жива и цела, она не связана и не под стражей. Значит, нечего унывать. К тому же теперь она не одна, наоборот – у Женьки есть причина, из-за которой она обязательно выживет.

Царственно опустилась на циновку – это движение она подглядела у Илгыз, даже тренировалась украдкой, потому что попробуй-ка в длинной юбке сядь, так чтобы не раскорячиться как мужик и на спину ненароком не завалиться. Получилось, кажется, вполне изящно.

Есть пришлось пальцами, впрочем, уж кому-кому, а Женьке не привыкать. Вылавливала куски мяса и кругляшки сыра, макала в жирный бульон сухую лепешку. Она привыкла уже к этой простой пище, полюбила ее. Хотя и знала – вредно, когда в рационе нет зелени, круп и овощей. Думала даже разговаривать об этом с Баяром – уж сушеную морковь и долго хранящуюся капусту можно покупать у угуров. И бобовые еще, их вообще можно бесконечно хранить в сухом виде. Но сейчас она ела то, что ей дали, а уж при виде свежего желтоватого молока едва не задрожала. Затрепетала ноздрями, осторожно попробовала – и выпила чашу до дна. Чуть сладкое, густое, такое вкусное, что Женька ощутила себя кошкой и едва не замурлыкала.

– Будешь жить в моем шатре, Дженна-аах, – с довольным видом сообщил ей Карын. Ему очень нравилось, что пленница такая покорная. – И спать в моей постели.

– Нет, – ровно и тихо ответила Женька. Она уже знала, что спокойная речь звучит куда громче, чем крик. Баяр научил – он отменный учитель. – Не стану. А попробуешь принудить – отгрызу тебе яйца.

Карын вытаращил глаза и вдруг рассмеялся.

– А ты и вправду воин, – с одобрением сказал он. – Может, и стрелять умеешь?

– Дай лук и встань вон у того шатра – узнаешь.

Это было уже рискованно, и Женька усилием воли заставила себя заткнуться. Не стоило дергать тигра за усы, он мог и сожрать ее прямо сейчас. Поднялась, сполоснув руки в миске с водой, услужливо поданной какой-то женщиной. Отвернулась от Карына, глядя с тоской в сторону реки. Поедет ли за ней теперь уже ее сотня? Свежая клятва будет жечь им пятки, гнать вперед. Вот только как они узнают, где ее искать? Лошади иштырцев оставляют ровно такие же следы, что и кони кохтэ. Будет ли у нее время и силы дождаться подмоги?

Цепкие пальцы ухватили ее за подбородок, силой заставив взглянуть в безжизненную азиатскую маску ее пленителя.

– Знаешь, о чем я жалею? – спросил Карын. – Что лично его не убил. Я бы привязал Баяра к четырем коням за руки и за ноги... и отпустил бы их.

Дженна ничего не ответила, только чуть плотнее сжала губы и опустила ресницы. Помечтай, ага. Она непременно передаст твои слова Баяру и проследит, чтобы он воплотил твои мечты.

– А ты пока привыкай. Я не зверь, дам тебе пару дней, чтобы принять свою судьбу.

Ты погляди, какой терпеливый! Памятник бы ему поставить! Посмертный.

– Я могу ходить по стану или мне сидеть в шатре?

– Ходить можешь. Но тебя будет сопровождать воин. Ургай! Проследи, чтобы Дженна не сбежала.

Воин (незнакомый ей, не из числа похитителей) кивнул. Был он уже в почтенном возрасте, с седыми висками и ровным следом от стрелы на щеке. Женька, не желавшая больше видеть Карына,

медленно пошла по стану, разглядывая людей. Женщины сидели на циновках, шили, чинили одежду, пряли пряжу. Мужчины тихо беседовали. Те, что моложе, чистили оружие и правили стрелы.

Один из шатров показался ей знакомым, и она недолго думая шагнула к сидящему рядом с ним мужчине.

– Ты – отец Охтыра? – спросила она прямо и безжалостно. И, дождавшись кивка и настороженного взгляда, жестко сказала: – Охтыра убили воины Карына и Сулима. Перерезали горло. И бросили как падаль.

– Лжешь, – побледнел мужчина. – Шулам!

– Зачем мне лгать? Карын меня украл из стана Баяра, а Охтыр... – Женька замаялась, а потом все же соврала: – Пытался воинам помешать. Не веришь мне – спроси тех, кто меня привез.

И отошла, оставив оглушенного отца переваривать страшное известие.

– Это правда? – очень тихо спросил ее охранник. – Баяр мертв?

– Сулим его отравил, – чуть поколебавшись, ответила Женька. – Люди Баяра принесли мне клятву. Ну, быка зарезали и все такое.

– Значит, они придут за тобой. И будут сражаться со своими братьями, отцами и дядьями.

– У тебя кто-то ушел следом за Баяром? – догадалась Женька. Прикинула возраст и предположила: – Сын?

– Дочь. Гаюна.

– А! Она десятница. Выучилась стрелять из лука и махать саблей. Правда, скорее всего, тебе не придется в нее стрелять. Ей муж и дети, надеюсь, важнее воинской славы.

– Муж? Дети? – Охранник выглядел обескураженным.

– Она вышла за Айрата. И взяла в шатер двух сирот.

– Моя Гаюна?

– Да. Та самая высокая и злая девица с обрезанными косами.

Мужчина помолчал немного и попросил:

– Поклянись, что ты не врешь.

– Клянусь своей жизнью, истинная правда. И про Охтыра, и про Гаюну. А ты скажи, как Карын стал ханом? Где Тавегей?

– Тавегей на небесах с великими предками.

Женька от огорчения едва не сболтнула что-то вроде: «Жаль, Баяр будет расстроен». Едва успела прикусить язык.

– А его жена? А Аасор? С ними что? Нурхан-гуай где?
– Нурхан-гуай исчез, Аасор тут, куда денется... – про жену хана он предпочел умолчать.

– Вот как... Так как все же умер Тавегей?

– Убит ножом в живот. Ночью. Во сне.

– Карын его?..

– Никто не знает, но все думают, что он.

– Странные вы, – пожала плечами Женька, решительно направляясь к шатру Аасора. – Он убивает детей, убивает отца. А вы клянетесь ему в верности.

– Сильный хан – многие победы.

– Ох как много сил нужно, чтобы перерезать горло ребенку или убить спящего! Что же твой Карын не вызвал отца на бой? Что же не сражался с Баяром, а решил его отравить? Ах, ну да. Еще можно воевать с женщинами! Выгнать свою жену и украсть вдову брата...

Ее охранник ничего на это не сказал, но разве Женьке нужен был ответ? Она прекрасно знала, что мужчины – сплетники и болтуны ничуть не меньшие, чем женщины. Хорошо бы этот... как его... Ургай поговорил со своими друзьями. И обсудил вопрос мужественности Карына. И еще надо найти мать Баяра, если она жива, конечно. Пока же Женьке очень нужен был Аасор, имелась у нее пара важных вопросов к нему как к целителю.

Шаман совершенно не изменился. Такой же маленький, морщинистый и лысый, с хитрыми раскосыми глазами. Дженне он кивнул, ничуть не удивившись, сунул ей в руки вечную ступку с пестом, коротко сообщив:

– Черноцвет и полынь. Погребальные травы.

– Я подожду снаружи, – быстро пробормотал Ургай и выскочил из шатра.

Женька беззвучно рассмеялась.

– Что из этих трав выйдет?

– Мазь для заживления ран. То, что внутрь – яд, снаружи – лекарство.

Женька кивнула, бесцеремонно усаживаясь на подушки и привычно размещая ступку между ног. Она и раньше помогала шаману в его работе.

– Ну что, мой маленький воин, вот ты и вернулась туда, откуда все началось.

– И здесь же все закончится? – с надеждой спросила она.

– Нет. Ну... не скоро. Ты изменилась.

– Да. Я все же женщина гораздо больше, чем думала о себе.

– Я не об этом. Ты больше не ребенок. Ты – взрослая.

– Я? – искренне изумилась Женька, которая себя ребенком никогда и не считала.

– Не так сказал. Ты – птица, вставшая на крыло.

– А, ладно. – Она подумает об этом ночью перед сном, как обычно и делала. – Аасор, а часто у вас женщины родами умирают?

– Случается, – тут же погас старик. – Особенно, когда это очень кому-то нужно. Почему спрашиваешь, неумная? Неужели не догадалась отвары пить?

– Сама решила, – призналась она. – Баяр мечтал о ребенке, а я вот... Короче... Ну...

– Я понял. М-да, это все меняет. Времени все меньше. Будь очень осторожна сейчас. И молчи, молчи. Карыну ты вдруг понравилась, и он пока тебя не тронет. Но кто знает, кто знает... На вот, кстати. – Аасор протянул ей кинжал. – Пригодится.

Больше шаман ничего не сказал, и Женька вышла из его шатра злая и разочарованная. Вот же противный старикашка, никакой от него помощи, только напугал ее еще больше! Придется как-то выкручиваться самой. Но за кинжал спасибо, с ним сразу стало в разы спокойнее.

Глава 42

Буря

Кто сеет ветер – пожнет бурю. Женька не знала, кто сказал эти слова, но они ей очень нравились. Она старательно сеяла ветер: и рассказами об Охтыре, и упоминаниями о славных победах Баяровой сотни и войне Карына с женщинами и детьми. И буря грянула – даже быстрее, чем она ожидала. Зря он, конечно, позволил ей гулять по стану, очень зря.

Уже к вечеру отец Охтыра со стоящими за его спиной сотниками подошел к Карыну и прямо задал вопрос:

– Кто убил моего сына, хан?

Карын вздрогнул, отступил на шаг и нашел глазами Дженну. Та криво улыбнулась.

– Твой сын был предателем, – сказал Карын. – Он служил Сулиму. И помогал отравить Баяра.

– И зачем бы Сулиму убивать своего брата? – невинно заметила Дженна. – Или хромой пес мог бы стать ханом?

– Мой сын – ребенок. – зарычал тысячник. – Он – мой единственный сын!

– Ты сам виноват, – равнодушно бросил Карын. – Не смог воспитать достойного воина.

Мгновенно, просто молниеносно сверкнула сталь. Тысячник вытащил саблю. Карын стоял неподвижно, насмешливо щурясь, явно уверенный, что отец Охтыра не посмеет напасть на безоружного, а бросить вызов хану у него просто не хватит сил. В поединке Карын мог одолеть любого, даже и бывалого воина на добрый десяток лет его старше.

– Предатель, ты посмел поднять оружие на своего владыку? – спокойно спросил Карын. – Свяжите его. Завтра на рассвете его казнят.

Женьке хотелось закричать на воинов: что же они делают, почему подчиняются? Разве не могут сейчас всей толпой просто послать Карына к черту, к степным демонам, к иштырцам в задницу, или куда там кохтэ посылают неугодных? Но нет, воины обступили

осунувшегося тысячника, разом постаревшего на добрый десяток лет, разоружили его и увели прочь.

– Баяр бы никогда... – раздалось вдруг тихо... но так громко.

Карын обернулся рывком, окаменел.

– Баяр мертв. А любому, кто его вспомнит, я язык вырву.

– Баяр жив, – раздался вдруг надтреснутый голос. – Он не мог умереть.

Женька шумно втянула воздух, оглядываясь.

Старая Эймира отрезала косы. Были они у нее черные, длинные, едва ли не до колен, лишь несколько седых нитей потерялись в них. Эймира гордилась своими волосами, не у каждой молодой девушки такие. В день, когда она нашла своего мужа мертвым в луже крови – косы в одночасье стали белыми как снег.

Она никогда не думала, что станет вдовой. Ей казалось, что Тавегей вечен. Неуязвимый в бою – ни стрела, ни сабля не могли его серьезно обидеть. Ранения были, конечно, но легкие.

Предки были милостивы к Эймире. Шестеро сыновей, красавица-дочь. И сама она – даже в возрасте, когда многие ее ровесницы уже потеряли волосы и зубы – оставалась статной и красивой. Немного раздалась в бедрах, появились морщины вокруг глаз, стали болеть ноги да спину порой прихватывало, но в целом она была хороша и прекрасно это знала. Нисколько не боялась, что муж ее разлюбит, даже сама ему посоветовала взять в шатер молодую наложницу.

Наверное, тогда и пришла в их стан беда. С тех пор все поменялось.

Светлоглазые девки вообще приносят несчастье, это она поняла очень ясно. Первая, Элия, все же забрала у нее мужа, который для наложницы поставил отдельный шатер и ночевал там гораздо чаще, чем в своем собственном. Вторая, Дженна, должна была забрать сыновей.

Эймира всех своих детей любила одинаково: и дерзкого Карына, и смелого Иргана, и доброго Баяра, и хитрого Сулима. Младших, близнецов двенадцати лет, конечно, тоже любила, но с ними проблем, как со старшими, пока не было. Только она знала: будут.

Старший ее сын вообще не терпел соперников. Ему было два года, когда родился брат, и уже тогда он решил, что больше не нужен родителям, и ушел в степь. Поймали, вернули, пообещали, что брат

будет ему поддержкой и лучшим другом. Когда спустя еще два года на свет появился Баяр, Карын потребовал, чтобы его кому-нибудь отдали, пока он сам этого не сделал. После рождения Сулима Карын окончательно обиделся на родителей и ушел жить в шатер к сестре отца.

Эймира точно знала, что в смерти ее мужа виноват старший сын, но молчала. Какой бы он ни был – это ее сын, ее первенец. Он отрастил зубы, стал настоящим волком. Если немного подождать, то Карын соберет войско и умчится завоевывать новые земли. И тогда Эймира выдохнет. Не без основания она теперь опасалась за остальных детей. Карын не пощадит братьев, которые могут стать ему соперниками. Уже сообщили матери о смерти Баяра, в которую та, впрочем, не поверила. Нет, только не ее светлый сынок, кто угодно, но не он!

Эймира платила за свое счастье. Ей приходилось выбирать между своими детьми. Она знала, что у кохтэ в ханской семье нередко братья убивают друг друга. Тавегей тоже убил когда-то своих братьев. Из всех ее сыновей Карын был самым безжалостным и жадным до власти, и теперь Эймира в этом убедилась.

Светлоглазая жена третьего сына хана чем-то походила на Элию, особенно – в ее одеждах. Только Элия была тихой и робкой, а в глазах Дженны сверкало настоящее пламя. Глаз она не прятала и лица не опускала, никого не боялась. Эймира запомнила ее совсем другой и теперь вдруг поняла: Баяр смог.

Дженна была любима. Только любимые женщины становятся такими... словно цветок распутившийся. Дженна – расцвела. А если Баяр любил свою жену, то Эймира тоже будет ее любить.

Сын Эймиры, первенец и убийца своего отца, глядел на нее с ненавистью.

– Если ты думаешь, что я тебя пощажу... – сквозь зубы процедил он и шагнул к матери.

– Родила я шестерых волчат, но трое из них оказались шакалами, – спокойно сказала женщина. – Один вырос в волка, да и тот ушел из стана.

Карын побагровел, сжимая кулаки, но сделать ничего не успел. Дженна, не раздумывая, встала перед Эймирой, закрывая ее собой. Вскинула голову, бесстрашно глядя в глаза мужчине.

– Она родила тебя на свет, – сказала звонко. – Тебя, и Баяра, и Сулима тоже. Не смей оскорблять свою мать.

Ее трясло от злости. Да как он посмел угрожать матери, той, что вырастила его, выкормила! Да и вообще – он мнил себя мужчиной! А мужчины не воюют с женщинами и детьми, они о них заботятся!

– Отойди в сторону, девка, – рыкнул Карын. – Не лезь.

– Это мать моего мужа, а значит – и моя мать.

Женька готова была стоять насмерть, вспомнив вдруг, что шаман ей дал кинжал. Вот пусть только попробует поднять на нее руку, пусть только посмеет!

– Ты права. – Карын неожиданно скривил губы в гримасе, очевидно, обозначавшей улыбку. – Иди в шатер, мать. Ты не в себе. Я прикажу Аасору дать тебе успокаивающего чая.

– Баяр не умер, – упрямо повторила Эймира из-за Женькиной спины.

– Конечно, не умер, – кивнул Карын довольно мирно. – Он всегда будет с нами: ветром в траве, дождем летом, снегом долгой зимой. Он там, с нашими предками, смотрит на нас...

Женька вскинула брови: интересненько! Вот нравятся ей подобные мысли.

– Гуар, Тимур, проводите Эймиру в ее шатер, да глядите, чтобы она не ходила больше по стану. Она обезумела, да и неудивительно: потерять и мужа, и сына... А ты, моя дорогая, пойдешь со мной, – это он уже к Женьке обращался, и ей вдруг мучительно захотелось вцепиться в платье матери Баяра и заявить, что она пойдет вместе с ней.

Карын был спокоен, голос его – тих и даже ласков. Но в затылке кольнуло так, что чуть слезы из глаз не брызнули.

– Никуда я с тобой не пойду, – прошептала Женька, оглядываясь и умоляюще глядя на воинов вокруг. – Прошу, не нужно.

Один из воинов нахмурился и шагнул было вперед, но тут же застыл под властным взглядом хана.

– Дженна, я просто прошу прогуляться вокруг стана, – терпеливо сказал Карын, протягивая ей руку. – Обсудим твое будущее, я думаю, пора. А еще ты расскажешь мне, что случилось с моим любимым младшим братом. Я так понимаю, Сулим коварно и подло его отравил?

Женька нащупала кинжал, предусмотрительно спрятанный под халатом. Неуверенно улыбнулась.

– Вокруг стана? Ты не обидишь меня? Твои люди были не слишком-то вежливы, когда меня похищали.

– Я не собирался тебя красть, – убедительно ответил мужчина. – Я спасал тебя, глупая, от коварства Сулима. Я знаю, сотня моего брата присягнула тебе как ханше. Думаешь, ты справишься бы с моим коварным братом? О нет, он убил бы тебя...

Женька сглотнула. Она понимала прекрасно, что Карын был с Сулимом заодно, а сейчас только что подписал своему сообщнику смертный приговор. Но он не знал пока, что Баяр не умер. А это значит – ей нужно быть послушной и тянуть время. Или... попытаться расправиться со своим мучителем прямо сейчас, пока он еще не понял, что ее нужно бояться.

Прогоулка, значит? Пусть так. У нее есть кинжал. Не станет же Карын убивать или насиловать ее на виду у всех!

И она осторожно вложила свои ледяные пальцы во все еще протянутую руку.

Глава 43

Тойрог

– Я буду звать тебя могой^[16], – тихо и страшно сказал Карын, склоняясь так низко к Женькиному уху, что ее передернуло от отвращения. – Что ты успела натворить, женщина?

Она молчала, только отворачивала лицо. Мужчина больно ухватил ее за щеки, силой разворачивая к себе.

– Смотри на меня, Дженна, не кривись! Теперь ты моя, хочешь ты этого или нет.

– У тебя есть жена, Карын, – прошипела Женька. – А у меня – муж. Ты с ума сошел, зачем я тебе?

– У меня больше нет жены, а у тебя мужа. Баяр мертв.

– Ты так в этом уверен? А что, если Сулим обманул тебя, снова выбрав другого брата? – Она била наугад, вспоминая рассказы Баяра.

Угадала. Карын мгновенно напрягся и даже отпустил ее. Подумал немного, засмеялся:

– Нет, это вряд ли. Сулим против силы не пойдет, он трус. А что до Баяра... Даже если он и выжил чудом, мне его жаль.

– С чего бы?

– Его любимая женщина – в моих руках. Я хорошо знаю своего братца. Однажды у нас возле шатра сука оценилась. Так этот глупец выбрал себе самого слабого щенка, заботился о нем, выхаживал... Очень сильно плакал, когда щенок все же издох.

– Это ты его? – похолодев, выдохнула Женька.

– Ага, шею свернул. Баяру тогда лет семь было. Кстати, с тех пор он плакать перестал. Так что ему даже на пользу этот урок пошел.

– И я... как щенок?

– Именно. Жаль, что он все же не узнает. Но ты мне нравишься, ты сильная и смелая. Я не буду сворачивать тебе шею. Просто возьму. Родишь мне сына. Говорят, от чужеземок особые дети рождаются, одаренные и красивые. Элию мне отец не отдал, сам себе захотел еще одного сына. А тебя... тебя вон Баяру отдал все же, не мне. Но я сам заполучил тебя. Не сложно это оказалось.

– Я не лягу с тобой никогда, – дернулась Женька, с легкостью вырываясь из его рук. – Ты меня не получишь.

А сама понимала: ради того, чтобы уберечь ребенка Баяра, возможно, придется и прогнуться. Не первый раз.

Что же, Дженна – ты думала, что теперь в безопасности? Что муж всегда тебя спрячет за своей спиной? Нет, не зря в тебе дух воина. Воин – это ведь не тот, кто бросается в бой, размахивая саблей – один против сотни. Нет. Воин – не самоубийца. Умереть от руки Карына очень даже просто, а вот выжить, перетерпеть, дожидаться подмоги – куда сложнее. Все это вдруг так быстро промелькнуло у нее в голове!

Мужские ладони обхватили ее за плечи – крепко, не вырваться, и она замерла, как трепещущая птица в грубых руках охотника.

– Отчего ты так уверена в себе, Дженна? – В голосе Карына любопытство и даже удивление. – Неужели ты сильнее меня? Или думаешь – пожалею? Не-э-эт, только не тебя. Жалости ты не заслуживаешь. Уж не считаешь ли ты, что привлекаешь меня, как женщина?

Женька заворуженно покачала головой. Нет, не считает, конечно.

– Так что, женщина, будь послушной... и тогда я, возможно, не буду очень уж груб. Раздевайся.

– Здесь? Сейчас?

– Сейчас.

– Но... холодно. И не будешь же ты прямо тут...

– Я хочу проверить, все ли ты поняла.

Женька прищурилась и медленно распустила пояс халата. Карын кивнул довольно. Тяжелая одежда упала на землю.

– Дальше.

Ухватила пальцами за полу рубашки, поднимая до бедер, а потом вдруг отпрыгнула в сторону и понеслась прочь, пользуясь его растерянностью. Нет, не сможет она. Никогда не подчинялась никому, вечно сбегала, и теперь – сбежит. Главное, подальше его увести, а там уж... Кинжал просто обжигал ладонь.

– А ну стой, могой!

Ага, конечно. Она просто так побегать решила, чтобы размяться.

Бежала так, что земли под ногами не чувствовала.

Если бы не беременность, Женька бы так не боялась. А сейчас – один удар в живот или неловкое падение, и все, нет больше ребенка

Баяра. Слишком хрупкая внутри ее ноша. Поэтому Женька мчалась, с ужасом понимая, что Карын не отстает. Он сильнее ее и, наверное, выносливее. Лишь бы саблей в спину не ударил!

Тойрог возник перед ней внезапно – ноги сами принесли ее в место, где она так любила раньше проводить время. Да! Все было верно, именно сюда ей и было нужно. Здесь у нее был хоть и призрачный, но все же шанс расправиться с насильником.

Место силы, загадочный магический круг из камней. Даже Аасор не знал, кто создал Тойрог и какие тайны он хранит. Старик когда-то рассказывал ей легенду, что невинные души могли укрыться в Кругу, и он прятал их от всех. Может быть, чудо случится и ей удастся просто исчезнуть?

Нет. Карын ловко перепрыгнул через каменный ряд, ухмыльнулся торжествуяще:

– Вот ты и попалась. Какое интересное ты выбрала место, Дженна, чтобы стать моей. Что ж, возражать не буду. Я был терпелив с тобой, но ты не оценила. Теперь – никакой пощады не жди.

Женька поняла, что выбора у нее нет. Точнее есть, но оба варианта ей не нравились. Можно было просто сдаться, перетерпеть – ну не убьет ее еще одно насилие, как будто мало этой грязи в ее жизни было. Стиснуть зубы, зажмуриться и отдать врагу только тело, не душу. Остаться живой и сохранить ребенка. Вот только нет никаких гарантий, что Карын после попросту не перережет ей горло. Или не придушит в процессе.

Или можно сражаться. С риском потерять ребенка. Или умереть самой.

А если в итоге смерть – то лучше уж лицом к лицу.

– Тэгье! – крикнула она, взмахивая кинжалом. – Подходи, приласкаю!

Что произошло? Отчего вдруг показалось, что древние камни дрогнули, а тонкие невидимые нити, потянувшиеся к ней, зазвенели как струны? Волшебство? Все же Тойрог откликнулся на ее беспомощную мольбу?

Карын шагнул к ней, смеясь, вытаскивая из ножен саблю, но вдруг застыл, не веря своим ушам.

– Отойди от моей жены, шакал.

Сзади него стоял Баяр – тоже с саблей. Спокойный, как всегда, совершенно невозмутимый, холодно глядящий на брата. Его здесь быть никак не могло, он не мог так быстро их догнать (к тому же он оставался еще очень слабым, вряд ли встал бы на ноги), но он был. Волшебство? Красная рубашка, подвязанная поясом, острая сабля в руках. И взгляд такой... равнодушный. На Женьку – ни малейшего внимания.

– Так ты все же выжил? – проскрипел Карын, медленно поворачиваясь. – Какой... везучий!

Был ли в его голосе страх? Непонятно. Женька поудобнее перехватила кинжал, не спеша вмешиваться в мужские разговоры.

– А ты, я смотрю, любишь объедки подбирать, шакал? – оскалился Баяр, обходя Карына по кругу, медленно, грациозно – как дикий зверь. – Или тебе так нравятся мои женщины? Не спорю, я выбираю только лучшее.

– Нет, мне нравится отбирать у тебя игрушки, – ухмыльнулся Карын, ссутулившись, сжавшись в пружину. – И ломать им шеи. Как в детстве.

Гнев в глазах Баяра, сверкание клинка, звон стали. Братья столкнулись в смертельной схватке – не за женщину, не за власть – за право на жизнь. Карын более кряжистый, с длинными руками и чудовищной силы ударами. Баяр гибкий, ловкий, увертливый. И – едва вернувшийся с того света. Несмотря на то что он двигался легко и весело, Женька видела, что муж ее слабее и медленнее, чем всегда. Не так быстро реагирует, не так метко бьет.

Что ж, значит, надо вмешаться. Даже если Баяр потом будет в ярости. Время словно замедлилось, воздух стал вязким как кисель, камни стонали и звенели. Женька, преодолевая сопротивление, шагнула вперед. В тот миг Баяр споткнулся, упал на одно колено – и Карын торжествующе вскинул свою саблю. Женька метнула кинжал – больше она сделать ничего не успевала. Рука ее была тверда, острие вошло ровно в затылок. Карын дернулся, застыл, а Женька, воспользовавшись этим мгновением, подскочила к нему, прыгнула на спину, выдергивая из-за его пояса нож, и рывком полоснула этим ножом по горлу. Хлынула кровь, Карын захрипел и повалился на землю.

Женьке было на него совершенно наплевать. Она упала на колени рядом с Баяром, пытаясь ухватить его за плечи. Неожиданно пальцы ее не нашли опоры. Замерла, еще ничего не понимая.

– Нэхэр, ты в порядке? Что с тобой? Откуда ты тут?

Но Баяр растворялся в воздухе, глядя на нее с ласковой улыбкой. Протянул к ней руку, но щека ощутила только касание воздуха. Исчез.

Получается, Женька открыла Тойрог для Карына? Мог ли он открыться второй раз или Карына в свое время миновало это испытание? И что же – его самым большим страхом был младший брат?

Поднялась на ноги, тщетно пытаясь счистить с колен пятна крови и грязи, носком сапога перевернула лежавшее навзничь тело. Карын был абсолютно и окончательно мертв. Ну и ладушки, туда ему и дорога.

А потом вдруг поняла, что наделала: да она хана убила! Что теперь с ней будет? Не иначе – казнят! Вряд ли кто-то защитит ее. И никакие оправдания не помогут. Карын – это не иштырец. Что делать, как объясняться?

До чего же холодно! Женька вдруг затряслась, застучала зубами. Нет, нельзя ей простужаться теперь, а значит – и сбежать в степь не выйдет. На небе тучи, того и гляди начнется дождь. Не лето, одной уже не выжить. Придется возвращаться в стан.

Впрочем, ей в этом помогут – вон воины Карына уже спешат к Тойрогу.

Глава 44

Заговоренный

Баяр спешил. Если бы кто-то сказал ему, что человек, два дня лежавший при смерти и извергавший из себя даже воду, сможет сесть верхом и устремиться в бой, он бы не поверил. У кохтэ были свои сказки, которые рассказывали вечерами у костров – про Асахана, к примеру, воина столь славного, что никто и никогда не мог одолеть его в битве. В Великой войне с угурами Асахан единственный из своей тысячи остался невредимым. Его не задела ни одна стрела, не коснулась ни одна сабля.

И угуры – не тронули. Потому что сочли его не то божеством, не то демоном.

Асахан приходился Баяру дедом, отцом его матери. Мать, кстати, всегда говорила, что именно третий ее сын больше всех похож на этого сказочного воина. Умер ее отец как раз незадолго до рождения Баяра – глупо и нелепо умер, укушенный змеей. Долгое время утверждали, что новорожденный сын хана – наследник своего деда. Сам Баяр только посмеивался, но знал и верил – он тоже неуязвим и почти бессмертен.

Оказалось, нет. Как хрупка человеческая жизнь! Ни стрела в спину, ни вражеская сабля – какие-то травки чуть было его не сгубили! Он был уверен, что умрет, но, когда Дженна сказала, что беременна, – всеми силами пожелал жить. Цеплялся упрямо за одно только желание увидеть, взять на руки своего ребенка. Представлял его, закрывая глаза. Искал взглядом жену, открывая глаза, каждый раз с трудом. Заставлял себя пить воду, даже когда больше не влезало.

Вот и теперь – откуда только силы взялись – одевался, шатаясь от слабости, обливаясь потом и то и дело опираясь на верного Нарана.

– Да куда ты собрался? – пытался вразумить его друг. – Ты же умрешь по дороге, Баяр! Тебя ветром сносит! Тебе саблю не удержать!

– Я должен ехать за Дженной, – упрямо отвечал Баяр.

– Ты должен выжить. Ты – хан, забыл? От тебя зависит жизнь сотни людей. Если ты погибнешь, что станет со станом?

Баяр на мгновение замер, задумавшись, а потом решительно потряхнул головой:

– Поедете обратно, к родителям и братьям своим. Примут. Вас же не изгоняли, вы самовольно умчались. Ну, плетьюм высекут за глупость, так сами виноваты. А может, даже и не высекут – вон сколько добычи принесете в отчий стан.

– Связать бы тебя, – покраснел Наран от злости. – Так ведь выберешься и один сбежишь. Да?

– Попробуй свяжи, – усмехнулся Баяр. – Сам же знаешь, огонь любые веревки перережет.

Уточнять, что у него нет сил даже на то, чтобы вызвать искру, не то что пламя, Баяр благоразумно не стал. Он прекрасно знал, что Наран поворчит, но сделает так, как пожелает его командир. Так и вышло. Рыжеволосый лично надел на Баяра кожаный доспех, затянул все ремни, а потом помог другу взгромоздиться на коня. Благо, что Баяр в седле сидел едва ли не с младенчества, мог даже спать, так что свалиться не должен. По крайней мере – на виду у всего войска.

– Бат, за главного остаешься, – приказал хрипло Баяр. – Со мной – десятки Айрата и Есугая. И Наран. Если мы не вернемся через семь дней – собирайте стан и идите домой. Ясно?

– Да, Баяр-ах, – кивнул десятник, а сам шепнул Нарану: – Через пять дней поедем вас отбивать, не задерживайся.

– Против пяти тысяч воинов? – усмехнулся сотник. – Против отцов и братьев? Даже не думай. Пожалей их, им потом хоронить вас будет очень грустно.

Бат нахмурился и замолчал, прекрасно понимая, что Наран прав.

Баяр все это, конечно, слышал, но внимания не обратил, мечтал сейчас только о том, чтобы не упасть без чувств. Перед глазами плыли разноцветные пятна, кружилась голова. Но спустя четверть часа ему вдруг полегчало. Сил по-прежнему было немного, но холодный ветер в лицо и обрушившийся на степь проливной дождь странным образом словно оживили его. Всадники мчались вперед, грязные и мокрые, умные кони не знали усталости.

Всем степные лошади хороши: выносливые, послушные, резвые, неприхотливые. Зимой обрастают лохматой шерстью, копытами добывают из-под снега траву, обглаживают кусты. У угуров коней немного: нет пастбищ. В их землях много воды, в полях выращивают злаки и овощи. У моров на севере – леса да болота. Там тоже лошади совсем другие: чаще всего лишь тягловые и рабочие. Крупные,

сильные, но к бою и долгим скачкам непригодные. Опять же – попробуй прокорми! Коня себе могут позволить только богатые и знатные моры.

Баяр в последнее время не раз думал, что стоит пойти походом на север: против быстрой и мощной кохтской конницы не смогут выстоять ни неповоротливые пешие воины, облаченные в тяжелые металлические кольчуги, ни крестьяне, не обученные воинскому делу, умеющие разве что рогатины в руках держать. А земли северные богаты мехами, деревом да золотом, которое, говорят, прямо в реках у них вместо камней попадается.

Да. На севере непременно стоит побывать, но сначала – разобраться с ближними соседями. Мерзость иштырскую стереть с лица земли, а женщин и детей их забрать в свои станы да сделать кохтэ.

Молодой хан огляделся вокруг и усмехнулся про себя: степь свою он любил даже такой, серой и тусклой от дождя. И обжигающе-холодной любил, и цветущей, и безжизненной. Земля его предков, дающая силы. Невольно подумалось, что жена его похожа на степь: холодная и колючая, но если быть с ней терпеливым – откроешь настоящую Дженну, нежную, щедрую и очень честную. Поэтому и мчался он за ней сейчас – за своей женщиной, носящей его ребенка. Своим самым главным сокровищем.

Он не знал еще, что скажет отцу, как будет мстить Карыну – такой вот слабый, не способный даже натянуть тетиву. Но брат больше никогда не посмеет забрать чужое, это Баяр себе обещал. Горло перегрызет ему, убьет. Иначе Карын никогда не успокоится. Давно надо было – но Баяр всегда помнил, что его обидчик – еще и брат. А только вдруг вышло, что ни Карын, ни Сулим, ни, наверное, Ирган, который во всем Карына слушался, хоть и были Баяру братьями, но семьей так и не стали. Значит – пора делаться тверже и злее. Многие он им прощал – но только не похищение беременной супруги.

– А ты и вправду как зачарованный, Баяр-ах, – сказал ему Наран, когда кохтэ остановились на ночлег. – Оружие тебя не берет, иштырцы не убили, и даже яд не смог отправить к предкам. Человек ты или демон, скажи? Три ночи назад ты умирал – а теперь дневной переход выдержал верхом.

– Не говори глупости, Наран, – устало ответил Баяр, жестом отказываясь от предложенного ужина. – Я мужчина, который идет за своей женой и ребенком. Ты бы так же за Листян пошел.

Рыжеволосый только головой покачал. Знал уже, что никогда младшая сестра хана не будет его, она уже вполне внятно об этом заявила. Маленькая злючка знала, что Наран от нее без ума, да все никак не отпускала, то кокетничая с ним, то улыбаясь ласково, то не замечая его, а то и вовсе откровенно грубя. Наран, конечно, понимал, что Лис его просто использовала, но не жалел. Пусть. В его жизни была любовь, а что дальше – увидит. С Баяром ему уж точно скучно не будет. Вот – снова он рвется в бой, едва встав на ноги.

– Ясного неба вам, братья, – раздался вдруг знакомый голос, и в кругу костра появился невысокий крепкий мужчина с совершенно белыми волосами. – Вы не спешите.

– Отец! – радостно воскликнул Наран, а потом, вспомнив, как поступил с родителем, убегая из стана, смутился и уже тихо продолжил: – Нурхан-гуай! Каким ветром?

– Явно не добрым. Что с ним? – Старый воин присел на корточки рядом с Баяром. – Ранен? Умирает?

– Вроде того. Отравили.

– Ясно. Немного я не успел. Баяр, слушай меня. – Нурхан-гуай коснулся висков молодого хана. – Я сейчас сварю тебе отвара, ты выпьешь...

– Ни за что. Больше ничего пить не буду, кроме воды.

– Я никогда не желал тебе зла, ты знаешь. Хочешь спасти свою Дженну – придется рискнуть. Баяр, отец твой мертв, хан теперь Карын. Понимаешь?

Баяр попытался приподняться, но не смог. Сегодняшний переход измучил его гораздо больше, чем он хотел показать.

– А Дженна?

– Пока ее не трогают. Но надолго ли хватит терпения твоего брата? Что, будешь пить?

– Поклянись...

– Я матери твоей клялся. И деду – что буду всех его потомков оберегать. Нет мне резона тебя убивать, мальчик. Ты один можешь Карына одолеть, больше никому.

– Давай свою отраву.

Сколько себя помнил Баяр – Нурхан-гуай был рядом. С младенчества. Вытирал слезы, вправлял выбитое плечо, перебинтовывал царапины, давал советы, утешал и радовался вместе с ним. Отцу на сыновей не всегда хватало времени, и тогда все они бежали к дядьке Нуру. Именно он учил Баяра стрелять из лука и держать в руках саблю. Если и он предаст – то будь проклят весь народ кохтэ.

Горячее пойло обжигало горло, но Баяр выпил. И тут же заснул – очень крепко и тихо. И снился ему, внезапно, Тойрог. И Карын.

Все было так реально, что молодой хан ощущал и тяжесть сабли, и скользкую землю под ногами, и запахи осенней травы и дождя. Видел бледную Дженну и ее глаза, полные звериной ярости. Нет, даже и не Дженну, а Дженая он видел – мальчишку-рюса, который готов был убивать, защищаясь, и смело шагал навстречу заведомо более сильному противнику.

Как тогда, впервые, с шакалами.

Видно, судьба ее такая – сражаться в Тойроге с шакалами. Но теперь он рядом и не даст ее в обиду.

Несмотря на то что он чувствовал себя почти здоровым (что, несомненно, возможно было только во сне), Баяр вдруг понял, что Карын сильнее его. Быстрее. Выносливее. И палаш в его руках тяжелее и длиннее. Но самое главное – Карын не задыхался от слабости и не ощущал смертельной усталости.

Баяр вдруг споткнулся о камень, ноги у него подломились, и соперник мгновенно воспользовался его смятением. Но Дженай был настоящим воином – да, хан помнил, что он отменно владел ножами. Время словно замедлилось, воздух стал вязким, как кисель. Кохтэ отчетливо видел, как брошенный кинжал, неторопливо вращаясь в воздухе, летит прямо в цель. Слышал всхлип стали, входящей в плоть. Стон соперника. Дженай прыгнул на Карына, выхватывая из-за его пояса нож, и одним рывком полоснул того по горлу. Хлынула рекой алая кровь, только ни одной капли не упало на Баяра, и он вдруг и жену свою стал видеть как сквозь пелену тумана, и холод земли, и звуки ветра ощущать перестал.

Дженна что-то говорила ему, но он понял только, что она назвала его мужем, протянул к ней руку... и проснулся.

Над степью вставал рассвет. Было ясно, небо высокое, чистое, от вчерашних туч не осталось и следа. Желтые и серые холмы на горизонте, жесткая сухая трава, краски неба невероятной красоты заорожили даже никогда не замечавшего их Баяра. Он довольно легко сел, почувствовав вдруг мимолетную боль в ноге, прислушался к своему телу и ощутил зверский, выворачивающий наизнанку голод. Значит, живой.

К тому времени, когда остальные кохтэ проснулись, над костром уже висел котелок, а сам Баяр прихлебывал из миски бульон и пальцами вылавливал оттуда куски мяса и шарики курута.

– Выспались? – весело спросил он друзей. – Дозорного не выставили почему? Наран, гляди – еще одна оплошность, и сотником поставлю Бата или Бурсула. И не думай, что мы в безопасности в землях кохтэ, сам знаешь – ожидать нападения можно даже от родного брата.

– Ты сейчас крепко меня обидел, Баяр-ах, – с достоинством ответил сотник. – Нурхан-гуай не спал!

Баяр огляделся, не замечая фигуры наставника. Только что-то рыжее мелькнуло вдруг в траве, а потом исчезло. И с земли поднялся старый воин. Никто не сказал ни слова. Давно уже поговаривали, что Нурхан-гуай – оборотень, но до сих пор никто не видел ничего подозрительного. И сейчас – никто ничего не видел и никогда не расскажет.

Глава 45

Большой совет

– Мертв, – сказал кто-то из кохтэ. – Карын-ах убит... женщиной?

– Нет, – сказала Дженна, обхватив дрожащие плечи руками. – Колдовство. Справедливость свершилась.

– Она правду говорит, – неожиданно раздался знакомый голос. На плечи Женьки опустилось теплое одеяло. – Разве может женщина, даже женщина-воин, убить хана? Вы на следы посмотрите. Кто еще был здесь, Дженай?

– Баяр. – Женька позволила себе затрястись по-настоящему. – Они сражались с Карыном, а я... вмешалась.

– Бой с мертвецом?

– Баяр жив, конечно. Разве я дала бы ему умереть?

Стало вдруг очень тихо. Один из мужчин – рослый парень на голову выше всех кохтэ – быстро обернулся и пристально глянул ей в глаза.

– Но где он?

– Ждите, – усмехнулся Аасор. – Будьте уверены, приедет. И очень быстро. Не оставит же он свою жену... и ребенка, да, Дженай?

Женька кивнула и зачем-то сказала:

– А если стан Баяра принес мне клятву верности на золоте и крови, назвав меня своей матерью, а я убила Карына в поединке, я теперь – новый хан? В смысле ханша?

Аасор фыркнул весело.

– А не много ли ты о себе возомнила, девочка? Так не выйдет.

– Жаль, – пробормотала она. – А как красиво бы получилось!

– Если Баяр жив... то будет теперь сражаться с Ирганом за право быть ханом. Не тебе же выходить на поединок.

– Я не буду драться с женщиной, – с тревогой заявил прислушивавшийся к разговору высокий воин. – Пусть... с Баяром разговаривать станем.

– Я ему не нравлюсь, – пожаловалась Женька Аасору, закашлялась и вдруг тихо засмеялась. – Это, наверное, хорошо. Одни неприятности от этих мужчин!

– Она сказала правду, – заговорил один из пожилых воинов. – Здесь и правда кто-то был. Карын сражался. И следы... духи мертвых следов не оставляют, верно?

– В Тойроге возможно все, – не согласился Аасор. – Я думаю, нужно созывать Большой совет. Самое время, да, Ирган?

Ирган испуганно кивнул. Второй сын хана никогда не отличался великим умом и сейчас совершенно не знал, что ему делать. Большой совет – это именно то, что сейчас нужно, чтобы ему самому не пришлось судорожно придумывать, что сказать и что сделать с этой непонятной женщиной, такой маленькой и хрупкой. Неужели она сумела убить сильного и ловкого Карына? Нет, он никак не мог в это поверить. Пусть лучше ее судят старейшины.

Большой совет собирается очень редко и только по крайне важным вопросам. Таким, как, например, военные союзы. Или – смещение хана. За все время ханства Тавегея его собирали раза четыре, не больше.

Шатер всех участников не вмещает, поэтому кохтэ разместились вокруг круглого каменного очага в центре стана. Здесь пять тысячников и все сотники. Старцы и почтенные отцы славных сыновей. Несколько женщин – те, у кого больше десятка детей. Эймира тоже имела голос в Большом совете, и Ирган, и Аасор, и отец Охтыра, и еще многие другие – те, кого Женька узнавала в лицо.

Место хана пусто: Ирган так и не посмел туда сесть, а Эймира неожиданно для всех опустилась на циновку рядом с Дженной. Женька почти спокойна, ее охватило какое-то оцепенение. Только думает, что уж она-то точно не побоялась бы сесть на место хана. В конце концов, у нее есть свой народ, и Карын пал от ее руки.

– Смерть в Тойроге – всегда воля предков, – торжественно начинает Аасор. – Кто посмеет ее оспорить? С начала времен эти камни служили испытанием для воинов...

Он говорит еще долго, вспоминая едва ли не сотню великих предков кохтэ, которые все как один проходили свой Круг испытания, а потом совершали немыслимые подвиги. Те члены совета, что в возрасте, слушают его внимательно и одобрительно кивают, а тысячники откровенно зевают. Надо думать, историю Тойрога они слышали много раз, и им совершенно неинтересно вспоминать, как в

Великой битве с морами Шойган-ах одержал победу, но сам скончался от ран.

– Стало быть, Дженай, прошедший Тойрог, – настоящий воин. Более того, сотня воинов принесла ему клятву верности. И его победа над Карыном – знак того, что он достоин быть ханом.

Что? Задумавшаяся было Женька встрепенулась. Как это – ханом? Да что он такое говорит? Есть ведь Баяр, в конце концов!

Тысячники тоже вскакивают с мест возмущенно:

– Да ведь она – женщина!

– Она – сотник и вождь. А по древним законам...

– Что ты плетешь, шаман? Или твои зелья свели тебя с ума? Или едкий дым костра выел весь разум? Не бывать женщине ханом.

– К тому же она – чужеземка!

– Став женой Баяра, Дженна вошла в мой род, – негромко напоминает Эймира.

– Так то Баяр! Будь здесь Баяр, никто бы не усомнился...

Аасор тонко улыбается. Да, они сами сказали это, сами озвучили.

– Но Баяра нет, и вообще, неизвестно еще...

И громкий крик дозорных:

– Приближаются всадники!

Не совет, а цирк какой-то! Женька досадливо вздыхает, впрочем, благодарно кивая, когда кто-то из женщин протягивает ей чашку с горячим молоком и медом. Принюхивается – интуиция ее молчит, значит – безопасное питье. Отхлебывает мелкими глотками, жмурясь от растекающегося внутри тепла, и ждет, пока дозорные не приведут гостей, которые так открыто спешат к стану. Точно не враги – никто не посмел бы напасть на пять тысяч воинов двумя десятками.

Первый же приблизившийся к совету человек вызывает общий вздох изумления и облегчения. Женька, нарушая все правила, забывая обо всем, вскакивает и бросается ему на шею. Пришел за ней, живой, настоящий, теплый. Исхудававший немислимо, очень бледный, с темными кругами под глазами, но смотрит весело и обнимает так крепко, словно уже вполне восстановился. И как только смог вообще подняться на ноги?

Теплые шершавые губы прижимаются к ее лбу, пальцы зарываются в волосы, сбрасывая шапку, и Женька вдруг всхлипывает,

прижимаясь к его твердому телу так крепко, словно хочет в него врасти.

– Отпусти жену, Баяр-ах, никуда она от тебя не денется. Сядь. Тут, как я понял, Большой совет? Вовремя мы...

Нурхан-гуай весело оглядывается по сторонам, все замечая: и пустующее место хана, и отводящего глаза Иргана, и взволнованно переговаривающихся тысячников. Замечает все и Баяр. Медленно и степенно он подходит к низкому креслу, которое раньше занимал его отец, и опускается на него, притягивая жену прямо на колени. Он – претендует. Теперь это ясно каждому.

Внезапно один из тысячников вскакивает и низко кланяется.

– Мой хан, прими мою саблю и мою жизнь.

Это – отец Охтыра.

– И мой кнут прими, Баяр-ах, – подходит ближе Нурхан-гуай.

– И мой кинжал. – Аасор бросает к ногам Баяра тот самый, между прочим, кинжал.

– И мою саблю прими, брат, – неожиданно кладет на землю тяжелый палаш Ирган.

И старая Эймира облегченно выдыхает: четверо из шестерых ее сыновей живы и невредимы. Все же судьба очень милостива к ней.

Баяр склоняется к брату:

– Ты не будешь сражаться? Почему?

– Отец не раз говорил, что ты – его наследник. Кто я, чтобы ему возражать? Карын вон посмел – и был убит. Предки покарали его. Надеюсь, Баяр, в моей жизни будут не менее великие сражения.

– Будут, – подтверждает Баяр. – Весной пойдем на иштырцев. Слишком много воли они взяли, слишком часто нарушают границы. Но для начала – соберем войско, равного которому не бывало еще в степи. Отныне даже женщины смогут учиться стрелять и ездить верхом. И если захотят – пройдут Тойрог. О кохтэ узнают все племена. Мы покорим восток и запад, и север будет платить нам дань. Пришло время великих сражений.

При словах о сражениях и победах вспыхивают глаза у молодых сотников. Старцы переглядываются, а женщины качают головами. Никто уже не вспоминает о Карыне, каждый спешит высказать свое мнение о том, куда нужно идти в первую очередь. Баяр щурится довольно, а потом отправляет Дженну в женский шатер.

Большой совет собирается редко и только по очень важному поводу. Например – для обсуждения грядущих военных походов.

А воины уже ведут упитанного молодого буйвола и ставят на очаги котлы. Будет пир. И новая клятва на крови и золоте.

Наран отправляется за уже своей сотней. До первого снега нужно перегнать стада, привести женщин и детей. Ему даже смешно: уходила из стана хана Тавегея сотня воинов, а вернулся целый народ с шатрами, женами, сыновьями. С козами и овцами, с запасами продовольствия. Ай да Баяр – славный из него выйдет хан!

Сулима Баяр убивать все же не стал. Заглянул в глаза матери, послушал мольбы сестры – и махнул рукой. Приказал отрубить хромоногую мизинцы, дать коня и провиант – да и отпустил в степь. Жизнь сама рассудит, кто прав, кто виноват.

Конь вернулся через неделю, тело брата, вернее, то, что оставили от него шакалы, воины тихо сожгли в степи, ничего не сказав ни Эймире, ни Листян.

Илгыз к первому снегу родила дочь, которую наотрез отказалась отдавать в шатер Баяра. Ее никто не трогал: кормящая мать священна. Да и после она вела себя скромно, стараясь не попадаться на глаза Дженне.

Женька тоже родила Баяру сына на исходе зимы. И событие это, пожалуй, запомнилось всем надолго. Ругалась она очень громко, на двух языках, рычала, что никогда больше Баяра к себе не подпустит, проклинала женскую долю и выла, что лучше сто раз пройти Тойрог, чем один раз родить. Аасор, правда, потом сказал Баяру, что роды были легкие и довольно быстрые, ребенок не слишком большой и вообще – вместо успокаивающих и снимающих боль отваров ханше нужно было выдать пару ударов плетью, мигом бы родила. Баяр только усмехался молча, принимая в свои руки долгожданного сына.

Здорового крепкого мальчика назвали Асаханом, хотя Женька и пыталась предлагать более привычные имена. Но обычно во всем уступающий жене Баяр тут настоял на своем, и она, пожав плечами, согласилась: Асахан так Асахан. Будет звать сына Сашей. Кто посмеет ей возразить?

Матерью, стоило признать, она стала скверной: никакого умиления и восторга Женька от материнства не испытывала, да и

грудью кормила недолго – быстро отдав младенца кормилице, вскочила в седло да вместе с мужем выезжала в обходы. Зато, как и ожидалось, Баяр сына обожал и с рук не спускал, когда был в стане. Его любви хватало на всех: и на Женьку, и на малыша Асахана, и на мать, которая охотно возилась с внуками, постепенно оживая и снова чувствуя себя нужной.

Эта зима стала, пожалуй, самой счастливой и спокойной в их жизни. Дальше их ждали великие битвы и новые союзы.

Эпилог

Раннее утро. Небо на востоке растекается розовыми полосами. Еще свежо после ночи, но воздух уже тяжелеет. Это лето выдалось в степи необычайно жарким.

– Почему я? – ворчит Женька. – Ты и сам можешь. И Аасор.

– Что я могу? – фыркает Баяр. – Пару тучек вызвать могу. А ты сильная. Вспомни, как зимой вышло.

Женька краснеет. Когда она на исходе зимы рожала сына, то призывала на голову Баяра всяческие невзгоды – например, чтоб его снегом засыпало. О чем-то более серьезном она бы не подумала. Но снегом их засыпало – да так, что пришлось откапывать овец. Ох, как ругался тогда шаман!

А теперь Баяр вывез жену подальше от стана и принялся учить, как вызывать дождь – засуха затянулась, река обмелела, травы все меньше. Ночь они провели под открытым небом, а сейчас он усаживает обнаженную Дженну между своих колен, обнимает ее, прижимает к себе и тихо мурлычет ей на ухо:

– Давай, сайхан, думай о дожде. Жди его. Желай всем сердцем. И зови: «Бороо».

– А обязательно это делать голой? – Ворча, Женька, выгибает спину и опускает затылок ему на плечо. Какой там дождь, о чем она вообще может думать, когда его пальцы мягко ласкают ее грудь? – Для огня ничего такого не требовалось. Ах!

– Обязательно, – смело врет Баяр, прижимаясь губами к изгибу шеи жены. – Вода же. Ты же не купаешься в одежде?

– Мм... дождь... тучи... бороо...

Его губы продолжают путешествие по плечу, а пальцы скользят вниз по животу. Баяру тоже уже совершенно не до магии. В стане летом слишком много дел. Войско готовится к очередному походу, да еще жара стоит такая, что в шатрах никто не спит, только снаружи. А это значит – жену свою он не ласкал вот так уже пару недель, если не больше. После родов она стала еще красивее. Округлилось тело, грудь сделалась больше, бедра круче. Она теперь не угловатый мальчишка, а взрослая и очень желанная женщина.

– Бороо-о-о... – Зов дождя больше похож на жалобный стон, и мужчина жмурится, вздрагивая.

Дженна извивается, оборачивается, ловя его губы, дышит уже часто и поверхностно. Такая отзывчивая, такая горячая! Как же ему хочется взять ее, распластать на земле и упасть на ее тело подобно тому долгожданному дождю! Но Аасор сказал, что Дженну надо вывести из равновесия, заставить «гореть» – и тогда все получится. Когда она пытается осмыслить каждое свое действие, силой внутреннего огня у нее пользоваться не получается. Она просто в нее не верит. Зато когда теряет голову – от паники ли, от страха или от страсти, результат выходит удивительно мощным. Баяр сомневается, что им нужен ураган и наводнение, но попробовать стоит. Потому что еще пару недель такой засухи – и нужно будет или уходить в земли угуров (а они стали очень напряженно поглядывать на кохтэ, особенно после похода на иштырцев), либо сокращать поголовье скота, что Баяру тоже делать не хочется.

Поэтому – решил послушать шамана.

Тем более что жена так сладко стонет в его руках, что он и сам уже стиснул зубы, уткнувшись ей в волосы и закрыв глаза.

– Дождь, Дженна, – хрипло бормочет Баяр ей в ухо, проникая в нее пальцами. – Бороо. Кричи, сайхан, кричи.

И она кричит протяжно, дрожа и выгибаясь.

Да! Небо быстро заволакивает черными тучами. Оставшаяся трава стелется под порывами ветра. Вдалеке сверкают молнии. Жена обессиленно всхлипывает, обмякает. Оглушительный раскат грома сотрясает всю степь, кажется, до самого основания.

Остановиться? Бежать в стан? Ну уж нет! Баяр переворачивает Дженну, ловит ее еще опьяненный взгляд и накрывает собой. Тяжелые капли дождя падают ему на спину, но он уже не чувствует их. Весь мир хана сейчас в губах Дженны, в руках, царапающих его плечи, в пятках на поясице, подгоняющих его, как коня: еще, еще! Он запускает пальцы в ее волосы (стричь их запретил со всей строгостью, а ведь она порывалась), рычит и громко стонет.

Безумие вокруг них – дождь хлещет как из ведра, ничего не видно вокруг. Безумие внутри: задыхаясь от страсти, они снова и снова спешат познать друг друга. Оба они – безумцы. Но в этом все их счастье.

---

notes

СНОСКИ

1

Пей (*кохтск.*). – *Здесь и далее примеч. авт.*

2

Лежи, лежи (*кохтск.*).

3

Нет (*кохтск.*).

4

Мальчик (*кохтск.*).

5

Давай (*кохтск.*).

Сказочники (*кохтск.*).

7

Шагнал – награда (*кохтск.*).

Робкая (*кохтск.*).

9

Муж (*кохтск.*).

Жена (*кохтск.*).

Малыш (*кохтск.*).

Матушка (*кохтск.*).

Лиса-оборотень (*кохтск.*).

Слова песни принадлежат автору.

Ведьма (*кохтск.*).

Змея (*кохтск.*).